

U $\frac{391}{258}$

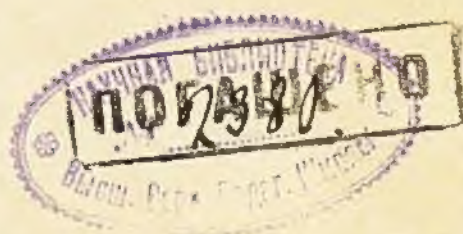
ф.в.
~~С.В.~~

О РОССИИ

ПОДЪ ДЕРЖАВОЮ

ДОМА РОМАНОВЫХЪ

ДО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

О РОССИИ

ПОДЪ ДЕРЖАВОЮ

ДОМА РОМАНОВЫХЪ

ДО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Библиотека 3-го Московскаго
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II
Кадетскаго Корпуса.

Отд. 7

№ 69

А. Вейдемейера.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

О РОССІИ

ДОМА РОМАНОВЫХЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 26 іюля
1857 года.

Ценсоръ *И. Лажечниковъ.*

Государственный
орденъ Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

41176-46

2007112094

ВЗГЛЯДЪ

НА СОБЫТІЯ ВЪ РОССІИ

**СЪ КОНЧИНЫ ПОСЛѢДНЯГО ЦАРЯ РЮРИКОВОЙ ДИНАСТІИ,
ОЕОДОРА ДО ВОЦАРЕНІЯ РОМАНОВЫХЪ.**

Съ кончиною Царя Оеодора Іоанновича, сына Іоанна Грознаго, послѣдовавшею 7-го января 1598 года, пресѣклось Рюриково царственное поколѣніе. Добродушный Оеодоръ, слабый духомъ и тѣломъ, не въ силахъ былъ самъ управлять государствомъ. Братъ супруги его, Царицы Ирины, Борисъ Оеодоровичъ Годуновъ, мужъ, одаренный умомъ глубокимъ и хитрымъ, овладѣлъ совершенно Царемъ Оеодоромъ и управлялъ государствомъ самовластно. Удаливъ достойнѣйшихъ царедворцевъ, которые, по любви народной къ нимъ, казались наиболѣе ему опасными, и утвердивъ такимъ образомъ еще болѣе свою власть, онъ простеръ честолюбивые замыслы свои къ самому престолу. Но для достиженія сей цѣли единственнымъ препятствіемъ былъ законный наслѣдникъ Царя Оеодора, меньшей братъ его, Димитрій, жившій съ матерью своею въ Угличѣ, данномъ ему въ удѣлъ отъ отца.

За семь лѣтъ до кончины Θεодора, среди бѣлаго дня, 15-го мая 1591 года, девятилѣтній Димитрій, игравшій на дворѣ съ своими сверстниками, былъ зарѣзанъ отъ подосланныхъ Годуновымъ злодѣевъ. Производившій по приказанію Годунова слѣдствіе, Князь Василій Шуйскій, донесъ, что Димитрій умеръ отъ припадка падучей болѣзни. Въ глазахъ Царя не падало подозрѣнія на Годунова, но общее мнѣніе видѣло въ немъ истиннаго виновника злодѣянія.

По смерти Θεодора, Годуновъ былъ избранъ Царемъ; мудрое его правленіе свидѣтельствуесть о его великихъ дарованіяхъ государственныхъ. Онъ думалъ быть родоначальникомъ новой династіи, полагалъ уже ее утвержденною и заглушалъ въ совѣсти своей память о преступленіи, которымъ достигъ скиптра. Но невинная кровь царственнаго отрока не осталась безъ мщенія....

Въ 6-й годъ по вступленіи Бориса на престолъ, явился человѣкъ предприимчивый, дерзкій, ума быстраго, именовавшій себя Димитріемъ, сыномъ Іоанна Грознаго, спасшимся будто-бы въ Угличѣ отъ убійцъ, Годуновымъ подосланныхъ. Первоначально открылся онъ въ Брагинѣ Князю Адаму Вишневецкому, у коего былъ слугою; потомъ познакомился съ братомъ Князя Адама, Константиномъ Вишневецкимъ, который ввелъ его въ домъ тестя своего Юрія Мнишка, воеводы Сендомирскаго. Мнишекъ былъ знатный польскій вельможа, впадшій въ неоплатные долги, а потому охотно изъявилъ свою готовность помогать мнимому Димитрію, надѣясь чрезъ то поправить свои дѣла, и помолвилъ дочь свою Марину за него, по съ условіемъ, что бракъ совершится, когда самозванецъ вступитъ на престолъ. Мнишекъ представилъ Лжедимитрія Королю Сигисмунду III, который съ радостію воспользовался случаемъ имѣть орудіе противъ Россіи. Признанный Королемъ Польскимъ, самозванецъ легко могъ набрать

сообщниковъ изъ шляхты и изъ запорожскихъ казаковъ, среди которыхъ онъ прежде долго жилъ. Въ 1604 году отправился онъ съ набранной дружиной къ предѣламъ Россіи помогать Московскаго престола. Борисъ Годуновъ принялъ всѣ мѣры къ уничтоженію сего предпріятія, извѣстилъ Короля и вельможъ польскихъ, что мнимый Дмитрій есть никто иной какъ Гришка Отрепьевъ, бѣглый монахъ Чудова монастыря; для уличенія послалъ людей, знавшихъ его въ Москвѣ, поставилъ бдительную стражу на границахъ польскихъ и обнародовалъ манифестъ, описавъ подробно жизнь Лжедмитрія. Смѣлый самозванецъ, не смотря на то, продолжалъ дѣйствовать и шелъ впередъ съ переменнымъ счастьемъ въ битвахъ противъ царскихъ войскъ; былъ признанъ постепенно разными городами какъ законный государь; потомъ, претерпѣвъ пораженіе отъ царскихъ войскъ, помышлялъ бѣжать въ Польшу, какъ вдругъ, къ его счастью, распространилась вѣсть о неожиданной скоростижной смерти Годунова, по общему мнѣнію отравившаго себя.

Борису наследовалъ сынъ его, Θεодоръ, одаренный прекрасными свойствами ума и сердца. Юный Θεодоръ не могъ прекратить волненіе умовъ. Войско еще сохраняло вѣрность роду Годунова; когда же главный изъ военачальниковъ, Петръ Басмановъ, перешелъ на сторону мнимаго Дмитрія, тогда и войско послѣдовало его примѣру. Съ приближеніемъ самозванца къ Москвѣ, произошелъ мятежъ въ столицѣ. Θεодоръ, царствовавшій 6 недѣль, былъ сверженъ съ престола и лишенъ жизни; всѣ присягнули Лжедмитрію.

Достигнувъ престола, онъ пріобрѣлъ много обманутыхъ имъ приверженцевъ, плѣненныхъ его мужествомъ, быстрымъ умомъ и рѣшительной волей; многіе признавали его истиннымъ Дмитріемъ. Но вкорѣ онъ возстановилъ противъ себя всѣхъ легкомысліемъ своимъ и привязанностію ко всему ино-

земному; позволялъ себѣ колкія насмѣшки надъ невѣжествомъ бояръ, и презиралъ старые обычаи; озлобилъ противъ себя духовенство отобраніемъ у монастырей помѣстьевъ, назначенныхъ въ жалованье войску. Общее негодованіе усилилось еще болѣе, когда прибыло въ Москву 2000 Поляковъ съ Мариною Мнишекъ, невѣстою самозванца, которая вскорѣ была съ нимъ обвѣнчана. Поляки поступками и рѣчами своими оскорбляли самолюбіе Россіянъ, и раздражили общую къ нимъ ненависть. Наконецъ вспыхнулъ мятежъ. Князь Василій Шуйскій, тотъ, который по порученію Годунова сдѣлалъ ложное свидѣтельство о смерти Царевича Дмитрія, былъ виновникомъ низверженія самозванца. Предводительствуя народомъ, онъ вломился въ Кремль. Лжедмитрій и большее число Поляковъ были умерщвлены. Марина съ отцемъ своимъ заключена въ темницу. Честолюбивый Василій Іоанновичъ Шуйскій, съ помощію приверженцевъ своихъ, провозглашенъ Царемъ. Одаренный умомъ хитрымъ и съ образованностію, отличною по тогдашнему времени, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы возстановить спокойствіе; долговременное его служеніе отечеству и опытность въ дѣлахъ государственныхъ должны были внушить довѣріе къ его правленію. Но не было возможности успокоить умы. Ложная молва о существованіи Дмитрія продолжалась и колебала престолъ Василія; чернь, готовая къ буйству и безпорядкамъ, вѣрила, что Дмитрій живъ. Опять началось возстаніе, главнымъ виновникомъ коего былъ Князь Шаховской, любимецъ Отрепьева, и знавшій лучше всякаго о смерти его.

Хотя назначенный Шуйскимъ въ Путивль воеводою, Шаховской дѣйствовалъ противъ него, разославъ грамоты въ разныя мѣста о новомъ спасеніи Дмитрія, однако болѣе года не представлялось человѣка, желавшаго играть роль самозванца; между тѣмъ грамоты Шаховскаго распростра-

ли волненіе и мятежъ. Составилось ополченіе въ городахъ сѣверскихъ изъ бѣглыхъ крестьянъ, холопей боярскихъ, казаковъ и даже, частію, изъ честныхъ гражданъ, увлеченныхъ примѣромъ или силою. Предводителемъ сего войска, все именемъ Дмитрія, сдѣлался холопъ Князя Телятевскаго, Иванъ Болотниковъ. Онъ пошелъ на Москву, разбилъ двухъ царскихъ воеводъ, взбунтовалъ область Рязанскую, гдѣ также составилось войско подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова. Города Смоленскіе и Тверскіе послѣдовали примѣру Рязани. Болотниковъ одержалъ потомъ побѣду надъ царскими войсками Шуйскаго при селѣ Троицкомъ и тѣмъ открылъ себѣ дорогу къ столицѣ. Близъ оной соединился онъ съ Ляпуновымъ, остановился лагеремъ въ селѣ Коломенскомъ, опустошалъ безъ пощады окрестности Москвы, и объявилъ Шуйскаго сверженнымъ съ престола.

Но въ Коломенскомъ станѣ скоро возникло несогласіе. Воеводы, избранные городами, не признавали власти Болотникова; къ тому же и Дмитрій не являлся. Василій воспользовался симъ, объявивъ прощеніе за раскаяніе и лютую казнь за упорство въ мятежѣ. Ляпуновъ, убѣдясь въ обманѣ, явился къ нему и былъ принятъ съ честію; онъ образумилъ Рязанцевъ. Болотниковъ остался съ одними казаками и сѣверскими бродягами. Вытѣсненный юнымъ Скопинымъ—Шуйскимъ, долго держался онъ въ Калугѣ, потомъ въ Тулѣ, гдѣ присоединились къ нему Донскіе казаки, подъ начальствомъ бродяги Илейки, выдававшего себя за Царевича Петра, мнимаго сына Царя Ѳеодора Іоанновича. Послѣ многихъ битвъ Царь овладѣлъ Тулою, взялъ въ плѣнъ Болотникова и Лжепетра (*) и разсѣялъ скопище мятежниковъ.

(*) Лжепетръ былъ повѣшенъ; Болотниковъ съ другими мятежниками отвезенъ въ Каргополь и утопленъ.

Въ это время явился мнимый Дмитрій, родомъ изъ Бѣлоруссіи, а званіемъ церковникъ; нѣкоторые утверждали даже, что онъ былъ изъ жидовъ. Съ помощію Мѣховецкаго, любимца Отрепьева, склонилъ онъ на свою сторону города сѣверскіе. Но главною опорою его были польскіе паны, поспѣшавшіе въ Россію съ своими дружинами; изъ нихъ значительнѣйшіе были Князь Рожинскій, Тышкевичъ и въ особенности отчаянный Лисовскій. Новый самозванецъ, идя къ Москвѣ, встрѣчалъ вообще доброжелателей, но въ Брянскѣ оказанное ему сопротивленіе заставило его остановиться. Между тѣмъ Царь собралъ войско, которое было распушено по взятіи Тулы, и послалъ его подъ начальствомъ своего брата Дмитрія; но оно было разбито близъ Болхова. Торжествующій самозванецъ укрѣпился въ 12 верстахъ отъ столицы, въ селѣ Тушинѣ, ожидая добровольной сдачи Москвы.

Тушинскій воръ стоялъ 17 мѣсяцевъ подъ столицею, все усиливаясь, то запорожцами, то польскими дружинами подъ начальствомъ знаменитыхъ удалцевъ, изъ коихъ славился особенно Янъ Сапѣга; но болѣе всего содѣйствовало успѣху самозванца прибытіе къ нему Марины, получившей свободу для возвращенія въ свое отечество; она признала сего Лжедмитрія своимъ супругомъ; поступокъ этотъ заставилъ многихъ думать, что Дмитрій спасенъ; даже поколебалась и самая Москва, такъ что легковѣрные толпами приходили къ самозванцу.

Ожидая покорности столицы, Лжедмитрій отрядилъ Сапѣгу и Лисовскаго, чтобы овладѣть Троицкою лаврою, вмѣщавшею въ себѣ несмѣтныя богатства; но обитель сія оказала упорное сопротивленіе и осталась главною защитою Царя и отечества; она грамотами своими тревожила умы Тушинскаго стана, высылала вооруженныхъ монаховъ для

истребленія самозванцевыхъ шактъ и снабжала Царя деньгами. Старцы монастырскіе съ помощію нѣсколькихъ сотъ стрѣльцевъ и ободряемые мужественными воеводами Княземъ Долгорукимъ и Голохвастовымъ, огражденные только каменными стѣнами, томимые голодомъ, холодомъ и болѣзнями, защищались болѣе года противу 30,000 непріятелей; дѣлали вылазки, разрушали тайные подкопы и отстояли лавру; осада сія причинила много вреда самозванцу и спасла Москву отвлеченіемъ отъ Тушинскаго стана лучшихъ войскъ подъ предводительствомъ опаснѣйшихъ враговъ Россіи, Сапѣги и Лисовскаго.

Большая часть городовъ не послѣдовала примѣру лавры и сдалась самозванцу. Шайки его бродили по всѣмъ направленіямъ. Василій, доведенный до крайности и начиная сомнѣваться въ вѣрности Москвы, прибѣгнувъ къ помощи иноземной. Чрезъ племянника своего, Князя Михаила Скопина—Шуйскаго, просилъ онъ войска у Шведскаго Короля Карла IX, видѣвшаго въ самозванцѣ орудіе Сигисмунда, непримиримаго врага Швеціи. Король, охотно выполняя желаніе Царя, выслалъ къ нему на помощь 5000 войска подъ начальствомъ знаменитаго полководца Делагарди. Храбрый Скопинъ, соединясь съ достойнымъ симъ сподвижникомъ, принялъ главное начальство надъ войскомъ; спѣшилъ прежде всего возстановить царскую власть въ сѣверныхъ областяхъ, и менѣе чѣмъ въ полгода очистилъ все пространство отъ Новгорода до Москвы; разбилъ на—голову Сапѣгу, и занялъ крѣпкую позицію въ Александровской слободѣ, удерживая всю сѣверную Россію въ повиновеніи.

Самозванецъ, встревоженный успѣхами Скопина, рѣшился сильнымъ ударомъ низпровергнуть Шуйскаго съ престола и въ іюнь 1609 двинулъ все свое войско, около 60,000 человекъ на Москву. Но столица, ободренная побѣдами юнаго героя Скопина, отбила и разсѣяла скопища злодѣя.

Волненіе начинало уменьшаться, умы склонялись въ пользу Василя. Доблестный Скопинъ, умирняя мятежъ, ежедневно увеличивалъ число доброжелателей своему дядѣ. Когда обстоятельства принимали столь благопріятный оборотъ и Москва съ нетерпѣніемъ ожидала Скопина, чтобы истребить Тушинскаго вора, Сигисмундъ III, до сихъ поръ тайно покровительствовавшій самозванцу, вступилъ явнымъ непріателемъ въ Россію съ войскомъ, надъ которымъ самъ принялъ начальство, хотя за годъ передъ тѣмъ заключеннымъ мирнымъ трактатомъ между русскими боярами и королевскими послами прекращались всѣ неудовольствія съ обѣихъ сторонъ. Василій, свято исполняя условія договора, не давалъ ни малѣйшаго повода къ непріязни. Честолюбивый Сигисмундъ хотѣлъ овладѣть Московскимъ престоломъ, и надѣялся безъ труда достигнуть сей цѣли, повѣривъ врагамъ Василя, что при первомъ его появленіи будетъ онъ встрѣченъ Русскими съ радостію.

Замышляя о присвоеніи Русскаго престола, Сигисмундъ не хотѣлъ болѣе покровительствовать Лжедмитрію, и требовалъ, чтобы Поляки, служившіе самозванцу, явились къ войску королевскому. Это повелѣніе произвело сильное волненіе въ станѣ Тушинскомъ. Одни пошли къ Королю, другіе остались при Лжедмитріи. Самозванецъ, уже неопасный, страшился плѣна, бѣжалъ въ Калугу, а Марию оставилъ въ станѣ. Она прожила съ мѣсяцъ въ Тушинѣ, старалась согласить разномыслящія партіи, и увѣряла, что самозванецъ въ скоромъ времени возвратится, а между тѣмъ сама бѣжала въ Калугу (*).

(*) Она оставила въ комнатѣ своей на столѣ письмо слѣдующаго содержанія: «Безъ друзей и ближнихъ, одна съ своею горестію, я «должна спасать себя отъ наглости многихъ моихъ защитниковъ.

въ разныя стороны. Освободясь отъ самозванца, Василій долженъ былъ вступитъ въ бой съ сильнѣйшимъ врагомъ, Королемъ Польскимъ. Сигисмундъ, однакоже, не имѣя и мнимаго права Лжедимитрія, не только не находилъ приверженцевъ, но вооружалъ противъ себя какъ жителей Москвы, такъ и Русскихъ, державшихся Лжедимитрія, которымъ иноземное владычество было ненавистно, и убѣдился, что никакъ не можетъ надѣяться на добровольную покорность Москвы. Мужественный Шеинъ, начальствовавшій въ Смоленскѣ, первый остановилъ Сигисмунда, оказавъ ему мужественное сопротивление.

Между тѣмъ Василій собралъ 80,000 войско, вдвое сильнѣйшее Сигисмундова, и поручилъ начальство надъ онымъ брату своему Дмитрію, вмѣстѣ съ Делагардіемъ. Сигисмундъ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи. Передъ нимъ находилась сильная непріятельская армія, а въ тылу его, въ Смоленскѣ, былъ храбрый Шеинъ. Онъ сдѣлалъ предложенія о мирѣ. Въ это время Россія поражена была великимъ несчастіемъ: она лишилась достойнѣйшаго изъ полководцевъ своихъ, Князя Скопина—Шуйскаго, погибшаго отъ яда, какъ полагали современники. Неоднократно спасалъ онъ дядю своего отъ гибели, побѣждая враговъ: Болотникова, Сапѣгу и Лисовскаго. Всѣми любимый, онъ одинъ поддерживалъ связь

«Въ униженіи шумныхъ пировъ, клеветники гнусные равняютъ меня
«съ женами презрительными, умышляютъ измѣну и ковы. Сохрани
«Боже, чтобы кто нибудь дерзнулъ торговать мною и выдать меня
«человѣку, которому ни я, ни мое царство не подвластны. Утѣшен-
«ная и гонимая, свидетельствуюсь Всевышнимъ, что не престану
«блюсти своей чести и славы, и бывъ властительницею народовъ,
«уже никогда не соглашусь возвратиться въ званіе польской дво-
«рянки. Надѣясь, что храброе воинство не забудетъ присяги, моей
«благодарности и наградъ ему обѣщанныхъ, удаляюсь.»

между Царемъ нелюбимымъ и народомъ мятежнымъ. Всѣ благомыслящіе люди полагали надежду свою на него. Тогда зависть вооружилась противъ него, и общій голосъ обвинялъ семейство Василя въ смерти 23-лѣтняго героя! Княжество Рязанское, взволнованное Прокопіемъ Ляпуновымъ, отложилось отъ Василя, и другія области послѣдовали сему примѣру. Скопинъ одинъ умѣлъ сохранять согласіе съ иноземными войсками; Делагарди для него только сражался за Василя и укрощалъ своихъ солдатъ, роптавшихъ за недоплату жалованья. Делагарди тѣмъ болѣе охладѣлъ, что военачальникомъ пазначенъ былъ царскій братъ, Димитрій Шуйскій, воевода нескусный и подозрѣваемый въ смерти племянника своего. Паденіе Василя было неизбѣжно, не смотря на собранное войско; волненіе умовъ все усиливалось; самая Москва готова была къ возстанію.

Сигисмундъ, отрядивъ противъ царскихъ войскъ коронаго гетмана Станислава Жолкѣвскаго, не могъ ему дать болѣе 3000 человекъ, къ которымъ присоединилось тысячъ до семи изъ Тушинскаго стана, и съ симъ малымъ числомъ людей Жолкѣвскій, углубясь въ Россію, разбилъ близъ села Клушина (23-го іюня 1610 г.) Московскую рать, состоявшую изъ 35,000 человекъ. Но главною виною пораженія нашего были, кромѣ русскихъ измѣнниковъ, Шведы, которые во время сраженія передались Полякамъ, хотя Делагарди употреблялъ всѣ успія, чтобы удержать ихъ отъ сего вѣроломства. Вслѣдъ за симъ пораженіемъ появился вновь самозванецъ и многіе города опять возстали. Жители Москвы, возбуждаемые Захаріемъ Ляпуновымъ, братомъ Рязанскаго воеводы, лишили Василя престола послѣ четырехлѣтняго царствованія и принудили постричься. Жолкѣвскій воспользовался плодами своей побѣды и предложилъ Москвитянамъ въ Цари Польскаго Королевича Владислава.

По сверженіи Василя, Боярская Дума приняла верховную власть, пригласила города къ возстанію, къ набору и присылкѣ войскъ для избавленія Москвы отъ непріятелей и для избранія Царя. Составились партіи; одна, предводимая Ляпуновымъ, хотѣла Царя по опредѣленію земской думы; другая, имѣя въ главѣ Князя Мстиславскаго, предлагала, для спасенія Россіи, корону Владиславу; третья, слабѣйшая, хотѣла Тушинскаго самозванца; народъ же, внявъ гласу Патріарха Ермогена (*), желалъ царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова.

Побѣда, одержанная Жолкѣвскимъ, рѣшила вопросъ въ пользу Королевича. Гетманъ заключилъ съ боярами договоръ, по которому Владиславъ объявленъ Царемъ Россійскимъ, съ тѣмъ, чтобы вѣнчаться на царство отъ Патріарха и духовенства греческой церкви; въ духовныя и святительскія дѣла не вступалъ бы; чтобы въ Россіи не было никакихъ церквей, кромѣ православныхъ; безъ согласія бояръ не могъ измѣнять судебникъ, казнить, лишать имущества, вводить новые налоги. На сихъ условіяхъ Москва и многіе города присягнули Королевичу. Отправлено къ Сигисмунду торжественное посольство, въ главѣ коего были Ростовскій Митрополитъ Филаретъ и бояринъ Князь Василій Голицынъ, съ предложеніемъ престола, отъ всей Русской земли, сыну его Владиславу. Въ это время Поляки, вопреки договору, вступили въ Москву и заняли Кремль.

Сигисмундъ, помышляя самъ царствовать въ Россіи, по наружности соглашался на предложеніе бояръ, но подъ разными предлогами не отпускалъ Владислава; прежде всего требовалъ сдачи Смоленска, давалъ повелѣнія Боярской Ду-

(*) Ермогенъ, бывшій Казанскимъ Митрополитомъ, возведенъ въ санъ Патріарха при Васильѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ.

мѣ, награждалъ своихъ приверженцевъ царскою казною, жаловалъ чины и помѣстья. Польскія войска окружили Думу боярскую; она исполняла волю короля, называла его въ грамотахъ самодержцемъ всея Руси и неоднократно предписывала Шеину сдать Смоленскъ; но сей доблестный полководецъ не повиновался, отзываясь, что онъ готовъ присягнуть Владиславу, но королю не отдастъ Смоленска. Московскіе послы, на основаніи заключеннаго договора съ Жолкѣвскимъ, требовали немедленнаго прибытія Владислава въ Москву. Сигисмундъ медлилъ, не смотря на всѣ убѣжденія Жолкѣвскаго, старавшагося склонить его на утвержденіе Владислава Царемъ Русскимъ. Въ концѣ октября Гетманъ выѣхалъ изъ Москвы, взявъ съ собою плѣнниками Царя Василія (*) и двухъ его братьевъ.

Между тѣмъ, Сигисмундъ, все замышляя о завоеваніи Государства Московскаго, возобновилъ приступъ къ Смоленску, но былъ три раза отбитъ Шеинымъ. Около этого времени Тушинскій воръ, скрывавшійся въ Калугѣ, былъ убитъ Княземъ Урусовымъ на охотѣ, въ отмщеніе за смерть отца своего, и съ нимъ, по крайней мѣрѣ, прекратился поводъ къ возмущеніямъ за Лжедмитрія.

Филаретъ и Голицынъ теряли совершенно надежду къ успѣшному окончанію своего посольства, узнавъ о требованіи Сигисмунда, чтобы ему присягнули, и сдали Смоленскъ. Они писали къ Патріарху о грозившей отечеству опасности. Вѣрный Шеинъ съ своей стороны извѣстилъ о томъ всѣ города.

Ермогень, по изложеніи Шуйскаго, предлагавшій возве-

(*) Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій былъ отвезенъ въ Гостинскій замокъ, въ двухъ миляхъ отъ Варшавы, и тамъ окончилъ жизнь въ 1612 году, 62 лѣтъ отъ рожденія.

сти на престолъ Михаила Романова, не давалъ своего согласія на избраніе Королевича Царемъ, опасаясь за православіе. Жолкѣвскій умѣлъ успокоить его совѣсть, пріобрѣлъ его расположеніе и убѣдилъ согласиться на избраніе Владислава, давъ за него слово, что онъ приметъ Греко-Россійскую вѣру. Но когда Ермогенъ извѣстился отъ пословъ нашихъ о намѣреніи Сигисмунда, тогда сей осьмидесятилѣтній старецъ, непоколебимый въ православіи, возвысилъ голосъ свой въ защиту церкви и государственной независимости, разрѣшилъ Москву отъ присяги Владиславу, послалъ по всѣмъ городамъ грамоты для призыва къ спасенію вѣры и благословилъ Шеина на упорную защиту. Ни убѣжденія Боярской думы, совѣтовавшей ему покориться волѣ Сигисмунда, ни угрозы Поляковъ не могли его отклонить отъ принятаго намѣренія: онъ наложилъ проклятіе на измѣнниковъ и призывалъ вѣрныхъ на защиту церкви и отчества. Воззванія старца произвели сильное дѣйствіе: повсемѣстно начали вооружаться; грамоты Патріарха переходили изъ рукъ въ руки; не хотѣли признавать ни Сигисмунда, ни Владислава; избавленіе Россіи отъ иноземнаго ига было единственною всѣхъ мыслию; всѣ клялись въ непримиримой враждѣ къ Польшѣ.

Прокопій Ляпуновъ сдѣлался руководителемъ сего возстанія; повсюду онъ посылалъ свои воззванія вмѣстѣ съ патріаршими; указывалъ на средства къ достиженію всеобщей Русскихъ цѣли, назначалъ гдѣ полкамъ соединиться и къ какому сроку прибыть имъ къ Москвѣ, чтобы исторгнуть столицу изъ рукъ враговъ. Всѣ сословія вооружились; дружины 25 городовъ направились въ одно время, въ началѣ весны 1611 года, къ столицѣ.

Москва ждала только приближенія сихъ дружинъ, чтобы истребить враговъ. Появленіе передовой дружины Ляпунова, подъ начальствомъ Пожарскаго, привело въ сильное волне-

ніе столицу. Народъ бросился на Кремль, гдѣ находилось 5000 Поляковъ и 2000 Нѣмцевъ подѣ начальствомъ Гонсѣвскаго. Поляки, чтобы отвлечь Москвитянъ, зажгли столицу; распространившійся пожаръ помѣшалъ овладѣть Кремлемъ. Пожарскій, тяжело раненый, отступилъ; Гонсѣвскій, подкрѣпленный пробившимся среди пылавшихъ развалинъ полковникомъ Струсемъ, удержался въ Кремлѣ и заключилъ патриарха Ермогена въ темницу.

Друзьяны городовыя подступили къ Москвѣ во время пожара и увидѣли пепелище, среди коего стоялъ Кремль и башни Китая-города, защищаемыя Поляками. Ляпуновъ вытѣснилъ Поляковъ изъ Китая, но не могъ овладѣть Кремлемъ. Осада длилась, но вожди въ разномысліи не помогали другъ другу. Осаждающіе раздѣлились на три партіи, непріязненные одна другой. Вѣрные сыны отечества пристали къ Ляпунову; бродяги, служившіе прежде Тушинскому вору, къ Трубецкому, хотѣвшему быть единственнымъ главнымъ начальникомъ; казаки къ Заруцкому, таившему намѣреніе овладѣть Москвою для Марины, чтобы царствовать съ ней именемъ сына ея. Гонсѣвскій искусно пользовался раздорами русскихъ военачальниковъ, сѣялъ между ними несогласіе и успѣлъ погубить главнаго поборника отечественной войны, Ляпунова: Гонсѣвскій составилъ отъ имени его подложную грамоту, о мнимомъ намѣреніи постребить казаковъ и послалъ ее въ русское войско. Казаки, возбуждаемые Заруцкимъ, умертвили Ляпунова.

Съ кончиною сего знаменитаго мужа, бѣдствія Россіи умножились. Дружины его разсѣялись по своимъ городамъ. Трубецкой и Заруцкій присягнули новому самозванцу, бѣглому діакону Псидору, назвавшемуся Дмитріемъ въ Псковѣ; Казань и Вятскіе города признали царемъ сына Марины; Новгородъ провозгласилъ Шведскаго Королевича Филиппа и

отдался генералу Делагарди; Сигисмундъ взялъ Смоленскъ; мужественный Шейпъ, отвезенъ плѣнникомъ въ Варшаву. Ергогенъ погибъ мученикомъ въ темницѣ. Поляки требовали отъ него, чтобы онъ написалъ грамоту къ войску съ запрещеніемъ не приходить къ Москвѣ и возвратиться назадъ, но онъ отвергъ сіи просьбы; раздраженные Поляки уморили его голодною смертію въ Чудовѣ монастырѣ (*). Хотѣвъчъ смѣнилъ Гонсеѣвскаго и занялъ Кремль свѣжимъ войскомъ, ожидая Сигисмунда, чтобы сдать ему Москву, а между тѣмъ опустошалъ области Тверскую, Ярославскую, Владимірскую; Троицкая Лавра одна бодрствовала и призвала защитниковъ вѣры и отечества; но неудача перваго возстанія охлаждала общее усердіе.

Въ это время, когда Россія разрушалась, среди общаго смятенія, явился незабвенный Козьма Мининъ, нижегородскій торговецъ. Одушевляемый пламенною любовію къ отечеству, онъ объявилъ, что Россія гибнетъ, что Москва будетъ въ рукахъ Сигисмунда. «Ополчимся старъ и младъ, говорилъ онъ, продадимъ дома наши, заложимъ женъ, дѣтей и спасемъ отечество!» Нижегородцы, ископни знаменитые преданностію отечеству, стекались на призывъ Минина; съ усердіемъ безпредѣльнымъ и радостію жертвовали имуществомъ своимъ для найма ратныхъ людей, сами вооружались, и вскорѣ составилось сильное ополченіе. Мининъ избралъ въ предводители нижегородской рати знаменитаго сподвижника Ляпунова, Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, покрытаго ранами въ битвахъ съ Поляками. Мининъ былъ при немъ неотлучно, руководилъ его дѣйствіями, распоряжалъ общественною казною и одушевлялъ войско любовію къ оте-

(*) Ергогенъ скончался 12 февраля 1612 года.

честву. Сей знаменитый гражданинъ принялъ титулъ *выборнаго человека всего Московскаго государства*. Руководимый священною цѣлю спасти отечество, онъ хотѣлъ возвести на престолъ кого изберетъ русская земля, и, отвергая помощь иноземную, призывалъ однихъ истинныхъ сыновъ отечества.

Нижегородцы, одушевляемые Миннымъ, выступили подъ предводительствомъ Пожарскаго. Дружины городовъ низовыхъ, украинныхъ и другихъ спѣшили соединиться съ ними. Ярославль назначенъ сборнымъ мѣстомъ. Войско горѣло рвеніемъ сразиться съ врагами, но Пожарскій долженъ былъ простоять полгода въ Ярославлѣ по важнымъ причинамъ: надлежало вразумить Кн. Трубецкаго, присягнувшаго подъ Москвою Псковскому Лжедмитрію, чтобы онъ оставилъ самозванца; нужно было очистить пространство между Москвою и Новгородомъ отъ польскихъ шаекъ, завладѣвшихъ многолюдными городами, чтобы не лишить себя содѣйствія сѣверо-восточнаго края; нужно было вести переговоры съ Новгородскими послами, чтобы отклонить Новгородцевъ отъ признанія Шведскаго Королевича Царемъ. Устроивъ сѣ дѣла въ Ярославлѣ, Пожарскій двинулся къ Москвѣ въ августѣ 1612 года, когда Сигисмундъ шелъ, чтобы короновать Владислава. 20 августа явилась нижегородская рать подъ Москвою, и на другой день вступила въ жестоку битву съ гетманомъ Хоткѣвичемъ, который незадолго передъ тѣмъ вышелъ изъ столицы для собранія съѣстныхъ припасовъ и съ огромнымъ обозомъ хотѣлъ пробраться въ Кремль. Трое сутокъ дрались; въ четвертые Пожарскій одолѣлъ. Гетманъ, разбитый наголову, бѣжалъ направляясь въ Литву. Но храбрый Струсь не хотѣлъ сдать Кремля и оборонялся отчаянно. Поляки, имъ предводительствуемые, претерпѣвали такой голодъ, что ѣли человѣчье мясо.

Съ Сигисмундомъ шелъ Владиславъ, котораго имя могло еще уничтожить усилія храбрыхъ русскихъ воиновъ, тѣмъ болѣе, что скопища бродягъ, предводимыхъ Трубецкимъ, обнаруживали явную неприязнь къ Нижегородцамъ. Самъ Трубецкой, тщеславясь званіемъ боярина, полученнымъ имъ отъ вора Тушпскаго, не хотѣлъ дѣйствовать за одно съ *Стольникомъ* Пожарскимъ. Козьма Мининъ, при содѣйствіи знаменитаго Авраамія Палицына (*), примирялъ военачальниковъ, возбуждалъ противъ непріятелей казаковъ Трубецкаго, которые дѣйствительно въ рѣшительный часъ приступа поддержали Нижегородцевъ. Струсъ 22-го октября 1612 г. положилъ оружіе и сдалъ Кремль. Сигисмундъ, находившійся въ это время подъ Вязмою, не смѣлъ идти далѣе и вступилъ въ переговоры съ московскими воеводами; предложенія его были отвергнуты; онъ хотѣлъ овладѣть Вязмою, Волоколамскомъ, но и тутъ не имѣлъ успѣха. Къ концу 1612 года Россія торжествовала свое спасеніе. Жестокая стужа, недостатокъ въ сѣбѣтныхъ припасахъ, а главное—побѣды Русскихъ принудили Сигисмунда возвратиться въ Польшу.

(*) Авраамій Палицынъ, келарь Троицкаго Сергіева монастыря, много способствовавшій Минину къ освобожденію Москвы отъ враговъ, находился предъ тѣмъ при посольствѣ, отправленномъ съ Филаретомъ въ 1610 г. въ Польшу, но по пріѣздѣ, увидя, что данное имъ порученіе не будетъ имѣть успѣха, а поставитъ ихъ въ непріятное положеніе, возвратился тайно въ Россію, гдѣ пламенная любовь его къ отечеству, могла быть полезна для его согражданъ. По вступленіи на престолъ Михаила Феодоровича, Авраамій имѣлъ несчастіе понести опалу Царя, и былъ удаленъ въ Соловецкій Монастырь 1620 г.; тамъ онъ кончилъ дни свои 13-го сентября 1627 года.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА.

Избраніе на царство Михаила Феодоровича. — Прибытіе его въ Москву. — Коронованіе — Кончина Минина. — Положеніе Россіи. — Мѣры обороны противъ Поляковъ, Шведовъ и проч. — Дѣла въ Польшѣ. — Походъ противъ Поляковъ. — Пораженіе Заруцкаго; казнь его. — Марина и сынъ ея. — Усмиреніе казаковъ подѣ начальствомъ Баловни. — Лисовскій. — Война съ Швеціею. — Миръ съ Швеціею. — Джонъ Мерикъ, англійскій агентъ. — Война съ Польшею. — Владиславъ подготавлитъ къ Москвѣ. — Отпоръ, сдѣланный ему столицею. — Миръ въ Деулинѣ.

1613—1618.

Освободивъ Москву отъ враговъ, вожди ополченія народнаго послали во все города Россіи съ извѣщеніемъ о семъ радостномъ событіи. Они, вмѣстѣ съ другими сановниками и духовенствомъ, бывъ убѣждены опытомъ, что народъ Русскій можетъ только быть счастливымъ подѣ скипетромъ Государя Самодержавнаго и Православнаго, на сихъ условіяхъ созвали изъ многихъ городовъ значительнѣйшихъ лицъ; изъ нихъ составилъ Земскій Совѣтъ для избранія Царя. Важность предмета приводила ихъ въ недоумѣніе. Все имѣли одну цѣль: желали Царя крови русской, способнаго къ соглашенію разномыслящихъ партій и въ то же время тверда-

го для защиты отечества отъ притязаній чужестранныхъ Державъ. Но кого избрать? Земскій Совѣтъ петлялся въ преніяхъ; долго не могъ онъ рѣшиться. Наконецъ, по общему согласію, 21-го февраля 1613 г. избрали того, кого Ермогенъ (тогда уже не существовавшій) при жизни своей хотѣлъ благословить на царство—16-лѣтняго отрока Михаила Оеодоровича Романова—Юрѣва, непричастнаго никакой партіи, чистаго совѣстью, знаменитаго родомъ (*).

(*) Отецъ Михаила Оеодоровича, бояринъ Оеодоръ Никитичъ Романовъ, былъ родной племянникъ Анастасіи Романовны, первой супруги Іоанна Грознаго, матери Оеодора Іоанновича, послѣдняго Царя Рюриковой династіи. Родительница Михаила Оеодоровича, Ксенія Ивановна, была урожденная Шестова. Оеодоръ Никитичъ, по знатности рода, достигъ весьма рано боярскаго достоинства и отличился на военномъ поприщѣ. При Борисѣ Годуновѣ, все семейство Романовыхъ подверглось опалѣ: Оеодоръ Никитичъ по наветамъ злонамѣренныхъ людей былъ сосланъ въ 1599 году въ Сійскую Антоніеву обитель и постриженъ тамъ подъ именемъ Филарета; супруга его, Ксенія Ивановна, заключена была въ Заонежскій погостъ и пострижена подъ именемъ Марыи; нянчѣтній ихъ сынъ, Михаилъ, сосланъ на Бѣлоозеро. Вскорѣ потомъ Годуновъ, убѣдясь въ невинности Романовыхъ, облегчилъ ихъ участь: тогда Филаретъ посвященъ въ архимандриты, а Михаилъ возвращенъ къ матери, которая удалась сперва въ Клинь, а потомъ въ Пятъевскій монастырь, что близъ Костромы. Лжедимитрій (Огреньевъ) возвратилъ всѣхъ сосланныхъ Годуновымъ, пригласилъ Филарета въ Москву и возвелъ его, какъ бы свойственника своего, въ санъ Ростовскаго Митрополита. Говоря о пребываніи Михаила Оеодоровича въ Пятъевскомъ монастырѣ, нельзя не упомянуть о незабвенномъ подвигѣ Івана Сусанина, уроженца дворцоваго села Домнина (въ Владимірской губерніи), пожертвовавшаго жизнью своею для спасенія Государя. Когда Михаилъ былъ избранъ Царемъ, шайки Поляковъ буйствовали и опустошали разныя области Россіи; одна изъ сихъ шайекъ рѣшилась погубить Михаила, узнавъ объ избраніи его на царство. Убійцы уже приближались къ его жилищу, но не

Въ тотъ же день присягнула ему вся Москва и вельдѣ за тѣмъ вся Россія.

Земскій Совѣтъ послалъ двѣ грамоты: одну къ Михайлу, другую къ родительницѣ его, въ коихъ изъяснено было общее всѣхъ желаніе, имѣть Царемъ Михаила Оеодоровича, съ убѣдительною просьбою о скоромъ прибытіи его въ Москву. Посламъ, коимъ поручено было вручить сіи грамоты, велѣно убѣждать Михаила о принятіи короны, а родительницу его—о согласіи на то и благословленіи на царство сына ея.

Земскій Совѣтъ писалъ и къ Сигизмунду: въ грамотѣ своей къ нему, упомянувъ о всѣхъ сношеніяхъ нашихъ съ Польшею отъ времени Бориса Годунова, укорялъ Поляковъ въ пособіи самозванцамъ, въ явномъ нарушеніи договоровъ,

зная дороги, остановились, чтобы спросить у встрѣтившагося имъ крестьянина, гдѣ находится мѣстопробываніе Михаила. Крестьянинъ этотъ былъ Сусанинъ; онъ догадался о злодѣйскомъ ихъ умыслѣ. «Ступайте за мной» отвѣчалъ онъ, «я проведу васъ куда желаете,» и повелъ ихъ въ противную сторону по лѣсамъ и мѣстамъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ. После долгаго шествія, Поляки увидѣли себя въ непроходимомъ лѣсу. «Ты обманулъ насъ!» вскричали они. «Не я,» отвѣчалъ проводникъ, «а вы сами себя обманули, вообразивъ, что я измѣню нареченному Государю, и выдамъ его вамъ. Теперь онъ спасенъ; вы далеко отъ его жилища. Вотъ вамъ моя голова; дѣлайте со мною что хотите; поручаю себя Богу!» — Онъ заплатилъ мученическою смертію за свою преданность къ Царю и кончилъ жизнь въ ужасныхъ истязаніяхъ; но и убійцы вскоре погибли. Безсмертный подвигъ Сусанина былъ награжденъ въ дѣтихъ его. — Михаилъ Оеодоровичъ пожаловалъ дочери Сусанина, Антоидѣ, вышедшей за мужъ за крестьянина села Домнина, Богдана Сабинина, землю села Деревнища въ Костромскомъ уѣздѣ; потомъ, когда земля сія поступила въ монастырское владѣніе, Царь пожаловалъ Антоидѣ въ Костромскомъ же уѣздѣ пустошь Коробову, освободивъ ее съ потомствомъ отъ всѣхъ податей.

просилъ Короля и сына его отъѣхать желавіе и быть на Россійскомъ престолѣ и, возстановя миръ, раздѣлиться плѣнниками. Посланному съ сей грамотой дворянину Оладѣину дана была роспись Русскимъ, задержаннымъ въ Польшѣ (*).

Михаилъ, проводя большую часть отроческихъ лѣтъ въ кельи съ горестной матерью, былъ изумленъ сдѣланнымъ ему предложеніемъ; не только правленіе Государствомъ, но и самый свѣтъ были ему чужды. Съ удивленіемъ и безпокойствомъ слушалъ онъ прпсланныхъ къ нему пословъ. Его ужасала шаткость престола въ Государствѣ, обуреваемомъ внутренними раздорами, и мысль, что отецъ его, находясь плѣнникомъ въ Польшѣ (**), можетъ сдѣлаться жертвою мести; что онъ, Михаилъ, не въ силахъ будетъ укрѣпить глубокія раны, нанесенныя долговременными бѣдствіями, и что наконецъ разоренное Государство погибнетъ отъ новыхъ мятежей, при юномъ и неопытномъ правителѣ. Волнүемый этими мыслями, Михаилъ не соглашался царствовать; тщетны были убѣжденія и просьбы посланниковъ, онъ оставался непреклоннымъ; родительница его мыслла также. Наконецъ, когда послы, въ главѣ коихъ былъ Рязанскій Архіепископъ Оеодоритъ, взявъ св. иконы, пали предъ нимъ на колѣна и объявили, что избранный, не токмо единодушнымъ голосомъ народа, но и самимъ Богомъ, для спасенія Россіи и православной вѣры, онъ будетъ отвѣчать предъ судомъ Божіимъ, если откажется отъ престола, — Михаилъ съ трепетомъ

(*) Замѣчательно, что по росписи сей находилось въ плѣну около 300 женщинъ и дѣвицъ, по большой части дворянскаго рода.

(**) Филаретъ, какъ мы видѣли выше, отправленъ былъ въ 1610 году къ Сигизмунду, Королю Польскому, для предложенія престола Россійскаго сыну его, Королевицѣ Владиславу; но тамъ былъ задержанъ плѣнникомъ и девять лѣтъ томился подъ стражею.

изъявилъ согласіе, сказавъ: «если того хочетъ Богъ, да будетъ такъ»; и мать его, покоряясь общей волѣ, благословила его на царство.

Разномысліе прекратилось, партіи начали примиряться и Русскіе поручили судьбу свою Богу и Государю, принявшему правленіе, подобно Монархамъ Рюрикова рода, съ властію неограниченною.

19-го апрѣля 1613 года прибылъ Михаилъ въ Москву съ родительницею своею. Она, дойдя съ нимъ до царскихъ чертоговъ, поручила его боярамъ, а сама удалилась въ Вознесенскій дѣвичій монастырь.

Вѣнчаніе на царство Михаила происходило 11-го іюля (1613), наканунѣ дня его рожденія. Священнодѣйствіе отправлялъ Казанскій Митрополитъ Ефремъ; корову держалъ Князь Оедоръ Ивановичъ Мстиславскій; скипетръ Князь Димитрій Тимофеевичъ Трубенкой; царскую шапку Иванъ Пикитичъ Романовъ; державу Василій Петровичъ Морозовъ, а за платѣемъ ходили Князь Д. М. Пожарскій и казначей Траханиотовъ. Между наградами по сему случаю замѣчательны слѣдующія: въ бояре пожалованы были только Князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій и Д. М. Пожарскій. Знаменитый Мининъ названъ думнымъ дворяниномъ. Къ сожалѣнію жизнь сего незабвеннаго мужа была непродолжительна: онъ скончался въ 1616 году (*).

Престоль Михаила былъ окруженъ царедворцами, принадлежавшими до того разнымъ партіямъ: тутъ были и клевреты Годунова, и приверженцы Отрепьева, Шуйскаго и Владислава, и даже сообщники вора Тушинскаго. Михаилъ, вынужденный обстоятельствами, оказывалъ почти всѣмъ ласку

(*) Тѣло Минина погребено въ Нижегородскомъ соборномъ храмѣ Преображенія Господня.

и, покрывъ забвеніемъ прежнія вины и заблужденія, употреблялъ всякаго по способностямъ; не возвышалъ никого на степень царскихъ любимцевъ даже изъ сродниковъ своихъ; былъ строгій, но справедливый судья. Всѣ, и народъ особенно, благословляли его.

Положеніе Россіи было горестное при вступленіи на престолъ Михаила: города пограничные находились въ рукахъ враговъ: Кексгольмъ, Орѣшекъ и самый Новгородъ были заняты Шведами; Смоленскъ, Дорогобужъ, Червиговъ—Поляками; Лисовскій занималъ Псковскіе пригороды; Тула съ трудомъ защищалась отъ Татаръ Крымскихъ и Ногайскихъ; Казань волновалась; въ Астрахани злодѣйствовалъ Заруцкій; шайки Запорожцевъ, отряды Поляковъ и Татаръ бродили внутри Россіи, большею частію опустошенной. Сборъ земскихъ повинностей прекратился, царскія сокровища были расхищены и отвезены въ Польшу.

Михаилу предстояли немовѣрные труды; но онъ превозмогъ ихъ, и не безъ успѣха. Прежде всего надлежало отразить враговъ, терзавшихъ Россію: Заруцкаго, Лисовскаго, Сигисмунда, Густава Адольфа, Татаръ, Казаковъ, бродившихъ и разорявшихъ разныя области Россіи. Царь отправилъ Князя Д. М. Черкасскаго подъ Смоленскъ; Князя Д. Т. Трубецкаго противъ Шведовъ, а Князя Пвана Никитича Одоевскаго противъ Заруцкаго въ Украину. Всѣ одушевлены были одинаковымъ усердіемъ; правительство оказывало чрезвычайную дѣятельность, и хотя враги часто одерживали надъ нами верхъ, но измѣнниковъ не было; всѣ дружно стояли за Россію и Царя, а потому непріатели не могли имѣть продолжительныхъ успѣховъ.

Главною заботою Михаила была—Польша. Сигисмундъ раскаявался, что, помышляя о пріобрѣтеніи себѣ престола Московскаго, лишилъ сына своего возможности достигнуть до

опаго; онъ желалъ поправить свою ошибку и начать вновь борьбу съ Россією; но внутреннее разстройство Польши препятствовало ему въ томъ. На сеймъ его упрекали въ бесполезныхъ тратахъ; войско Польское требовало невыплаченного жалованья, безъ чего не хотѣло вновь сражаться съ Русскими, а казна Сигизмундова была вовсе истощена. Обстоятельства сіи были причиною, что около четырехъ лѣтъ Король не могъ предпринять рѣшительнаго похода. Михаилъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы управиться съ Заруцкимъ, съ внутренними мятежниками и примириться съ Швецією.

Сигизмундъ, въ стѣсненномъ своемъ положеніи, вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости; онъ предложилъ вступить въ переговоры съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе дѣла было предоставлено суду Цесаря Матіа, въ расположеніи котораго онъ былъ увѣренъ; но бояре Михайловы, съ коими происходили переговоры, отринувъ сіе предложеніе и въ отвѣтъ исчислили все его неправды, вѣроломное занятіе и разрушеніе Москвы; плѣнь Царя Василія, пословъ Голыцина и Филарета, смертъ Патріарха Ермогена, разореніе Россіи и поруганіе св. храмовъ, присовокупивъ, что Владиславу не царствовать въ Москвѣ и что все Русскіе поклялись умереть за Михаила. Нѣсколько разъ уполномоченные съѣзжались, но совѣщаніе ихъ не имѣло успѣха. Послы польскіе и цесарскіе утверждали, что единственное средство къ примиренію—возвести Владислава на престолъ Россійскій; а паша требовали возвращеніе Смоленска, вывода польскихъ войскъ изъ Россіи, признанія Михаила Царемъ, да сверхъ того, чтобы Польша заплатила милліонъ рублей за убытки. Между тѣмъ частыя непріязненныя дѣйствія продолжались. Михаилъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Сигизмунда, спѣшилъ возвратить города, коими Поляки овладѣли именемъ Владисла-

ва. Войска царскія заняли Вязьму, Дорогобужъ, Бѣлую; обложили Смоленскъ, намѣреваясь голодомъ принудить его къ сдачѣ; но подоспѣвшій Хоткѣвичъ подкрѣпилъ осажденныхъ и снабдилъ ихъ съѣстными припасами. Вскорѣ потомъ прибылъ Гонсѣвскій, принудилъ наши войска снять осаду и разбилъ ихъ совершенно (1613).

Наиболѣе тревожилъ Михаила атаманъ Заруцкій, бывшій въ главѣ скопища злодѣевъ. Жестокостями своими онъ возстановилъ противъ себя все сословія, особенно духовенство: топилъ поповъ и монаховъ, грабилъ ихъ имѣнія и въ поруганіе святыни приказалъ себѣ сдѣлать стремяна изъ серебрянаго кадила Троицкаго монастыря. Во время похода Пожарскаго въ Москву, Заруцкій удалился съ Мариною на Довѣ, надѣясь найди ей тамъ приверженцевъ; но Правительство немедленно отправило нѣсколько отрядовъ для преслѣдованія его; и въ то же время послало богатые дары къ Донскимъ казакамъ, чтобы удержать ихъ на своей сторонѣ. Войска царскіе разбили его; онъ бросился къ Астрахани, овладѣлъ этимъ городомъ, провозгласилъ Марину Царицею и послалъ просить помощи у Шаха Персидскаго; но Шахъ, получивъ подробное извѣстіе о Маринѣ и о немъ, приказалъ выдать посланныхъ отъ него находившемуся тогда въ Персидѣ дворянину Михаилу Тиханову, который и привезъ ихъ въ Москву. Видя приближеніе царскихъ войскъ, большая часть казаковъ покинула Заруцкаго. Онъ бѣжалъ съ Мариною на Каспійское море, но былъ настигнутъ на Медвѣжьемъ острову. Находившіеся при немъ казаки выдали его, онъ былъ привезенъ съ Мариной въ Москву и посаженъ на колъ; Марина умерла въ темницѣ, а сынъ ее былъ повѣшенъ (1614).

Казнь Заруцкаго умирала Довѣ; плѣнь Марины уничтожилъ попытки новыхъ самозванцевъ. Но сѣверовосточныя области опустошались еще мятежниками: Донскими и Запо-

рожекими казаками, холопами и боярскими; они составили сильное скопище, избравъ себѣ атаманомъ Баловню. Мѣры кротости, которыя Царь сначала желалъ употребить для приведенія ихъ въ повиновеніе, были безполезны; употребили силу: посланный противъ нихъ бояринъ Лыковъ разбилъ ихъ наголову и загналъ въ Украйну.

Въ это время (1616) Пужарскій употреблялъ все усилія для уничтоженія отряда полковника Лисовскаго. Отчаянный сей партизанъ, вынужденный бѣжать изъ отечества своего, потому что былъ приговоренъ къ смертной казни, явился въ Россію еще при ворѣ Тушинскомъ. Отрядъ его состоялъ изъ людей разныхъ націй но наиболѣе изъ польскихъ удалцевъ и самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ. Лисовскій бралъ приступомъ многолюдные города, не щадя ни возраста, ни пола, ни святыни; появленіе его наводило ужасъ (*). Когда Владиславъ былъ провозглашенъ Царемъ Рускимъ, Лисовскій удалился въ Псковскую область, держался тамъ болѣе четырехъ лѣтъ и приступалъ неоднократно къ самому Пскову. Въ 1614 г. Сигизмундъ, не имѣя средствъ дѣйствовать своими войсками, вызвалъ Лисовскаго для опустошенія вновь

(*) До вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича, во время междуцарствія, въ числѣ прочихъ городовъ, и Ростовъ, послѣ жестокаго кровопролитія, были взяты Лисовскимъ. Филаретъ, какъ Митрополитъ Ростовскій, жилъ въ этомъ городѣ, могъ уѣхать въ Ярославль, но не хотѣлъ оставить своей паствы и поощрялъ жителей Ростова къ защитѣ до послѣднихъ силъ. Люди отряда Лисовскаго узнавъ, что Филаретъ еще въ городѣ, отыскали его, сняли съ него облаченіе, и чтобы болѣе наругаться надъ нимъ, посадили его на возъ съ женщиною и отравили въ Тушино къ самозванцу. Къ счастью Филарета, провожатые его встрѣтились съ воеводою Куракинскимъ, который разбилъ ихъ и избавилъ соотечественниковъ своихъ отъ плѣна.

Россіи. Партизанъ этотъ явился въ нашихъ южныхъ областяхъ и поражалъ воеводъ Царскихъ. Михаилъ вынужденъ былъ послать противъ него искуснѣйшаго изъ своихъ полководцевъ, Князя Пожарскаго, который разбилъ его подъ Орломъ; но Лисовскій, проходя съ чрезмѣрною быстротою отъ одного мѣста къ другому, продолжалъ мечемъ и огнемъ опустошать многіе города. Случившаяся болѣзнь Пожарскаго дала возможность Польскому партизану дѣйствовать съ большою свободою: онъ устремлялся къ сѣверу, разбилъ Шереметева при Ржевѣ, грабилъ ту страну и наконецъ бросился въ Рязанскую область. Михаилъ безпрестанно высылалъ противъ него войско, но его не могли настигнуть и даже часто теряли слѣды его. Самая Москва не одинъ разъ вооружалась, ожидая отъ него незапнаго нападенія. Наконецъ царскія войска встрѣтили его при Алексинѣ и окружили; но Лисовскій, послѣ жестокой битвы, пробился и ушелъ въ Камаринскую область; тамъ, упавъ съ лошади, онъ умеръ мгновенно.

Непріязненности съ Швеціею Царь имѣлъ возможность прекратить скорѣе, чѣмъ съ Польшею. Король Густавъ Адольфъ, со времени избранія на царство Михаила, лишился надежды доставить престолъ Русскій брату своему, а подъ предлогомъ вознагражденія за понесенные убытки, вознамѣрился пріобрѣсти нѣкоторыя изъ нашихъ областей. Царъ выслалъ противъ него войско подъ предводительствомъ Князя Трубецкаго, но Делагарди разбилъ его наголову при Броуницахъ. Самъ Король въ это время осадилъ Псковъ; пачальствовавшій въ семъ городѣ воевода Морозовъ мужественно отразилъ всѣ нападенія Шведовъ; даже въ одной изъ вылазокъ былъ убитъ храбрый Шведскій Фельдмаршалъ Горнъ. Неустрашимая оборона Пскова принудила Короля снять осаду и вступить въ мирные переговоры, слѣдствіемъ

коихъ при дѣятельномъ посредничествѣ англійскаго агента Джона Мерика, было заключеніе мира въ деревнѣ Столбовѣ (1617). Россія уступила Иванъ-городъ, Ямбургъ и всю Ингерманландію, заплативъ сверхъ того 20,000 рублей, а Шведы возвратили занятые ими города: Новгородъ, Старую-Русу, Порховъ, Гдовъ, Ладогу. Филиппъ, братъ Короля, отказался отъ приглашенія на Россійскій престолъ.

Михаилъ скорбѣлъ о потерѣ прибалтійскихъ областей, сблизившихъ торговлю и сношенія наши съ европейскими государствами, но, не смотря на сіе пожертвованіе, считалъ окончаніе войны съ Швеціею радостнымъ событіемъ, потому что оно давало ему возможность усилить войско противъ упорнѣйшаго врага Россіи—Сигисмунда и праздновалъ даже съ торжествомъ Столбовскій миръ. Во изъявленіе признательности своей за дѣятельное посредничество Мерика, Царь позволилъ Англичанамъ беспошлинно торговать въ Россіи.

Между тѣмъ Сигисмундъ настояніями своими успѣлъ наконецъ склонить сеймъ къ возобновленію войны съ Россіею для возведенія Владислава на престолъ Московскій. Самъ Королевичъ принялъ главное начальство надъ войскомъ, по военнымъ дѣйствіями располагалъ Гетманъ Хоткевичъ подъ надзоромъ особенныхъ комиссаровъ, назначенныхъ недовѣрчивымъ сеймомъ (1616). Владиславъ сдѣлалъ воззванія къ Русскому народу: нѣкоторые умы были поколеблены. Воевода Иванъ Адодуровъ сдалъ ему Дорогобужъ и сталъ подъ его знамена. Владиславъ занялъ безъ труда Дорогобужъ и Вязьму. Воеводы Князя Петръ Пропскій и Михаилъ Бѣлосельскій, въ ней начальствовавшіе, удалились въ Москву. Но храбрый бояринъ Лыковъ, защищавшій Можайскъ, остановилъ непріятеля, принудивъ его провести зиму въ Вязьмѣ, претерпѣвать голодъ и холодъ среди жителей ожесточенныхъ противъ него. Окрестные города оставались вѣрными Михаилу.

Недостатокъ въ сѣѣтнхъ припасахъ, ропотъ въ войскахъ и повелѣнія сейма кончить войну переговорами, заставили Владислава сдѣлать предложеніе о мирѣ: но Михаилъ не хотѣлъ слышать о немъ, покуда непріятель не выступитъ изъ предѣловъ Россіи; въ то же время Царь принималъ мѣры къ защитѣ столицы, на помощь коей спѣшили со всѣхъ сторонъ усердныя городовыя дружины.

Поляки не могли открыть себѣ путь къ Москвѣ. При неудачѣ сей происходили безпрестанныя споры между компсарами и Хоткевичемъ; неплатежъ жалованья такъ раздражилъ солдатъ, что они толпами возвращались изъ Можайскаго стана въ дома свои; при Владиславѣ осталось накопецъ не болѣе 1000 человекъ регулярнаго войска. Онъ уже думалъ отступать, окончивъ такимъ образомъ походъ столь же трудный сколько бесполезный, какъ вдругъ неожиданно прибылъ къ нему Запорожскій Гетманъ Сагайдачный, котораго Сигисмундъ склонилъ даромъ идти на помощь къ Владиславу. Бѣдствовавшая Россія подверглась новой борьбѣ: Сагайдачный привелъ съ собою 20,000 казаковъ, испытанныхъ въ бояхъ. Съ ними Владиславъ пошелъ прямо къ Москвѣ, отправивъ къ Михайловымъ боярамъ граммату, въ которой требовалъ немедленнаго повиновенія; въ противномъ случаѣ грозилъ местью. Владиславъ пытался взять Москву штурмомъ, но не имѣлъ удачи; Поляки были отбиты. Тогда Королевичъ началъ помышлять о мирѣ. Открылись переговоры (1618); послы царскіе: бояринъ Шереметевъ, Д. М. Мезецкій и А. В. Измайловъ объявили, что не будетъ и рѣчи о соглашеніи, если польскіе уполномоченные станутъ называть Владислава Царемъ; а когда Поляки начали доказывать его права на престолъ Московскій, то наши стали вычислять всѣ неправды Сигисмундовы и удалились. Владиславъ опять возобновилъ переговоры, соглашаясь отказаться отъ царска-

го титула съ тѣмъ, чтобы всѣ чины Русскаго Государства отправили торжественное посольство въ Варшаву, просить прощенія у него въ мѣтежѣ и чтобы уступили ему Псковъ, Смоленскъ и города Сѣверскіе. Бояре отвергли съ негодованіемъ это предложеніе. Владиславъ отступилъ къ Троицкой Лаврѣ, намѣреваясь тамъ зимовать, чтобы потомъ съ весною возобновить войну и опустошить въ конецъ Россію; но войско его начало опять сильно роптать за неплатежъ жалованья, а комиссары, по приказанію Сейма, настаивали о заключеніи мира. Царь съ своей стороны то же желалъ прекращенія войны. Послѣ долгихъ переговоровъ, наконецъ 1-го декабря 1618 года заключено перемиріе на 11 лѣтъ въ селѣ Деулинѣ, въ 7 верстахъ отъ Троицкаго монастыря. Положено: Владиславу, отказаться отъ царскаго титула, а Михаилу отъ Ливонскаго, Черниговскаго и Смоленскаго. Россія уступила области Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую; Поляки возвратили плѣнныхъ, въ томъ числѣ Филарета и Шеина.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ОЕОДОРОВИЧА.

Возвращеніе Филарета изъ плѣна. — Филаретъ совѣтникъ Царя. — Дѣвица Хлонова, невѣста Царя. — Отказъ ей. — Намѣреніе Царя вступить въ бракъ съ Голстинскою Принцессою. — Бракосочетаніе Царя съ Княжной М. В. Долгорукой. — Второй бракъ Царя съ Е. А. Стрѣшневой. — Персидскій посланникъ въ Москву; его зѣлство. — Намѣненія Царя о внутреннемъ управленіи. — Писцовыя книги. — Сношенія съ иностранными державами. — Война съ Польшею. — Успѣхи Царскаго оружія въ началѣ войны. — Осада Смоленска. — Прибытіе Владислава. — Пораженіе Шеина. — Казнь Шеина и проч. — Миръ съ Польшею. — Мѣры обороны противъ Татаръ. — Кончина Филарета. — Дерзкій посолъ отъ Польскаго Короля. — Казаки овладѣли Азовомъ. — Распространеніе предѣловъ въ Сибири. — Прибытіе Датскаго Принца въ Москву. — Переговоры о его бракосочетаніи съ Царевной Припой Михайловной. — Кончина Царя Михаила Оеодоровича.

1618 — 1645.

Царь съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія родителя своего изъ плѣна, въ силу Деулинскаго перемирія. Послѣ девятилѣтняго заключенія, Филаретъ пребылъ въ Москву 14-го іюня 1619, увидѣлъ сына своего царствующаго и возмужалаго. Михаилъ былъ въ восхищеніи; оба проливали слезы радости. Въ память возвращенія родителя своего, Царь за-

ложить церковь во имя Св. Пророка Елисея, простить всѣхъ находившихся въ опалѣ и освободить заключенныхъ.

Черезъ нѣсколько дней, по желанію и совѣту бояръ и духовенства, Царь возвелъ Филарета въ патріаршій санъ, въ который опъ поставленъ рукоположеніемъ находившагося тогда въ Москвѣ Іерусалимскаго Патріарха Оеофана. Родительница Государева, Марѳа Івановна, возведена въ санъ игуменьи Вознесенскаго монастыря. Михаилъ, изъ почтенія и любви къ родителю своему, назначилъ его соправителемъ своимъ; по сему случаю въ указахъ введена была слѣдующая форма: *Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Оеодоровичъ всяя Россіи и Отецъ его Государевъ, Великій Государь, Святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и есая Россіи указали* и проч. Съ того времени къ Патріаршему Двору опредѣлены придворный штатъ изъ стольщика и другихъ чиновъ и Патріарха начали титуловать *Великимъ Государемъ*. Филаретъ участвовалъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ и не рѣдко давалъ указы отъ своего лица даже и по дѣламъ, которыя выходили изъ круга прежнихъ патріарховъ. Послы чужестранные, вѣлѣды за царскою аудіенціею, непременно представлялись и Филарету, который былъ одаренъ рѣдкими достоинствами.

Мысль о бракѣ, а потому и надежда объ утвержденіи престола въ потомствѣ своемъ, занимала Михаила. Еще въ 1617 г., когда ему минуло 20 лѣтъ, рѣчь шла о его женитьбѣ и даже приступлено было къ выбору невѣсты. Нѣрѣбій палъ на Марью Івановну Хлопову; она была наречена Царницею и наречена Анастасіею, въ память добродѣтельной супруги Іоанна Грознаго, по которой родъ Романовыхъ былъ въ свойствѣ съ царственнымъ родомъ Рюрика. Отецъ, дядя, мать и бабка Хлоповой были взяты ко Двору и вклю-

чены въ число придворныхъ лицъ. Недѣль черезъ шесть послѣ обрученія ея съ Государемъ, открылась у ней болѣзнь, сопровождаемая рвотою. Окольные Борисъ и Михайлъ Салтыковы, близкіе люди къ Царю, допели ему, что невѣста его одержима жестокимъ недугомъ, по сказанію врачей весьма опаснымъ и препятствующимъ дѣторожденію. Въ слѣдствіе чего былъ созванъ соборъ, который и рѣшилъ лишить Марію Хлопову званія Государевой невѣсты и сослать ее со всѣми ея родственниками въ Нижній Новгородъ. Черезъ нѣсколько времени узнали, что рвота происходила отъ лекарства, даннаго Хлоповой по злобѣ къ ея семейству Борисомъ и Михайломъ Салтыковыми, что впрочемъ здоровье ея было въ весьма хорошемъ состояніи. У Салтыковыхъ въ наказаніе отобрано имѣніе въ казну и они сосланы. Спустя нѣсколько времени Царь казался опять расположеннымъ къ Хлоповой, но, неизвѣстно почему, не рѣшился вступить съ нею въ бракъ, и ей объявлено, что Государь за себя взять ее не изволитъ.

Послѣ отказа, сдѣланнаго дѣвицѣ Хлоповой, Михайлъ Ѳеодоровичъ намѣревался сочетаться бракомъ съ принцессою иностраннаго царствующаго дома. Для сего отправленъ былъ въ Давію Алексѣй Михайловичъ Львовъ, чтобы просить у Короля руки Принцессы Доротей Августы, дочери покойнаго Голштейнъ-Готторпскаго Герцога Іоанна Адольфа; но намѣреніе сіе не исполнилось. Когда Львовъ прибылъ въ Копенгагенъ, Король Фридрихъ III былъ боленъ и не могъ его принять: министры датскіе предлагали послу съ ними объясниться, но Львовъ, почитая это несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Монарха, отъ котораго былъ посланъ, отказался отъ предложенія и воротился въ Россію.

Наконецъ, мѣсяцевъ черезъ восемь по удаленіи дѣвицы Хлоповой, была объявлена Государевой невѣстой дочь боярина Князя Владиміра Тимоѣевича Долгорукова, Марія Вла-

диміровна. На другой день бракосочетанія Царпца зачмогла и скончалась черезъ три съ половиною мѣсяца, 7-го января 1626 года, послѣ томительной болѣзни.

Въ концѣ этого 1626 г. Царь вознамѣрился вступитъ во второй бракъ. Получа благословеніе родителей своихъ, онъ, по тогдашнему обычаю, приказалъ собрать 60 дѣвицъ изъ первостепенныхъ княжескихъ и боярскихъ семействъ. Матери, представя дочерей своихъ родительницѣ Государевой, разѣхались по домамъ, оставя при каждой по прислужницѣ. Дѣвицы сіи были помѣщены во дворцѣ, кровати ихъ стояли по обѣимъ сторонамъ компанъ; въ полночь Царь съ родительницею своею обошелъ эти компаны и, осмотрѣвъ невѣсты, возвратился къ себѣ. На вопросъ Царицы Мары Ивановны, которую онъ выбралъ? Царь отвѣчалъ: одну изъ прислужницъ. Удивленная Царпца просила его помыслить, что таковымъ выборомъ онъ оскорбитъ знатнѣйшихъ бояръ, и требовала, чтобы онъ рѣшился скорѣе, потому что на слѣдующій день, до восхода солнечнаго, подлежало объявить въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи духовныхъ властей, имя невѣсты. Царь оставался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи. Выборъ его палъ на Евдокію, дочь бѣднаго, но стараго Можайскаго дворянина Лукьяна Степановича Стрѣшнева, который чрезъ бракъ своей дочери, перейдя изъ скромной хижины въ царскіе чертоги, сохранилъ скромность и кротость нрава, которыми отличался въ прежнемъ своемъ положеніи. На другой день обрученія послали къ родителю невѣсты государевой царскую грамоту и дары. Бракосочетаніе происходило 5-го февраля 1627 года. Главнымъ распорядителемъ при семъ торжествѣ былъ бояринъ Пвапъ Пикитичъ Романовъ; дружками при Царѣ-Князѣ Дмитріи Черкасскій и Д. М. Пожарскій; при Царпцѣ—Борисъ Михайловичъ Шенинъ и Романъ Петровичъ Пожарскій. Государь ѣхалъ въ цер-

ковъ на аргамакъ, а Государыня въ саяхъ. На слѣдующій день, бояре, думные люди, гости и гостинныя сукопныя и черныя сотни, торговые люди, поднесли Царю дары, которыхъ, однакожь, вопреки прежнимъ обычаямъ, онъ не принималъ. Отъ сего брака черезъ три года родился, марта 10 1629 г., Царевичъ Алексѣй Михайловичъ.

Вскорѣ за бракомъ симъ прибылъ изъ Персіи посолъ, который, отдавъ отъ Шаха поклонъ Государю, поднесъ ему золотой ковчегъ, унизанный драгоценными камнями, и сказалъ, что въ ономъ хранится *риза Господня*. Царь, совокупно съ духовными властями, освидѣтельствовалъ сію святыню и приказалъ ее хранить въ Успенскомъ соборѣ. Риза сія похищена была Персіянами въ Грузіи, когда Шахъ ходилъ туда войною; онъ прислалъ ее, узнавъ, что Царю будетъ весьма пріятно сіе сокровище. Окончивъ порученіе, сдѣланное отъ Шаха, посланникъ этотъ остался въ Москвѣ для торговыхъ оборотовъ и ознаменовалъ пребываніе свое звѣрствомъ. Съ нимъ была многочисленная свита и жена. Онъ казнилъ се и шестерыхъ Персіянъ, грозя и прочимъ смертію; несчастные, для избѣжанія ожидавшей ихъ участи, прибѣгли къ покровительству Царя, который приказалъ развести ихъ по разнымъ дворамъ, и потомъ отправилъ въ Персію съ посломъ своимъ, Княземъ Григорьемъ Васильевичемъ Тюфякинымъ.

Миръ съ Польшею, хотя заключенный съ большими пожертвованіями, давалъ возможность Царю водворять спокойствіе въ Россіи и заняться внутреннимъ управленіемъ, чтобы изгладить глубокіе слѣды разстройства, причиненные долговременными войнами: рѣдкій городъ не пострадалъ; многія помѣстья обезлюдѣли или перешли отъ законныхъ владѣтелей въ чужія руки; нѣкоторые посады городскіе записались за боярами, чтобы не платитъ городскихъ повинностей; го-

сударственная казна была истощена; доходы такъ уменьшились, что Царь долженъ былъ для содержанія войска прибѣгать къ добровольнымъ приношеніямъ или къ чрезвычайнымъ налогамъ на монастыри и людей торговыхъ. Разстройство по всемъ частямъ было въ высшей степени. По предложенію Филарета, произведена всеобщая перепись Государству; симъ средствомъ получены подробныя вѣдомости о пространствѣ земель, принадлежащихъ казнѣ, монастырямъ или частнымъ людямъ, со всеми угодьями, о собираемыхъ доходахъ и о числѣ обывателей. Вѣдомости сіи составлялись нѣсколько лѣтъ подъ названіемъ *Писцовыхъ книгъ* (1629). Получа сіи свѣдѣнія, Правительство знало, что можно съ кого требовать, и въ соразмѣрности того увеличивало доходы и опредѣляло число войскъ. Каждый помѣщикъ имѣлъ опредѣленный рубежъ, далѣе коего не простиралъ своего права, отъ чего пресѣклось много споровъ и тяжбъ. Слѣдствіемъ повсемѣстнаго введенія Писцовыхъ книгъ было окончательное укрѣпленіе крестьянъ за землею; по указамъ прежнихъ царей, крестьяне могли, въ извѣстныхъ случаяхъ, переходить отъ одного помѣщика къ другому; при Михаилѣ они были приписаны къ землѣ въ полномъ смыслѣ, и почти каждый помѣщикъ получилъ отъ Царя жалованную грамоту съ означеніемъ какая кому принадлежитъ земля и деревня.

Запнясь внутреннимъ устройствомъ, Михаилъ имѣлъ особенное стараніе о возстановленіи прежнихъ, дружескихъ отношеній къ европейскимъ державамъ. Онъ часто отправлялъ пословъ въ Англію, Нидерланды, Давію, къ Императору Римскому, къ Султану Турецкому, къ Шаху Персидскому, и во взаимство принималъ пріѣзжавшихъ къ нему иноземныхъ пословъ съ увѣреніями въ дружбѣ. Сношенія сіи имѣли цѣлю торговая выгоды, закупку оружія и вообще военныхъ припасовъ, наемъ искусныхъ офицеровъ.

Царя наиболѣе занимала мысль о возвращеніи отъ Польши уступленныхъ ей областей; онъ стремился къ тому, чтобы возстаовить Россію въ томъ положеніи, въ какомъ она была при послѣднемъ Царѣ Рюрикова Дома. Естественно, намѣреніе сіе должно было произвести новую борьбу съ Польшею.

Года черезъ три по примиреніи съ сей державой, Михаилъ объявлялъ въ Земскомъ Совѣтѣ, что Сигизмундъ нарушаетъ мирный договоръ, что Владиславъ удерживаетъ титулъ Царя Московскаго, что въ грамотахъ ко Двору Московскому, польскіе папы пишутъ укорины; что Турецкій Султанъ Османъ, Шведскій Король Густавъ Адольфъ (*) и Ханъ Крымскій убѣдительно просятъ идти войною на общаго врага, и что сами они уже начали военныя дѣйствія. Если и при настоящихъ его стѣпенныхъ обстоятельствахъ, присокупилъ Государь, Сигизмундъ не хочетъ нашей дружбы, чего же ожидать послѣ, когда онъ примирится съ Швеціею и Турціею, и не потеряемъ ли дружбы союзниковъ нашихъ, если отвергнемъ ихъ предложенія? Всѣ отвѣчали, что готовы жертвовать жизнію на войну съ Королемъ Польскимъ.

Безъ сомнѣнія нельзя было имѣть благопріятнѣйшаго случая для войны съ Польшею: войска Сигизмундовы, посланныя противъ Турокъ, были разбиты наголову; Жолкѣвскій убитъ; другой опытный польскій полководецъ, Хоткѣвичъ, уже не былъ въ живыхъ; 300,000 Турокъ, подъ начальствомъ Великаго Визиря, были высланы къ Хотину, чтобы по овладѣніи симъ городомъ разорить Польшу во всѣхъ

(*) Года за три передъ симъ пріѣзжалъ отъ Густава Адольфа съ богатыми подарками посолъ, родомъ изъ Смоленска, прозывавшійся Трубець. Россіянинъ сей пользовался особеннымъ довѣріемъ Короля; дипломатическое его порученіе осталось тайною.

направленіяхъ. Густавъ Адольфъ, между тѣмъ, овладѣлъ Ригою, Митавою и завоевалъ всю Ливонію.

Хотя срокъ перемирію съ Поляками еще не минулъ, но Михаилъ желалъ воспользоваться междуцарствіемъ въ Польшѣ по случаю кончины Сигизмунда, послѣдовавшей 30-го апрѣля 1632 года, и сдѣлалъ огромныя приготовленія къ упорной борьбѣ: нанялъ иноземное войско въ Англіи, Голландіи и Швеціи, вызвалъ изъ заграницы искусныхъ генераловъ, инженеровъ, закупилъ большое количество оружія, пороха. Армія состояла изъ 70,000 Русскихъ и 30,000 Нѣмцевъ съ сильною артиллеріею; главнымъ предводителемъ назначенъ знаменитый доблестію бояринъ Шенъ. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для пачатія военныхъ дѣйствій, Михаилъ издалъ манифестъ 9-го августа 1632 года, въ которомъ было изложено вѣроломство Польскаго двора относительно къ Россіи, нарушеніе онымъ договоровъ и проч. Военачальники въ сей день, отстоявъ съ Государемъ обѣдню, цѣловали его руку и выступили въ походъ. Казалось, что огромныя приготовленія должны были предвѣщать самое успѣшное окончаніе этой войны! Въ октябрѣ (1632) Царь получилъ пріятное извѣстіе о взятіи городовъ Серпейска и Дорогобужа. Въ ноябрѣ и декабрѣ наши взяли Бѣлую, Невель, Рославль, Почепъ, Трубчевскъ и Себежъ. Михаилъ былъ такъ доволенъ сими успѣхами, что послалъ въ награду золотыя монеты съ милостивымъ словомъ и спросомъ о здоровьѣ. Войска наши потомъ обложили Смоленскъ и пачали осаду этого города.

Между тѣмъ Владиславъ, сынъ Сигизмунда, былъ избранъ Королемъ Польскимъ. Этотъ опытный и мужественный воинъ поспѣшилъ на помощь къ Смоленску и прибылъ, когда этотъ городъ, послѣ 10-ти мѣсячной осады, томимый голодомъ, готовъ былъ сдаться. Армія Польская состояла изъ

20,000 человекъ, къ которымъ еще присоединились 15,000 казаковъ. Всѣ пути къ городу были преграждены русскими войсками. Владиславъ нашелъ средство извѣстить гарнизонъ о прибытіи своемъ посредствомъ удачной хитрости: Полякъ, знавшій хорошо мѣстность, преобразясь въ кустарникъ, передвигался между лѣсомъ, Смоленскъ окружающимъ, и проникнулъ въ крѣпость, гдѣ передалъ все порученное ему отъ Короля. Тогда Владиславъ атаковалъ армію Шеина, принудилъ ее снять осаду и защищаться въ окопахъ. Дѣлая на нее стремительныя нападенія, въ тоже время, въ тылу ея, занялъ Дорогобужъ. Шепяъ пытался выдти изъ окоповъ, чтобы рѣшительнымъ дѣломъ окончить борьбу; но усилія его были бесполезны, войска его упали духомъ. Между подчиненными Шейну воеводами и особенно между иностранными генералами нашей арміи возникло такое несогласіе, что Леслій (бывшій шотландскій полковникъ) въ присутствіи Шеина застрѣлилъ англійскаго генерала Сандерсона, начальствовавшего 3000-ми Англичанъ, находившихся въ нашей службѣ (*); открылись повальныя болѣзни; цѣлыя полки бѣжали въ свои области, разоряемые Крымскими Татарами, коихъ Владиславъ склонилъ напасть на Украину. Войско Шеина такъ уменьшилось отъ побѣговъ и болѣзней, что онъ ожидалъ только спасенія отъ помощи изъ Москвы. Царь выслалъ къ нему въ подкрѣпленіе Князей Черкаскаго и Пожарскаго (**), но они не рѣшились идти далѣе Можайска.

(*) Леслій былъ умный, справедливый и преданный Россіи человекъ. Черезъ 20 лѣтъ послѣ сего происшествія, онъ былъ съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ при взятіи Смоленска и осадѣ Риги.

(**) Мы упомянемъ здѣсь въ послѣдній разъ о Князѣ Димитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ. Царь, признательный къ его безсмерт-

Шейнъ, до того времени мужъ знаменитый неустрашимостію и заслугами, заключилъ капитуляцію, покрывшую его безславіемъ, по которой онъ оставилъ Владиславу весь свой лагерь и 125 пушекъ. По возвращеніи въ Москву, Шейнъ, Измаиловъ и старшій его сынъ были казнены 28-го апрѣля 1634 г.; прочіе, оказавшіеся виновными по Смоленскому походу, были наказаны и сосланы.

Владиславъ, при всѣхъ своихъ успѣхахъ, желалъ мира, потому что въ войскѣ его опять возникъ ропотъ за невыдачу жалованья; къ тому же съ Турками онъ былъ въ войнѣ, а съ Швеціею перемиріе его приближалось къ сроку. Михаилъ, послѣ пораженія Шейна, не могъ продолжать военныхъ дѣйствій; составленіе новой арміи требовало времени и представляло большія затрудненія, а потому и онъ съ своей стороны желалъ примиренія. Приступили къ переговорамъ, и, безъ дальнихъ споровъ, заключили на основаніи Деулинскаго договора вѣчный миръ 15-го іюня 1634 г. близъ Вязьмы, при рѣчкѣ Полянѣ.

Во время Смоленскаго похода скончался Патріархъ Филаретъ (**); потеря сія погрузила Монарха въ глубокую печаль. На мѣсто его поступилъ въ этотъ санъ Іосафъ, Архі-

вымъ заслугамъ, жаловалъ его богатыми помѣстьями. Но въ первый годъ вступленія на престолъ Михаила Феодоровича, сей знаменитый мужъ вналъ въ немилость вслѣдствіе споровъ о мѣстничествѣ съ Борисомъ Михайловичемъ Салтыковымъ. Въ послѣдствіи однако Князь Д. М. Пожарскій опять былъ употребленъ въ царской службѣ, находился воеводою въ Холмогорахъ и Верхотурьѣ. Князь Д. М. Пожарскій родился въ 1578 г., скончался въ 1642. Царь провожалъ гробъ сего героя и почтилъ его слезами.

(**) Филаретъ скончался въ Москвѣ 1634 г. октября 1-го и погребенъ въ Успенскомъ Соборѣ. Супруга его, Ксенія Ивановна, скончалась 25-го января 1631 года.

епископъ Псковскій и Изборскій. Онъ былъ поставленъ рукоположеніемъ Новгородскаго Митрополита Кипріяна, въ присутствіи всего освященнаго собора, самого Царя, всѣхъ бояръ и другихъ значительныхъ лицъ. По совершеніи Божественной службы Іоасафъ ѣздилъ вокругъ города на ослати, котораго вели за конецъ повода бояринъ Сулешевъ, а подъ усты патріаршій бояринъ Семенъ Колтовской. По окончаніи шествія, новый Патріархъ былъ приглашенъ къ царскому столу. По случаю избранія Іоасафа, отправленъ былъ Иванъ Коробинъ къ Александрійскому Патріарху Герасиму съ дарами и грамотою.

По случаю заключенія мира съ Польшею, и въ силу особой статьи трактата, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ должны были быть отправлены послы взаимно между двумя державами съ тѣмъ, чтобы свита не превышала 100 человекъ и 150 лошадей. Послы русскіе, а именно: Ѳ. П. Шереметевъ, Князь А. М. Львовъ, думный дворянинъ Проѣстовъ, дьяки Нечаевъ и Прокофьевъ, возвратясь изъ Польши, были награждены отъ Царя золотыми шубами, серебряными кубками и деньгами. Они привезли изъ Польши гробъ Царя В. І. Шуйскаго. Михаилъ встрѣтилъ его съ приличною почестію; онъ былъ поставленъ въ соборномъ храмѣ Архангела Михаила.

Въ началѣ слѣдующаго 1635 года прибыли въ Москву польскіе послы; старшій изъ нихъ былъ Кастелянъ Каменецкій, отличавшійся надменностію и невѣжествомъ. Когда явились къ нему пристава, то онъ заставлялъ ихъ насильно снять шапки, сказавъ: *«я пріѣхалъ сюда не вамъ оказывать почести, но принимать оныя отъ васъ.»* Когда ему подвели царскихъ коней для въѣзда въ столицу, то онъ отвергъ ихъ съ презрѣніемъ и продолжалъ путь на собственныхъ лошадяхъ. Передъ самимъ Царемъ онъ не

умѣрилъ своей надменности, говорилъ рѣчь сдѣла и, замѣтя, что по произнесеніи имени Владислава бояре не снимали шапокъ, остановился и не хотѣлъ продолжать, пока Царь не приказалъ имъ исполнить его требованія. Отъ Владислава не было прислано къ Царю подарковъ, но посоль подарилъ ему весьма богатую карету. Передъ отъѣздомъ Каменецкаго Царь послалъ ему нѣсколько сороковъ соболей, но онъ отвергъ этотъ даръ. Извѣстясь о семъ, Михаилъ отослалъ ему карету съ приставами. Это взбѣсило Каменецкаго до того, что онъ столкнулъ пристава съ лѣстницы. Оскорбленный этими поступками, Царь послалъ спросить Кастеляна, что побуждаетъ его такъ безчинствовать: королевское ли приказаніе, или собственная его воля? что въ первомъ случаѣ, котораго впрочемъ онъ не можетъ полагать, онъ будетъ искать защиты въ собственныхъ силахъ своихъ, ибо жребій оружія—въ Десницѣ Божіей; въ противномъ случаѣ будетъ жаловаться Королю, надѣясь, что Владиславъ, по извѣстной его справедливости, доставитъ ему полное удовлетвореніе. Послѣ этого объясненія Каменецкій сталъ тише и хотя перебрашивался, но съ осторожностію.

Мы видѣли, что Михаилъ находился въ частыхъ сношеніяхъ съ вострапными державами. Не задолго до пріѣзда въ Москву грубаго Кастеляна Каменецкаго, пріѣзжало голетинское посольство, замѣчательное потому, что въ числѣ оного паходился извѣстный Адамъ Олеарій, оставившій намъ любопытныя свѣдѣнія о тогдашнихъ русскихъ правахъ и обычаяхъ. Сношенія съ Голетинією были такъ постоянны, что въ Москвѣ жилъ голетинскій резидентъ Балтазаръ Мусеронъ, которому Царь оказывалъ большую благосклонность.

Набѣги Татаръ и опустошенія ими причиняемыя были особою заботою Царя, тѣмъ болѣе, что послѣдній ихъ набѣгъ, какъ мы видѣли, былъ даже одною изъ причинъ не-

удачи Смоленскаго похода, потому что ратники Шеина толпами бѣжали для защиты своихъ семействъ. Михаилъ приказалъ оградить Украину двумя оборонительными линіями, составленными изъ выстроенныхъ временныхъ остроговъ и постоянныхъ городковъ, между прочими, Тамбова, Козлова, Оскола и другихъ. Съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, Татары уже не тревожили самой Москвы.

Замѣчательно отважное дѣло Донскихъ казаковъ, доставлявшее вѣрное средство Михаилу къ обуздавію Крыма. Донцы, соединясь съ 4000 Запорожцевъ, подъ начальствомъ Осипа Петрова, напали на Азовъ, взяли его штурмомъ и не хотѣли возвратить Султану. Нѣсколько разъ самъ Визирь приходилъ съ многочисленнымъ войскомъ для изгнанія ихъ. Въ теченіе 6 лѣтъ они отбивали все приступы Турокъ и въ 1641 году предложили Азовъ Михаилу. Владѣніе сею крѣпостью было весьма важно; оно доставляло возможность тревожить Крымъ и отвлекать Татаръ отъ Россіи; но такъ какъ отъ сего могла произойти упорная война съ Турціею, то Михаилъ, при разстроенномъ положеніи Россіи, отказался, вопреки мнѣнію бояръ, отъ предложенія казаковъ и велѣлъ имъ выйти изъ Азова; они повиновались. Султанъ по прежнему остался союзникомъ Россіи.

Во время царствованія Михаила распространены предѣлы Государства на востокъ, покореніемъ большей части Сибиря. Онъ укрѣпилъ построенные Годуновымъ города, населилъ ихъ Русскими, прислалъ ратныхъ людей и оружіе, основалъ многія слободы, ввелъ порядокъ въ управленіи ихъ и учредилъ особенное вѣдомство въ Москвѣ, подъ названіемъ Сибирскаго Приказа, назначивъ опредѣленный ясакъ или сборъ дана мягкой рухлядью. Въ городахъ построилъ церкви и многіе монастыри. Для обращенія язычниковъ въ христіанскую вѣру и для надзора за благочестіемъ установилъ

епархію, пазначивъ въ Тобольскъ архіепископомъ ревпост-наго къ вѣрѣ и просвѣщеннаго Кипріяна. По мѣрѣ распро-страненія русскаго владычества въ Сибирь, возникали го-рода Енисейскъ, Красноярскъ, Илимскъ, Якутскъ и другіе. Въ Ирбитѣ установлена ежегодная ярмарка.

Царь желалъ быть въ родственномъ союзѣ съ иностран-ными державами, и, какъ мы уже упоминали, хотѣлъ всту-пить въ бракъ съ дочерью Голстингскаго Герцога; но дѣло это не состоялось. Служившій въ Россіи по дипломатиче-ской части Датчанинъ Бекеръ фонъ-Дельденъ предложилъ ему выдать за Датскаго Принца Вольдемара Царевну Ирину Михайловну. Монархъ одобрилъ эту мысль и отправилъ въ Копенгагенъ (1643) околыничаго Степана Проѣстева съ предложеніемъ о семъ къ Датскому Королю. Проѣстевъ возвратился скоро, но отвѣтъ, привезенный имъ отъ дат-скихъ министровъ, былъ неположительный и двусмыслен-ный. Царь, недовольный симъ, отправилъ въ Копенгагенъ иностраннаго гостя Петра Марселиуса, уполномочивъ его рѣшительно условиться по сему предмету съ Датскимъ Ко-ролемъ (*). Марселиусъ возвратился съ отвѣтомъ, болѣе

(*) Петръ Марселиусъ, гамбургскій торговецъ, имѣлъ отъ Царя Михаила Ѳеодоровича грамоту на право свободной торговли въ Рос-сіи и дозволеніе всегда пріѣзжать въ Россію съ товарами, ибо отецъ его торговалъ въ Москвѣ болѣе 30 лѣтъ и привозилъ ко Дво-ру все необходимыя узорочныя товары, и отдавалъ ихъ по своей прямой цѣнѣ, платя иногда болѣе 1500 руб. пошлины. Кроме того, отецъ Марселиуса оказалъ большія услуги Государю, помогалъ по-сламъ въ дѣлахъ ихъ и ссужалъ ихъ деньгами, уговорилъ доктора Сибиса ѣхать въ Россію, прислалъ именуемыхъ рудознатцевъ и много содѣйствовалъ полковнику Леслію для найма иностраннаго войска. За сіи-то услуги Царь позволилъ Марселиусу свободно торговать во всей Россіи, именоваться гостемъ и пользоваться все-ми правами, сему званію присвоенными.

удовлетворительнымъ. Въ награду за сію поѣздку Царь позволилъ Марселіусу построить желѣзные заводы, продавать въ теченіе 20 лѣтъ всѣ издѣлія безъ пошлины, и издалъ объявленіе, что намѣреваясь выдать дочь свою Принцу за Королевича Вольдемара, вызываетъ его въ Москву. Около сего же времени дозволено жившимъ въ Москвѣ Нѣмцамъ построить евангелическую церковь; но Царь и духовенство наше желали непременно, чтобы Вольдемаръ принялъ Греко-Россійскую вѣру. Въ слѣдствіе происходившихъ съ Датскимъ Дворомъ переговоровъ, Вольдемаръ отправился (1644) въ Россію, со свитою, состоявшею изъ 120 человекъ и 80 лошадей. По пріѣздѣ его въ Псковъ былъ онъ встрѣченъ Княземъ Григоріемъ Андреевичемъ Сицкимъ, ротою дворянъ, двумя ротами стрѣльцовъ и ротою казаковъ. Ему подвезли сани, внутри убранныя соболями, а снаружн покрытыя алымъ бархатомъ и запряженныя шестью бѣлыми лошадьми. Въѣздъ его въ столицу былъ великолѣпенъ; его сопровождали 18 бригадъ войска. Царь неоднократно посѣщалъ его и такъ полюбилъ будущаго зятя своего, что оплакивая кончину сына своего (*), сказалъ Вольдемару, что онъ займетъ его мѣсто и пожаловалъ ему титулъ Князя Ярославскаго и Суздальскаго. Отъ Короля, родителя своего, Принцу было назначено 12,000 рейхсталеровъ и прибрежное княжество.

Дѣло сіе, начавшееся весьма благопріятно, пошло потомъ очень неудачно. Главное несогласіе происходило на счетъ вѣроисповѣданія. Царь и духовенство хотѣли, чтобы Вольдемаръ и дѣти его исповѣдывали Греко-Россійскую вѣру. Но наиболѣе препятствовалъ сему браку бывшій при Принцѣ пасторъ Фильгробомъ—орудіе Дворовъ Польскаго

(*) Царевичъ Іоаннъ, скончавшійся въ 1639 году.

и Шведскаго, которые, особенно послѣдній, желали, чтобы союзъ сей не состоялся (*). Утверждаютъ, что это обстоятельство чрезвычайно огорчило Царя.

Находясь на праздникъ Михаила Маленна у всеобщей 12-го іюля 1645 года, Царь, почувствовавъ сильную дурноту, приказалъ отнестъ себя въ деревянный дворецъ. Въ тотъ же вечеръ болѣзнь его усилилась, и впускала уже опасеніе. Михаилъ предчувствовалъ приближеніе кончины; приказалъ позвать Царьцу Евдокію Лукьяновну, Царевича Алексѣя Михайловича и Патріарха Іосифа (**). Въ слезахъ простился онъ съ супругою, сына благословилъ на царство и потомъ, поговоря съ Патріархомъ и близкими боярами, спокойно уснулъ вѣчнымъ сномъ.

Избраніе Михаила Оеодоровича на царство было истинно благодѣтельнымъ даромъ Провидѣнія, ибо сосредоточеніемъ власти въ его лицѣ прекратилсь волненіе, безпачаліе; партіи примирилсь, самостоятельность Россіи утвердилась. Пламеннымъ его желаніемъ было возвратитъ Россіи отторгнутыя сосѣдями области, хотя успія его къ достиженію сей цѣли и не были увѣчаны успѣхомъ. Михаилъ былъ твердъ въ намѣреніяхъ, чрезвычайно дѣятеленъ и оказалъ большія услуги отечеству улучшеніемъ внутренняго устройства. Кротость, благоразуміе и набожность были главными его добродѣтелями.

(*) Дѣло сіе кончилось уже при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, который, видя безконечныя затрудненія, приказалъ извѣститъ Вольдемара, что онъ на бракъ сей не согласенъ; послалъ ему и свитѣ его богатые подарки и приказалъ выдать имъ на дорогу сумму въ 14,000 рейхсталеровъ.

(**) Патріархъ Іосифъ заступилъ мѣсто Іоасафа, скончавшагося въ 1641 году.

ГЛАВА III.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Вступленіе на престолъ Алексѣя Михайловича. — Присяга. — Коронаваніе. — Внѣшнія сношенія. — Пораженіе Крымскихъ Татаръ. — Первый бракъ Царя. — Б. П. Морозовъ. — Безпорядки. — Самозванецъ. — Внутреннее управленіе. — Законы. — Мѣстничество. — Патріархъ Никонъ. — Малороссія. — Война съ Польшею. — Успѣхи русскаго оружія. — Чума. — Сношенія съ Китаемъ. — Подвиги Хабарова и Степанова. — Возвращеніе Царя въ Москву изъ похода. — Бѣдственное положеніе Польши. — Мирный договоръ съ Польшею въ Вильнѣ. — Война съ Швеціею. — Молдавія. — Финансовыя мѣры. — Рожденіе Царевны Софійи Алексѣевны. — Возобновленіе войны съ Польшею. — Перемиріе съ Швеціею. — Малороссійскія дѣла. — Пораженія Русскихъ войскъ. — Подвигъ Кнзя Гагарина. — Миръ съ Швеціею. — Рожденіе Царевича Θεодора Алексѣевича.

1645—1661.

Когда скоро скончался Царь Михайлъ Θεодоровичъ, Инокита Ивановичъ Романовъ, вышедъ изъ Царской спальни, объявилъ о вступленіи на престолъ Царя Алексѣя Михайловича и, первый присягнувъ, привелъ потомъ къ присягѣ всѣхъ жителей Москвы и разослалъ повелѣнія, чтобы не беспокоили Царя никакими просьбами въ теченіе печальныхъ педѣль. На другой день послано приказаніе во всѣ города для учиненія присяги. Къ впоstrашнымъ Дворамъ тоже отправлены

гонцы съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича.

Вѣнчаніе на царство сего Монарха происходило 28-го сентября 1646 года и совершено въ Соборномъ Успенскомъ Храмѣ Патріархомъ Іосифомъ. Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ, названный въ современныхъ актахъ *сродичемъ*, держалъ царскій вѣнецъ. Когда Монархъ возвращался въ чертоги свои, то Никита Ивановичъ Романовъ, по обычаю того времени, осыпалъ его трижды золотыми деньгами въ церковныхъ дверяхъ. Торжество при Царскомъ Дворѣ продолжалось три дня и ознаменовано разными милостями.

Первые годы царствованія Алексѣя Михайловича не предвѣщали въ немъ того великаго Государя, которымъ онъ оказался въ послѣдствіи. Вступивъ на престолъ, такъ какъ родитель его, 16 лѣтъ, онъ проводилъ время въ объѣздахъ по окрестнымъ монастырямъ или въ страстно любимой имъ соколиной охотѣ, и не занимался государственными дѣлами. Бразды правленія находились въ рукахъ бояръ, главою коихъ былъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, любимецъ Царя, пользовавшійся особенною его довѣренностію.

Государь наиболѣе старался о сохраненіи съ иностранными державами мира, въ которомъ Россія очень пуждалась. Были отправлены посольства въ Швецію и Польшу съ богатыми дарами. Назначенный въ Голландію посломъ Пля Даниловичъ Милославскій имѣлъ сверхъ дипломатическаго порученія приказаніе отыскать мастеровъ для желѣзныхъ издѣлій, стволовъ для солдатскихъ ружей и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласить въ нашу службу знающихъ въ военномъ искусствѣ офицеровъ. Такимъ образомъ Царь, предвидя неминуемую борьбу съ сосѣдями для возвращенія отторгнутыхъ ими отъ Россіи областей, дѣлалъ заблаговременно свои приготовленія. Цѣль порученія, данныхъ отправленному въ Шве-

цію посломъ Григорію Гавриловичу Пушкину, состояла наиболѣе въ томъ, чтобы прекратить недоразумѣнія касательно титуловъ. Шведы, вопреки Столбовскому трактату, въ нѣкоторыхъ актахъ называли Царя Великимъ Княземъ; шведскіе же министры предъявляли недовольствіе, что Царь въ грамотахъ своихъ къ Султану и Персидскому Шаху, называя себя повелителемъ всея сѣверныя страны, включалъ тутъ и Лифляндію. Сверхъ того жаловались, что крестьяне, бѣжавшіе изъ Карелии, Ингермапландіи и Лифляндіи, принимаютъ въ Россіи въ противность мирному договору. Убытокъ отъ сихъ перебѣговъ считала царствовавшая тогда въ Швеціи Королева Христина въ милліонъ талеровъ. Но несогласія прекратились тѣмъ, что Царь согласился заплатить 100,000 червонцевъ. Потомки упомянутыхъ здѣсь Кареловъ обитаютъ и понынѣ въ Тверской губерніи, сохранивъ отчасти свои обычаи и нарѣчіе.

Въ это время Крымскіе Татары неожиданно подошли подъ Курскъ и начали грабить окружныя мѣста. Воевода Князь Алексѣй Ипкитичъ Трубецкой разбилъ ихъ подъ Рыльскомъ такъ удачно, что они, покинувъ награбленное, бѣжали стремглавъ изъ Россіи. Побѣда сія, первая въ правленіе Алексѣя Михайловича, была такъ сказать предвѣстницею тѣхъ, кои въ послѣдствіи времени ознаменовали царствованіе сего Монарха.

Царь, помышляя объ утвержденіи престола въ потомствѣ своемъ, вознамѣрился сочетаться бракомъ и избралъ себѣ въ супруги дочь стольника, Мядинскаго воеводы Пльи Давыдовича Миловскаго, дѣвицу Марію Пльпиничну. Бракосочетаніе послѣдовало января 16 дня 1648 года. Посаженымъ отцемъ у Царя былъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, а посаженной матерью супруга Глѣба Ивановича Морозова, Евдокія Алексѣевна. Свахами со стороны Царя-женыхъ были жены

боярина Одоевскаго и околыничаго Ромодановскаго, а со стороны невѣсты—жены боярина Салтыкова и стольника Голохвастова. По случаю сего торжества И. Д. Милославскій пожалованъ изъ стольниковъ въ околыничіе; чрезъ недѣлю Царь отправился на поклоненіе въ Троицкую Лавру и, возвратясь оттуда, пожаловалъ И. Д. Милославскаго въ бояре.

Черезъ десять дней послѣ царской свадьбы вѣнчался Б. П. Морозовъ со второю дочерью И. Д. Милославскаго, славившейся своей красотой также, какъ и сестра ея, Царица.

Бракъ сей еще болѣе возвысилъ любимца царскаго, имѣвшаго наибольшее вліяніе въ управленіи государственномъ. Морозовъ несправедливъ былъ за свое корыстолюбіе и лихоимство (*). Онъ скрывалъ отъ Государя народныя бѣдствія и былъ самъ причиною многихъ изъ нихъ; установилъ тягостные налоги, особенно на соль; отдалъ на откупъ разные предметы, необходимыя для обществѣ. Присоединившійся къ сему неурожаю, голодъ, падежъ скота, раздражили народъ до высшей степени. Наконецъ вспыхнулъ мятежъ и разъяренная чернь, прибѣжавъ къ царскому дворцу, требовала выдачи Морозова и родственниковъ его, околыничихъ Плещеева и Траханиотова, на которыхъ тоже народъ злобствовалъ за притѣсненія. Царь вынужденъ былъ самъ выйти къ мятежникамъ и ласковою рѣчью укротилъ недовольныхъ. Плещеевъ былъ однакожъ умерщвленъ. На другой день случился жестокій пожаръ, истребившій много церквей и домовъ. Бунтовщики пришли опять ко дворцу и умертвили Траханиотова. Главные изъ нихъ однако были схвачены и казнены. Морозовъ удаленъ отъ дѣлъ. Мятежъ вспыхнулъ потомъ въ другихъ мѣстахъ и возобновлялся въ теченіе че-

(*) Б. П. Морозовъ умеръ въ 1662 году, оставивъ огромное богатство.

тырехъ лѣтъ; особенно былъ онъ силенъ во Псковѣ и Новгородѣ; въ семь послѣднемъ городѣ едва не умертвили митрополита Никона, вышедшаго для увѣщанія мятежниковъ въ полномъ облаченіи; по онъ твердостію своею спасъ жизнь воеводѣ, боярину Князю Ѳеодору Андреевичу Хилкову. Царь наконецъ послалъ въ Новгородъ войско; бунтовщики покорились и по ходатайству Никона прощены. Псковичи же сдались только послѣ упорнаго боя.

Въ это время случилось происшествіе, причинившее много заботъ Царю. Не задолго передъ кончиною Владислава, послѣдовавшею въ концѣ 1648 года, явился при его дворѣ молодой казакъ. Нѣсколько времени потомъ пріятели его, купаясь съ нимъ, замѣтили у него нѣсколько словъ, намѣченныхъ на спящѣ, и донесли о семъ канцлеру Данилевскому; онъ послалъ тотчасъ за молодымъ казакомъ и за русскимъ священникомъ: открылось, что у него наколоты были слова: «*Димитрій, сынъ Царя Димитрія*».

Отецъ его торговалъ въ Вологдѣ холстомъ. Самозванецъ, котораго настоящее имя было Тимошка Аякудиновъ, промотавъ свое имѣніе вмѣстѣ съ женою своею, внучкою Вологодскаго архіерея, бѣжалъ въ Польшу. Владиславъ, узнавъ о немъ, и радуясь случаю дѣйствовать противъ Россіи, которую все помышлялъ присоединить къ державѣ своей, приказалъ объявить, что юноша сей сынъ Марины Сендомирской, рожденный во время ея заточенія, у котораго она сама наколола помянутыя слова. Владиславъ, для поддержанія сей сказки, назначилъ новому самозванцу придворную свиту. Послѣ кончины Владиславовой, вскорѣ потомъ послѣдовавшей, преемникъ его, Іоаннъ Казимиръ, не имѣя злобы противъ Россіи, оставилъ безъ вниманія самозванца, который, увидя его равнодушіе, бѣжалъ въ Трансильванію, Турцію и наконецъ явился въ Стокгольмъ.

•

Царь, извѣщенный о семъ происшествіи, отправилъ въ Стокгольмъ посла съ требованіемъ о выдачѣ ему самозванца. Королева Христина, не желая огорчить Трапсилъвапскаго Князя Рагоцкаго, отъ коего онъ былъ особенно рекомендованъ, отправила новаго Лжедмитрія тайнымъ образомъ въ Ревель и отвѣчала Царю, что самозванецъ бѣжалъ неизвѣстно куда. Царь требовалъ его отъ ревельскаго генераль-губернатора, графа Эксенстіерна; но и тотъ, доставя ему случай бѣжать, отозвался также незнаніемъ о мѣстѣ его пребыванія. Тимошка бродилъ по разнымъ землямъ и прибылъ наконецъ въ Голстинію, откуда и былъ выданъ послѣ долгой перепiski. Въ день казни сего самозванца принималъ Царь польскаго посла, котораго провезли во дворецъ по лобному мѣсту.

По удаленіи Морозова, Царь, употребляя стараніе къ укрощенію волновавшагося народа, видѣлъ опасность вѣряться любимцамъ, и потому началъ съ особеннымъ вниманіемъ заниматься внутреннимъ управленіемъ государства; онъ старался искоренить вкравшіяся злоупотребленія, ввести порядокъ, основанный на законѣ; издавалъ уставы, имѣлъ попеченіе объ утвержденіи доброй нравственности и православія. Съ совѣта лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, повелѣлъ разсмотрѣть существовавшіе законы, исправить ихъ, сдѣлать къ нимъ нужныя дополненія. Князя Никита Пвановичъ Одоевскій, Семень Васильевичъ Прозоровскій и О. О. Волконскій съ дьяками Леоптьевымъ и Грибоѣдовымъ, совершили сей важный трудъ, въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, съ чрезвычайною отчетливостію и ясностію. Выборные изъ всѣхъ сословій, по приказанію Царя, разсуждали и одобрили сей сводъ законовъ, который былъ напечатанъ подъ именемъ Уложенія; великая мысль: « что судъ для всѣхъ лицъ и званій долженъ быть равенъ », служила

основаніемъ при составленіи сего уложенія. Не довольствуясь издачіемъ законовъ, Царь хотѣлъ быть блюстителемъ въ исполненіи оныхъ: обиженный имѣлъ всегда къ нему доступъ и могъ бить челомъ на неправый судъ.

Такъ какъ со времени переписки земель и дворовъ, сдѣланной при Михаилѣ Феодоровичѣ, т. е. въ теченіе 30 лѣтъ, многія лица неправильно завладѣли землями, имъ не принадлежащими; сверхъ того отчины монастырскія и боярскія пользовались многими льготами и вообще не было соразмѣрности въ повинностяхъ, Царь, для устраненія сего неудобства, приказалъ вновь составить писцовыя книги для опредѣленія законныхъ правъ на отчины и помѣстья.

Русское купечество, со временъ Іоанна Грознаго, было стѣснено въ сравненіи съ иностранными купцами, въ Россіи торговавшими, особенно съ Англичанами, которымъ дозволялось торговать беспошлинно, тогда какъ наши купцы должны были, перевозя товаръ свой изъ города въ городъ, на дорогахъ, на мостахъ, на каждомъ такъ сказать шагу, платить пошлины. Царь приказалъ Англичанамъ не торговать во внутреннихъ городахъ Россіи, а только въ Архангельскѣ съ платежемъ пошлины; внутреннія же таможи по большей части были упничтожены.

Воѣско при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ получило новое, лучшее устройство; изъ заграницы призваны искусные офицеры для обученія солдатъ по европейскому образцу.

Среди своихъ полезныхъ занятій, Царь часто былъ отвлеченъ отъ нихъ спорами о старшинствѣ или о мѣстничествѣ, стараясь, по возможности, сколько позволялъ духъ времени, уничтожить сей пагубный и нелѣпый предразсудокъ. Обыкновенно совмѣстничества сіи случались при торжественныхъ обрядахъ, встрѣчахъ и назначеніяхъ къ начальству. Однажды произошелъ такой споръ во дворцѣ за

царскимъ торжественнымъ обѣдомъ, чему примѣра не бывало, а именно 1-го апрѣля 1650 года, въ день тезоименитства Царицы; у стола были бояре: Князь Черкасскій, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Василій Петровичъ Шереметевъ, окольничій Василій Васильевичъ Бутурлинъ и Князь Иванъ Ромодановскій. Послѣдній объявилъ, что ему несовмѣстно быть съ Бутурлинымъ и ушелъ. Черезъ 7 дней объявленъ былъ Ромодановскому Государевъ указъ и боярский приговоръ: послать его къ В. В. Бутурлину на дворъ и выдать головою, что и было немедленно исполнено.

Приведемъ еще примѣры мѣстничества, производившіе споры, для рѣшенія которыхъ Царь долженъ былъ часто жертвовать драгоценнымъ своимъ временемъ.

Фамилія Ромодановскихъ особенно неумѣстною гордостію превосходила мѣру приличій. По случаю одного обѣденнаго стола у Царя назначены были въ одну должность Князя Ромодановскіе—Григорій и племянникъ его Юрій. Григорій пожаловался, что ему несовмѣстно быть съ своимъ племянникомъ. Царь выслушалъ его и, желая кротостію прекратить вздорный споръ, приказалъ ему исправлять должность, присовокупя: *а послѣ—де велю васъ счесть старымъ родителямъ вашимъ*. Григорій Ромодановскій однако же не послушался и ушелъ отъ порученной ему должности. Тогда раздраженный Царь приказалъ за ослушаніе посадить его въ желѣза.

Мѣстничества сіи, кажется, не имѣли ничего положительнаго и зависѣли отъ воли Государевой, согласно съ которою составлялась справка о старшинствѣ рода. Умный Царь Алексѣй Михайловичъ съ досадою видѣлъ нелѣпыя сіи споры; онъ избѣгалъ сколько могъ докучливыя по сему предмету просьбы, и приказывалъ, чтобы, во время чрезвычайныхъ выходовъ, встрѣчъ и особенно войны, быть всѣмъ безъ

мѣсть, и такимъ образомъ приготавливалъ сыну своему, Царю Θεодору Алексѣевичу, возможность уничтожить совершенно сей вредный предразсудокъ. Иногда Царь употреблялъ и тѣлесныя наказанія за споры о мѣстахъ. Однажды окольникій Пикита Алексѣевичъ Зюзинъ былъ назначенъ къ столу вмѣстѣ съ Княземъ Лобановымъ. Зюзинъ возразилъ, что ему это несовмѣстно. Царь Алексѣй приказалъ Зюзина выбить батогами и потомъ поставить къ столу съ Лобановымъ, что и было исполнено. Мѣсто какъ черезъ мѣсяць сей же самый Зюзинъ былъ пожалованъ въ бояре.

Царь приходилъ наиболѣе въ гнѣвъ за споры о мѣстничествѣ, когда отъ нихъ пропеходилъ вредъ для государства. Въ первую войну съ Поляками было приказано быть всѣмъ безъ мѣсть. Голова Наумовъ, посланный съ Княземъ Барятинскимъ подъ городъ Борисовъ, жаловался, что ему несовмѣстно быть съ нимъ. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ за то, что онъ нарушилъ указъ, *быть безъ мѣста*: сослать на рѣку Лепу, а помѣстья и вотчины его взять въ казну.

Борясь съ предразсудками, которыхъ духъ времени не позволялъ еще совершенно искоренить, Царь старался обь утвержденіи въ подданныхъ своихъ доброй нравственности и самъ подавалъ къ тому назидательный примѣръ. Благочестіе и усердіе его къ вѣрѣ были нескрени.

Онъ рачительно занимался мѣрами лучшаго устройства церкви; старался, чтобы св. вѣра была исповѣдуема во всей чистотѣ; чтобы духовные служили примѣромъ нравственности. Помощникомъ ему въ семъ важномъ дѣлѣ былъ Пиконъ, посвященный 25-го іюня 1652 г. въ патріархи на мѣсто Іосифа, скончавшагося 15-го апрѣля того же года.

Знаменитый въ нашей церковной исторіи Пиконъ родился въ маѣ 1605 года; былъ сынъ нижегородскаго крестья-

пина; скоро научился грамотѣ и потомъ находился при обители Св. Макарія, гдѣ, по природной охотѣ къ чтенію, упражнялся въ церковныхъ и монастырскихъ службахъ, и съ того времени получилъ склонность къ церковному званію. Былъ потомъ священникомъ, но проживъ въ семь званіи 10 лѣтъ въ Москвѣ, и, чувствуя склонность къ монашеской жизни, по согласію съ женою своею, пошелъ въ Анзерскій скитъ, гдѣ постригся и пазванъ Никономъ вмѣсто прежняго имени Никиты. Жена его пошла въ Московскій Алексѣевскій монастырь. Нѣкоторые утверждаютъ, что къ монашеству Никона побудило честолюбіе. Поживъ въ Анзерскомъ скитѣ, перешелъ онъ, по неудовольствію, въ Бѣлозерскую Кожеозерную пустыню, гдѣ, по кончинѣ пастыря, избранъ былъ братіею въ игумена и посвященъ въ сіе званіе въ 1616 году. Для исправленія монастырскихъ нуждъ, случилось ему быть въ Москвѣ; чернецы въ то время во множествѣ приходили въ столицу для собиранія подаянія и были даже допускаемы къ двору. Никонъ такимъ образомъ имѣлъ случай предстать предъ Царемъ, который замѣтилъ въ немъ великій умъ, даръ слова и правила строгой добродѣтели, полюбилъ его и повелѣлъ посвятить въ архимандриты Московскаго Новоспасскаго монастыря. Чтобы чаще имѣть случай съ нимъ видѣться и бесѣдовать, Царь приказалъ ему въ каждый пятокъ пріѣзжать къ заутренѣ въ придворную церковь. Никонъ воспользовався милостію Монарха съ цѣлію богоугодныхъ дѣлъ: былъ ходатаемъ за неимущихъ и угнетенныхъ; Царю такъ поправилось попеченіе Никона о несчастныхъ, что онъ поручилъ ему принимать отъ всѣхъ нуждающихся челобитныя и представлять къ себѣ. Черезъ три года въ 1618 былъ онъ посвященъ въ митрополиты погородскіе. Благосклонность Царя къ нему все увеличивалась. Никону поручено было имѣть надзоръ и надъ гра-

жданскими начальниками въ Новѣгородѣ, дабы они не дѣлали обидъ и притѣсненій. Онъ имѣлъ власть входить въ темницы, и, смотря по винѣ и раскаянію, освобождать содержащихся. Во время дороговизны и голода онъ кормилъ народъ и устроилъ богадѣльни для убогихъ. Монархъ былъ съ нимъ въ перепискѣ, и каждую зиму приглашалъ его въ Москву, давая ему новые знаки своего особеннаго благоволенія. Никонъ первый завелъ согласное партесное пѣніе, живописныя иконы; установилъ благолѣпіе, былъ чрезвычайно строгъ къ духовнымъ и взыскателемъ въ исполненіи ихъ обязанностей; службу совершалъ съ отличнымъ благоговѣніемъ; самъ говорилъ проповѣди, на которыя стекалось множество людей, даже изъ дальнихъ приходовъ. Возведеніе его въ патріаршій санъ дало ему возможность повсемѣстно поддерживать между духовными порядокъ и строгостію обуздывать развратныхъ. Наконецъ приступилъ онъ къ исправленію и соглашенію съ греческими церковными нашими книгъ (*) и для со-

(*) Къ сожалѣнію исправленіе церковныхъ книгъ было поводомъ къ основанію секты старообрядцевъ. Патріархъ Іосифъ, предшественникъ Никона, замѣтя, что рукописныя книги, употребляемыя въ церквахъ за недостаткомъ печатныхъ, были наполнены грубыми ошибками, составилъ особенную комиссію для поправленія и перепечатанія ихъ. Но люди, избранные для сего занятія, сколько по суетвѣ, столько и по невѣжеству, а можетъ быть и съ умысломъ, не только не исправили порученныхъ имъ списковъ, но издали ихъ со включеніемъ нелѣпныхъ толкованій. Никонъ, поступивъ въ патріархи, для отвращенія сего зла, приступилъ къ новому исправленію книгъ съ пособіемъ многихъ ученыхъ иноземцевъ, вызванныхъ изъ Греціи и вмѣстѣ съ тѣмъ строго наказалъ прежнихъ поправщиковъ, лишивъ ихъ духовнаго званія и даже выгнавъ ихъ изъ Москвы. Удалясь въ разныя мѣста по деревнямъ, они по злобѣ на Никона начали разглашать, что онъ отступилъ отъ православія, что св. вѣра гибнетъ. Рѣчи ихъ поколебали суетвѣрныхъ людей, отъ чего и возник-

вершенія сего труда созывалъ въ 1654 и 1665 годахъ соборы; въ то же время принималъ попеченіе о переводѣ на славянорусскій языкъ многихъ церковныхъ и гражданскихъ полезныхъ сочиненій. Государь все еще продолжалъ ему оказывать свою милость и довѣріе, которыхъ Никонъ однако же вскорѣ долженъ былъ лишиться. Мы будемъ въ свое время говорить о переворотѣ, который послѣдовалъ въ судьбѣ сего знаменитаго святителя.

Внѣшнія отношенія, по поводу предстоявшихъ затрудненій съ Польшею касательно Малороссіи, обращали особенное вниманіе Царя. Малороссія съ XIV вѣка томилась подъ игомъ польскимъ; въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича бѣдствія ея достигли до высшей степени; дарованныя ей права Стефаномъ Баторіемъ были отняты; жители ея разорены; гонимые за православіе, они принуждаемы были обращаться въ унию. Притѣсненные казаки малороссійскіе, пахотясь въ безпрестанной и часто кровопролитной борьбѣ съ Поляками, еще при Царѣ Михаилѣ Оеодоро-

ла секта старообрядцевъ, отвергающая исправленія Никономъ книги и все, что он вводилъ онъ для благоустройства церкви: живописныя иконы, согласное пѣніе и проч. Въ самомъ началѣ секта сихъ суевѣровъ могла быть уничтожена безъ труда мѣрами кротости; но Никонъ считалъ лучшимъ средствомъ уничтожить ее строгостію, и тѣмъ только увеличилъ число ея упорныхъ и невѣжественныхъ приверженцовъ; даже многіе изъ духовныхъ присоединились къ сему расколу. Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, Соловецкій монастырь, державшійся старообрядскаго ученія, пришелъ въ неповиновеніе къ Патріарху и даже къ самому Государю, и былъ съ трудомъ усмирень голодомъ, выдержавъ долговременную осаду. Старообрядцы наконецъ распространились и въ Москвѣ, особенно между стрѣльцами. Одинъ изъ начальниковъ ихъ, князь Хованскій, о которомъ мы будемъ говорить въ правленіи царевны Софіи Алексѣевны, былъ старовѣръ.

вичѣ искали покровительства Россіи, желая возвратиться подъ ея владычество; но Монархъ этотъ, соболѣзнуя о несчастномъ положеніи своихъ единовѣрцевъ, не хотѣлъ предпринимать новой борьбы съ Польшею послѣ столькихъ испытанныхъ неудачъ. Алексѣй Михайловичъ, болѣе предприимчивый, имѣя главною цѣлію возстановить Россію въ прежнихъ ея предѣлахъ, выжидалъ только случая для исполненія сего намѣренія. Московское царство послѣ Михаила Ѳеодоровича, имѣло время возстановить свои силы, и Царьвидѣлъ возможность предпринять новую борьбу съ Польшею, къ чему скоро представился благопріятный случай. Храбрый гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, неоднократно поражавшій Поляковъ, претерпѣвалъ однако же и самъ неудачи. Видя невозможность спасти Малороссію собственными силами, онъ прибѣгнулъ къ покровительству Царя Алексѣя Михайловича. Ожесточеніе Малороссіи противъ Польши было столь велико, что, въ случаѣ отказа со стороны Россіи, она готова была отдаться Туркамъ. Царь не могъ не согласиться на просьбу малороссійскихъ казаковъ и рѣшился дѣйствовать въ пользу ихъ, употребивъ сперва свое посредничество.

Въ апрѣлѣ 1653 года отправилъ онъ къ Королю Польскому великолѣпное посольство, состоявшее, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, изъ 600 человекъ, и поручилъ посламъ своимъ употребить посредничество между Королемъ и Хмѣльницкимъ; въ то же время приказалъ требовать у Рѣчи Посполитой объясненія, почему она, вопреки договору, заключенному съ Россіею, оставила безъ наказанія тѣхъ изъ польскихъ сановниковъ, которые писали съ явнымъ неуваженіемъ къ двору Московскому.

Пріемъ посольству былъ сдѣланъ великолѣпный, но предлагаемаго отъ Царя посредничества Польское Правительство не приняло и отказало въ наказаніи виновныхъ за оскорбле-

ніе царской особы. По полученіи сего отвѣта, Царь собралъ совѣтъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, и изложивъ настоящее положеніе дѣлъ съ казаками и Польшею, заключилъ, что православная вѣра въ Польшѣ и Литвѣ подвергается истребленію, что исповѣдающіе ее угрожаются гибелью, а потому Богданъ Хмѣльницкій проситъ принять его въ подданство и дать ему вспомогательное войско. Общее согласіе послѣдовало на принятіе Гетмана съ его войскомъ въ подданство. Въ слѣдствіе сего В. В. Бутурлинъ былъ отправленъ въ Малороссію для приведенія всѣхъ къ присягѣ, что храбрые казаки исполняли съ радостію. Царь принялъ на себя титулъ Государя всея Великія и Малыя Россіи и приготовился къ утвержденію за собою оружіемъ сей области. Казимиръ, Король Польскій, узнавъ о подданствѣ Малороссіи Россійскому Царю, объявилъ ему войну.

Алексѣй Михайловичъ, намѣреваясь навести Польшѣ рѣшительный ударъ, собралъ войско въ 200,000 человекъ и принялъ самъ надъ нимъ главное начальство. Выступая въ походъ, русская рать проходила мимо устроенной близъ патриаршаго двора галлерей, гдѣ находились Царь, Царица и Патриархъ Никонъ, кропившіи воиновъ святою водою (1654).

Царь вслѣдъ за войскомъ отправился въ великолѣпной каретѣ, обтянутой алымъ бархатомъ, на верху коей было пять главъ изъ чистаго золота. Одѣяніе кучеровъ и збрюя были тоже бархатныя. За знаменами обыкновенными шел знамя, представлявшее золотого орла, за конемъ шло 6 лошадей, такъ великолѣпно украшенныхъ, что даже ноги были унизаны жемчугомъ. Царь былъ окруженъ 24 гусарами; одѣяніе его было унизано жемчугомъ; на головѣ имѣлъ остроконечную шапку, а въ рукахъ крестъ и золотую державу, покрытую жемчугомъ.

Войско было раздѣлено на четыре части: главныя силы, подъ начальствомъ самого Царя, пошли къ Смоленску; вторая армія, предводительствуемая бояриномъ Шереметевымъ, направилась къ литовско-русскимъ городамъ по Двинѣ; третья армія съ Княземъ Трубецкимъ шла на Могилевъ, а казаки на города сѣверскіе. Блестящій успѣхъ увѣнчалъ дѣйствія царскихъ войскъ: города литовскіе сдавались одинъ за другимъ. Коронный гетманъ Радзвиль, старавшійся удержать стремленіе царскихъ полковъ, былъ два раза разбитъ близъ Орши и Шклова Князьями Трубецкимъ и Черкасскимъ; вся артиллерія и багажъ литовскій достался нашимъ. Атаманъ Золотаренко овладѣлъ Гомелемъ и Быховымъ, и потомъ подошлъ къ Царю подъ Смоленскъ и содѣйствовалъ взятію сего города. Могилевъ, Полоцкъ, Витебскъ съ окрестными городами были взяты Русскими. Къ несчастію, моровая язва, распространившаяся по всему государству, остановила успѣхи нашихъ войскъ. Отъ чумы сей въ Москвѣ одной умерло 20,000 человекъ, и во всей Россіи, какъ полагали, до 800,000. Патріархъ Пѣкопъ, попеченіямъ котораго поручено было въ отсутствіе Монарха царское семейство, вывезъ оное изъ столицы и держалъ въ монастыряхъ. Святитель сей написалъ длинную грамоту къ мірскимъ людямъ, увѣщевая ихъ переносить съ терпѣніемъ сіе бѣдствіе; въ то же время бралъ онъ нужныя мѣры для прекращенія заразы.

Не задолго передъ симъ (1654), послѣдовало первое отправленіе въ Китай, съ которымъ до того всѣ сношенія ограничивались мѣпвою торговлею на границѣ. Царь хотѣлъ имѣть подробное свѣдѣніе о семъ обширномъ государствѣ и для распространенія торговыхъ съ нимъ сношеній отправилъ посломъ боярскаго сына Оедора Ивановича Байкова снабдивъ его подарками для Богдыхана; свита Байкова состояла изъ

100 человекъ. Посольство сіе не имѣло успѣха потому, что посоль не хотѣлъ выполнить тѣхъ унижительныхъ обрядовъ, на которые посланники другихъ державъ соглашались, и выѣхалъ изъ Пекина не отдавъ ни грамоты, ни подарковъ.

Говоря о Китаѣ, нельзя не упомянуть о подвигахъ Ерофея Хабарова при рѣкѣ Амурѣ, происходившихъ года за два до отправленія Байкова. Хабаръ покорилъ всю Даурію, землю плодородія необыкновеннаго. Царь, извѣстясь о семъ, послалъ къ нему съ наградами дворянина Зиновьева, имѣвшаго въ тоже время порученіе узнать о положеніи тамошнихъ дѣлъ. Зиновьевъ, исполнивъ порученіе Государя, отправился съ Хабаровымъ въ Москву, оставя главнымъ начальникомъ надъ землями, при Амурѣ лежащими, казака Онуфрія Степанова. Царь принялъ очень милостиво Хабарова и наградилъ его. Китайское правительство, взправшее съ неудовольствіемъ на побѣды Россіянъ, и опасаясь, чтобы они не распространились далѣе, рѣшилось изгнать ихъ изъ Дауріи. Въ мартѣ 1655 г. подступило подъ Камарекій острогъ 10,000 Китайцевъ съ 15 пушками. У Степанова было только 500 казаковъ, но онъ съ горстью сихъ храбрыхъ воиновъ отразилъ нападеніе трусливыхъ и неопытныхъ въ битвахъ Китайцевъ, которые сами не могли надвинуться, какъ будучи въ такомъ числѣ, не овладѣли Камарскимъ острогомъ. Царь, получивъ извѣстіе о сей необыкновенной побѣдѣ, послалъ Степанову и подчиненнымъ его милостивую грамоту, новопокоренную страну присоединилъ къ Русской Державѣ, и приказалъ послать на Амуръ боярскаго сына Федора Пуцкова, а на Шилку и Аргунь воеводу Пашкова съ тѣмъ, чтобы они, водворясь въ сихъ мѣстахъ, обложили ясакомъ покоренные народы. Пуцковъ водворился въ Тугарскомъ острогѣ, а Пашковъ построилъ Черчинскъ. Въ послѣдствіи Русскіе построили при Амурѣ Албазинскій острогъ.

Съ сего времени начались сношенія съ Китаемъ посредствомъ сибирскихъ начальниковъ. Царь, опасаясь, чтобы Китайцы не сдѣлали нападенія на новыя заселенія наши, отправилъ въ Пекинъ посланникомъ переводчика посольскаго приказа Николая Гавриловича Спафарія, родомъ изъ Молдавіи, человека умнаго и опытнаго, съ большою свитою и подарками къ Богдыхану. Сверхъ порученій, касавшихся до торговли, Спафарію приказано было развѣдать, вѣтъ ли водянаго сообщенія и какъ удобнѣе проѣхать изъ Китая въ Астрахань. Посольство Спафарія не имѣло совершеннаго успѣха, но по благоразумнымъ распоряженіямъ его, Албазинъ остался за нами, потому что онъ запрещаеъ собирать ясакъ съ Тунгусовъ, по рѣкѣ Зеѣ живущимъ, и плавать по Амуру и впадающимъ въ него рѣкамъ.

Царь, послѣ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ Поляками, возвратился въ февралѣ 1655 года въ Москву и имѣлъ торжественную встрѣчу: духовенство и все государственныя чины ожидали его предъ Московскими воротами; купечество московское поднесло ему на пяти серебряныхъ блюдахъ 4000 червонныхъ, 20 вызолоченныхъ бокаловъ, 44 золототканыхъ платковъ, 20 сороковъ соболей и корзину съ хлѣбомъ и солью. Онъ вѣзжалъ въ городъ при пущечной пальбѣ.

Между тѣмъ Польша обратила на себя еще поваго, сильнаго врага, такъ что положеніе ея было совершенно бѣдственное. Янъ Казимиръ, Король Польскій, какъ отрасль знаменитаго дома Густава Вазы, принялъ титулъ Короля Шведскаго. Преемникъ Христины, Шведскій Король Карлъ X, мечтавшій только о славѣ завоевателя, былъ столь раздраженъ симъ поступкомъ, что съ войскомъ своимъ устремился на Польшу, желая покореніемъ оной приобрѣсть господство въ Сѣверной Европѣ. Онъ безъ труда завоевалъ все

польскія области на лѣвомъ берегу Вислы, овладѣлъ Варшавою, Краковомъ и принудилъ Казимира бѣжать въ Сплезію. Курфирстъ Бранденбургскій, которому нестерпимо было получить званіе вассала польскаго, соединилъ свои войска съ шведскими. Поляки, претерпѣвая безпрестанно отъ сихъ войскъ пораженія, предложили Карлу X польскую корону. Въ это время (1655) русскія войска заняли безъ боя Минскъ, Гродно, Ковно, Вильно (*) и почти все Литовское Гняжество, а Хмѣльницкій съ царскимъ воеводою Бутурлинымъ опустошилъ Волинь и Галицію. Янъ Казимиръ, въ отчаянномъ своемъ положеніи, прибѣгнулъ къ великодушію Царя Алексѣя Михайловича и вступилъ съ нимъ въ переговоры о мирѣ. Въ октябрѣ 1656 года, уполномоченные отъ обѣихъ державъ заключили въ Вильнѣ трактатъ, по коему поставлено: 1) Царя Алексѣя Михайловича признать Польскимъ Королемъ при жизни Казимира, по смерти коего вступить ему на польскій престолъ; 2) Малороссію и Бѣлороссію присоединить къ Россійскому государству; 3) исповѣдающимъ Греческую и Римскую вѣру предоставить полную свободу богослуженія; 4) унию уничтожить; 5) Россіи и Польшѣ, до окончательнаго соединенія, не заключать безъ общаго согласія мира и не вступать въ войну съ сосѣдями.

(*) Царь имѣлъ торжественный при лушечной пальбѣ въѣздъ въ Вильну 30 іюля (2 августа) 1655 г. 60 каретъ въѣхало съ Царемъ въ городъ, въ среднѣхъ коняхъ были три кареты, покрытыя голубымъ и краснымъ сукномъ и каждая изъ нихъ запряжена 12 красивыми лошадьми. Царь ѣхалъ въ богатой французской каретѣ, обитой внутри коричневымъ бархатомъ. На Царѣ была высокая шапка, въ девять рядовъ жемчуговъ унизанная. У кареты шло 12 драбантовъ въ коричневыхъ бархатныхъ кафтанахъ съ алыми отворотами; отъ воротъ до дворца дорога была устлана краснымъ сукномъ, а лѣстница такимъ же бархатомъ.

По совершившимся впоследствии событіямъ, договоръ этотъ, такъ сказать, служилъ предвѣстникомъ присоединенія большей части Польши въ позднѣйшія времена къ Россіи. Извѣстно, что Казимиръ, задолго до заключенія сего трактата, видя жалкое положеніе своего отечества, раздираемаго междоусобіями, сказалъ торжественно на Сеймѣ, что Поляки будутъ сами причиною своей гибели и что, рано или поздно, Польша сдѣлается добычею сосѣдей своихъ (*).

Довѣряя сему торжественному договору, Алексѣй Михайловичъ считалъ Польшу присоединенную къ Россіи. Къ тому же, склоняемый коварными убѣжденіями Австріи и Даніи, страшившихся быстрыхъ успѣховъ Карла X и, какъ утверждаютъ, совѣтами Никона, Царь спѣшилъ избавить Польшу отъ Шведскаго Короля. Оставивъ слабые отряды въ Литвѣ, онъ обратилъ главныя силы на Лифляндію, занятую Шведами. Дерптъ, Динабургъ сдались русскимъ войскамъ; держалась одна Рига; но осада сего города стоила дорого: мы потеряли до 14,000 человекъ. Между тѣмъ Курфирстъ Бранденбургскій, которому Казимиръ обѣщалъ полную независимость, примирился съ нимъ и прекратилъ союзъ съ Швеціею; Король Датскій, опасаясь честолюбиваго Карла, объявилъ ему тоже войну. Императоръ Леопольдъ I также объявилъ себя противъ Карла, который, будучи занятъ войною съ Даніею, оставилъ Польшу; такимъ образомъ, она была въ этомъ случаѣ наиболѣе обязана Ца-

(*) Вотъ именно слова Казимира, произнесенныя на сеймѣ 1651 года: «Во время междоусобій, раздѣляющихъ насъ на разныя части, должны мы опасаться вторженія непріятелей и раздробленія республики. Москвитяне—дай Богъ, чтобы я былъ лжепророкомъ!—овладѣютъ одноязычными съ ними народами и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Великая Польша падетъ на часть Бранденбургскаго Дома; при общемъ раздѣлѣ не забудетъ себя и Австрія: ей достанется Краковія, со всеми зависящими отъ нея землями.»

рю Алексѣю Михайловичу спасеніемъ своимъ, который первый отвлекъ отъ нея шведскія силы.

Успѣхи оружія Царя производили радостное впечатлѣніе на единовѣрцевъ его въ сосѣдственныхъ земляхъ. Молдавскій воевода Стефанъ, узнавъ о побѣдахъ московскаго войска, принялъ намѣреніе свергнуть съ себя турецкое иго и войти въ подданство къ Россійскому Монарху. Въ началѣ 1656 года прислалъ онъ въ Москву митрополита Гедеопа и посла Логофета Григорія съ грамотою, засвидѣтельствованною восточными патріархами. Послы сіи *били челомъ тайно, чтобы Государь пожаловалъ призвать на него, Стефана воеводу, своею Государскою милостию*, и принялъ, какъ и Гетмана Богдана Хмѣльницкаго, подъ свое высокое покровительство, *дабы надо всеми православными былъ онъ одинъ благочестивый Государь*. Царь принялъ предложеніе и, по присягѣ пословъ отъ имени молдавскаго народа, была вручена имъ отвѣтная грамота. Неизвѣстно, какое окончаніе имѣло это дѣло.

Около этого времени Царь получилъ пріятное извѣстіе отъ астраханскаго воеводы Князя Иропскаго, что калмыцкіе князья тоже присягнули на подданство Россіи. Такъ счастье благопріятствовало тогда во всехъ отношеніяхъ Алексѣю Михайловичу.

По замиреніи съ Польшею Царь занялся внутренними дѣлами государства. Финансы были въ разстройствѣ. Онъ хотѣлъ сдѣлать заемъ въ Венеціи, но республика сія, озабоченная въ то время войною съ Портою, не удовлетворила его желанію. Государевы совѣтники прибѣгли къ странному средству: пустили въ ходъ мѣдныя деньги одинаковой величины, формы и *цѣльности* съ серебряными. Мѣра сія, употребленная въ дѣйствіе съ 1657 года, имѣла потомъ, какъ мы увидимъ далѣе, пагубныя слѣдствія.

Говоря о 1657 годѣ, нельзя не упомянуть, что онъ ознаменованъ рожденіемъ Царевны Софіи Алексѣевны, въ послѣдствіи правившей Государствомъ, знаменитой умомъ, дарованіями и соперничествомъ съ братомъ своимъ Петромъ Великимъ.

Между тѣмъ Польша, освобожденная отъ Шведовъ, начала возстановлять свои силы. Казимиръ, утомленный несчастными войнами, искренно старался о сохраненіи дружбы съ Царемъ Московскимъ, но Сеймъ, волнемый партіями, рѣшился нарушить Виленскій договоръ, и желая возвратить занятые Русскими области, возобновилъ войну. Это заставило Царя примириться съ Шведскимъ Королемъ: съ нимъ заключенъ перемирный трактатъ 20 декабря 1658 г. въ Веліесарѣ, по коему военныя дѣйствія съ Швеціею прекращены на 3 года; Россія предоставлено удержать завоеванные въ Лифляндіи города до заключенія окончательнаго мира. Вслѣдъ за симъ послѣдовалъ разрывъ съ Польшею, и началась утомительная семилѣтняя война, по большей части неудачная для Царя, которой главнымъ предметомъ была Малороссія, лишившаяся вкорѣ послѣ Виленскаго договора своего гетмана и избавителя Богдана Хмѣльницкаго и съ тѣхъ поръ раздражаемая партіями. Главнымъ поводомъ споровъ и волненій сей земли было гетманское достоинство, получившее со времени Хмѣльницкаго несравненно болѣе вѣса чѣмъ до него, ибо Гетманъ, управляя Малороссіею самовластно, могъ пріобрѣсть великія богатства и сносился непосредственно съ сосѣдними государствами. Избраніе гетмана зависѣло отъ казаковъ; искателей было множество, они рѣзались между собой и передавались то Россіи, то Польшѣ, не дорожа благомъ своего отечества и слѣдуя единственно видамъ честолюбія и корысти. Нѣкоторые изъ нихъ мечтали и о самобытномъ существованіи Малороссіи въ видѣ госу-

дарства независимаго. За Днѣпромъ являлся обыкновенно другой гетманъ, покровительствуемый Польшею, и пачиналась кровавая борьба. Гетманъ, утвержденный Русскимъ Царемъ, чтобы одолѣть соперника своего, передавался Полякамъ, а противникъ его, оставленный ими, объявлялъ себя подданнымъ Россіи и находилъ усердныхъ себѣ приверженцевъ, ибо всѣ обитатели Малороссіи желали одного—быть подъ покровительствомъ Православнаго Царя. Въ теченіе пяти лѣтъ съ кончины Хмѣльницкаго являлось въ Малороссіи 12 гетмановъ; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны Брюховецкій, бывший на сторонѣ Россіи, и Дорошенко, начальствовавшій на правой сторонѣ Днѣпра, въ зависмости отъ Польши.

Такимъ образомъ Малороссія, переходя безпрестанно отъ Россіи къ Польшѣ и обратно, была главнымъ поводомъ новой войны съ Польшею, начавшейся въ концѣ лѣта 1658 года. Въ первые четыре года сей борьбы перевѣсъ былъ на сторонѣ Поляковъ, которые всегда находили союзниковъ въ Крымскихъ Татарахъ. Русскія войска претерпѣвали частыя пораженія, происходившія по большей части отъ споровъ по мѣстничеству между ихъ начальниками. Виговскій, пользуясь несогласіемъ Князя Трубецкаго съ Ромодановскимъ, разбилъ перваго подъ Конотопомъ, а втораго подъ Нѣжинымъ. Замѣчательнъ подвигъ Князя Гагарина въ началѣ 1662 года. Поляки, Татары и казаки напали на русскіе предѣлы. Первые имѣли большой успѣхъ, взяли 14,000 Русскихъ въ плѣнъ, но отдали ихъ Крымскимъ Татарамъ. Несчастные сіи томплись бы въ жестокомъ положеніи, еслибъ не были спасены храбрымъ военачальникомъ Княземъ Гагаринымъ. Онъ напалъ на Татаръ, разбилъ ихъ на-голову, взялъ въ плѣнъ начальника ихъ и освободилъ помянутыхъ 14,000 соотечественниковъ. Чарнецкій, отличный полководецъ, разбилъ

Хованскаго близъ Слонима, потомъ Долгорукова, очистилъ всю Литву, кромѣ Вильны, которая, желая принадлежать Алексѣю Михайловичу, отразила самого Короля (*).—Шереметевъ, окруженный Любомирскимъ, Потоцкимъ и 30,000 Татаръ, подъ Чудновымъ въ Волинѣ потерпѣлъ сильное пораженіе и положилъ оружіе; къ сему несчастію присоединилась измѣна Юрія Хмѣльницкаго, предавшаго Малороссію Полякамъ, которые, за исключеніемъ Кіева и Чернигова, овладѣли опять всеми городами, покоренными войсками Алексѣя Михайловича. Потеря Русскихъ въ первые четыре года сей войны была столь значительна, что Государь для устремленія всѣхъ силъ своихъ на Польшу прекратилъ, съ большими пожертвованіями, споры съ Швеціею и догово-

(*) Потомъ Казимиръ опять подступилъ къ Вильнѣ, гдѣ начальствовалъ царскими войсками Кн. Данило Якимовичъ Мазовскій. Сей неустрашимый начальникъ, видя, что не будетъ въ состояніи бороться съ непріателемъ, превосходившимъ его въ числѣ, послалъ сказать Королю, что онъ сдастъ крѣпость, если ему дозволенъ будетъ свободный выпускъ съ оружіемъ и имуществомъ, а въ противномъ случаѣ взорветъ крѣпость и себя на воздухъ. Король отвѣчалъ съ презрѣніемъ и приказалъ продолжать осаду. Лѣтописцы утверждаютъ, что Мазовскій непремѣнно бы исполнилъ свое намѣреніе, но не былъ любимъ гражданами, изъ коихъ болѣе 150 чело-вѣкъ казнилъ; иностранцы офицеры тоже не согласились на взрывъ и связали Мазовскаго. Шотландецъ, находившійся полковникомъ въ службѣ царской, послалъ сказать Королю, что все находящіяся въ крѣпости предадутъ себя въ его власть. Казимиръ, вступивъ въ Вильну, приказалъ отрубить голову Мазовскому: палача не нашлось; должность его согласился исполнить поваръ Мазовскаго, который пятымъ ударомъ отдѣлилъ голову своего господина. Мазовскаго обвиняютъ въ жестокости и говорятъ, что онъ, усумнясь въ одномъ католическомъ священникѣ, приказалъ его положить въ мортиру и послалъ сей выстрѣлъ къ Полякамъ.

ромъ въ Кардисѣ 21 июня 1661 года уступилъ все города, коими владѣлъ по трактату, заключенному при Веліесарѣ.

Среди заботъ неудачной войны, Царь былъ обрадованъ рожденіемъ сына Оеодора Алексѣевича, который въ послѣдствіи былъ преемникомъ родителя своего и мудрымъ правленіемъ оправдалъ его надежды (*),

(*) До Оеодора Алексѣевича было у Царя Алексѣя Михайловича два сына: Дмитрій, родившійся 1649 въ октябрѣ, скончался того же года и мѣсяца, и Алексѣй, родившійся 1654, скончался 1670 г. См. Родословную таблицу.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Отмѣненіе мѣдной монеты. — Англійскій посолъ Кармилъ въ Москвѣ — Разстройство Польши. — Успѣхи царскаго оружія. — Малороссійскія дѣла. — Дорошенко. — Миръ съ Польшею, въ Андрусовѣ заключенный. — Низложеніе Патріарха Никона. — Малороссійскія дѣла — Стенька Разинъ. — Кончина первой супруги Царя. — Второй его бракъ. — Царь принимаетъ въ подданство всю Малороссію. — Болѣзнь и кончина Царя.

1661—1676.

Истощеніе государственной казны затрудняло чрезвычайнѣе Государя въ военныхъ дѣйствіяхъ. Мы упоминали уже, что царскіе совѣтники придумали пустить въ ходъ мѣдные деньги одной формы и цѣнности съ серебряными. Года два эта новая монета держалась въ цѣнѣ, но потомъ народъ, замѣтивъ, что серебряная монета исчезаетъ изъ обращенія, началъ подозрѣвать, что корыстолюбивые люди скупаютъ ее въ свою пользу; курсъ на сію монету такъ повзвился, что 12 и 15 мѣдныхъ рублей давали за одинъ рубль серебряный. Естественно, въ соразмѣрности возвысился и цѣны на жизненные припасы; возникъ сильный ропотъ, а потомъ, въ іюнь 1662 года, ужасный мятежъ. Буйная чернь броси-

лась къ дворцу. Царь и бояре уѣхали заблаговременно въ село Коломенское. Мятежники собрались и туда. Царь поступилъ съ надлежащею твердостью: по приказанію его тотчасъ явились нѣмецкіе солдаты и стрѣльцы тѣлохранительнаго корпуса и начали дѣйствовать оружіемъ. 4000 бунтовщиковъ положено на мѣстѣ; большая часть остальныхъ съ зачинщиками были схвачены и закованы. Возвратясь въ Москву, Царь приказалъ произвести слѣдствіе надъ преступниками: 2000 человекъ были четвертованы, колесованы и повѣшены. Остальные получили достойное наказаніе. Отмѣненіе мѣдной монеты, послѣдовавшее въ іюнѣ 1663 года, разорило много семействъ.

Около этого времени, Царь, извѣстясь о кончинѣ Кромвеля и о вступленіи на престолъ Карла II, отправилъ къ нему посольство съ поздравленіемъ. Послы наши были: Князь Петръ Семеновичъ Прозоровскій, А. Л. Ординъ-Нащокинъ и дьякъ Алмазъ Пяповъ. Исправивъ данныя имъ порученія въ Курляндіи, Пруссіи, Даніи и Голландіи, они пріѣхали въ Лондонъ и были тамъ приняты съ большею почестью. Карлъ II, признательный къ вниманію Царя Алексѣя Михайловича, отправилъ въ Россію Графа Карлеля, поручивъ ему въ то же время стараться о возвращеніи проживающихъ въ Россіи Англичанамъ прежнихъ правъ въ торговлѣ; но домогательства англійскаго посла по сему предмету не имѣли успѣха (*).

(*) Мы помѣстимъ здѣсь весьма любопытныя подробности о пріѣздѣ и пребываніи Графа Карлеля въ Москвѣ, заимствованныя изъ книги: *Relation de trois ambassades de M-r. le Comte de Carlile etc.* Amsterdam 1672:

«Графъ Карлель отправился изъ Лондона на 50-пушечномъ кораблѣ съ женою, 17 лѣтнимъ сыномъ и сестрою, состоявшею изъ 80 человекъ, въ числѣ коихъ было 16 дворянъ, 6 пажей, 7 женщинъ,

Хотя внутреннее изнеможеніе Россіи отъ долговременной борьбы съ Польшею много препятствовало Царю въ военныхъ дѣйствіяхъ, по сама Польша несравненно болѣе изне-

священникъ, переводчикъ, нѣсколько художниковъ и хоръ музыкантовъ. Подарки и карета съ 8 лошадыи были отправлены впередъ на купеческомъ суднѣ. Въ августѣ 1663 г. Гр. Карлиль прибылъ въ Архангельскъ и въ тотъ же день произошелъ у него споръ съ прпставомъ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ, потому что послѣдній пошелъ по правую руку посла. Карлиль послалъ жалобу къ воеводѣ и ждалъ на мосту полчаса, до тѣхъ поръ, пока приставу приказано было идти по лѣвую руку. Въ сентябрѣ посолье отправился водою; но былъ недоволенъ медленностію пути, ибо бичевую тянули не лошади, а люди. Пностранецъ, описывающій сіе путешествіе, нѣкто Г. М. Т., хвалитъ убранство каютокъ и избытокъ пищи. Во время сего пути посетила супругу посла жена Милославскаго, великолѣпно одѣтая и сильно наруганная. Графиня Карлиль отплатила визитъ черезъ три дня; ее приняли съ особеннымъ уваженіемъ и при отѣздѣ подарили вышитыми платками. Г. М. Т. говоритъ, что русскія барыни искусны въ шитьѣ и занимаются онымъ гораздо болѣе чѣмъ хозяйствомъ. Пробывъ въ Вологдѣ три мѣсяца, Карлиль выѣхалъ оттуда 6 февраля 1664 г. на 140 саняхъ.— Въѣздъ его въ Москву былъ пышный: впереди ѣхали трубачи съ серебряными трубами, потомъ русскіе дворяне и пристава, посоль въ саняхъ, а супруга его въ великолѣпной каретѣ. Ливрея служителей была такъ богата, что каждый кафтанъ стоилъ 30 фунтовъ стерлинговъ или 130 рейхсталеровъ. Царскія войска стояли по обѣимъ сторонамъ дороги. Всего болѣе удивило Англичанъ множество бояръ и стольниковъ въ весьма богатыхъ парчевыхъ одеждахъ. Они были верхами и имѣли на головѣ высокія шапки изъ черныхъ лисицъ.

Въ среднѣ города посоль былъ встрѣченъ думными дворянами Иваномъ Аонасьевичемъ Прончищевымъ и Федоромъ Космичемъ Елизаровымъ, которые извѣстили его, что присланы отъ Царя въ пристава и требовали, чтобъ онъ вышелъ изъ саней для выслушанія привѣтствія. Это произвело споръ: посоль не соглашался, а Прончищевъ не уступалъ. Наконецъ рѣшено, чтобъ оба выѣзли

могала какъ отъ войны, такъ и отъ неустройства и междоусобій, се раздравшихъ; это обстоятельство много способствовало Царю къ окончанію выгоднымъ образомъ войны за

въ одно время, но Г. М. Т. жалуется въ своемъ описаніи, что Прончищевъ вписѣлъ на рукахъ служителей своихъ и коснулся земли послѣ Карлиля. Когда мы вѣхали въ Кремль, говоритъ Г. М. Т., то всѣ трубачи собрались въ кучу, произвели такой непріятный шумъ, что его можно сравнить только съ крикомъ римскихъ гусей, когда Галлы осаждали Капитолій. Посольство было помѣщено въ весьма просторную квартиру со сводами, въ которой окна имѣли желѣзныя ставни. Содержаніе было чрезвычайно хорошее, стоившее ежедневно 100 рейхсталеровъ.

Въ день аудіенціи, посолъ поѣхалъ во дворецъ со свитою въ 130 саняхъ, изъ коихъ 60 были заняты подарками; ибо, кромѣ часовъ, серебряной посуды, тканей, ружей, сабель и пистолетовъ, было много свинцу и олова въ слиткахъ. При входѣ въ комнаты требовали у Англичанъ шпаги ихъ; Карлиль, вѣроятно предваренный о семъ, былъ, равно какъ и сынъ его, безъ шпагъ. Г. М. Т. удивляется великолѣнію двора нашего и говоритъ, что подобнаго нельзя видѣть ни въ какомъ государствѣ. Тронъ, говоритъ онъ, весь серебряный, мѣстамъ вызолоченъ и украшенъ драгоценными камнями и жемчугомъ. Царь сидѣлъ въ коронѣ; держалъ въ рукѣ скипетръ и имѣлъ ожерелье изъ драгоценныхъ камней. Подобными же камнями была унизана вся его одежда. Царь, продолжаетъ онъ, имѣетъ взоръ величественный, станъ красивый, бороду окладистую, волосы обстриженные въ кружокъ весьма высоко, такъ что уши совершенно видны. Около стѣны сидѣло болѣе 200 бояръ въ парчевыхъ серебряныхъ и золотыхъ одеждахъ. Карлиль прочелъ предлинную, напыщенную рѣчь, въ которой благодарилъ Царя Алексѣя Михайловича за денежное пособіе Королю его и извѣщалъ, что онъ привезъ долгъ сей. Описывая силу и могущество Англіи, онъ сказалъ, что океанъ служитъ ей мостомъ и что хотя Алжирцы разоряютъ англійскую торговлю, но Карль II пріобрѣлъ многія земли въ Индіи и Америкѣ. По окончаніи рѣчи цѣловалъ онъ и свита его Цареву руку, поддерживаемую бояриномъ. Почести сію, говоритъ Г. М. Т., оказываютъ только посламъ христіанскихъ державъ. По

Малороссію. Послѣ четырехлѣтнихъ успѣховъ Польша утратила пріобрѣтенный ею перевѣсъ; совѣщанія сейма обратились въ бурныя собранія; необузданное своеволие магнатовъ

возвращеніи посла на квартиру, принесли ему обѣдъ на 100 блюдахъ. За столъ сѣли съ нимъ приставы, которые предлагали тосты по запискѣ, отъ Царя присланной. Г. М. Т. говоритъ, что у Царя два дворца, одинъ каменный, выстроенный по италіянской архитектурѣ, а другой деревянный, въ которомъ онъ обыкновенно имѣетъ пребываніе. Пностранцевъ много въ Москвѣ и они пользуются совершенною свободою. Графу Карлилю ставили ежедневно почетный караулъ, и никому изъ свиты его не дозволяли ходить по городу иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ стрѣльцовъ. Черезъ нѣсколько дней Карлиль былъ приглашенъ къ обѣду во дворецъ. Когда онъ съ свитой вошелъ въ залу, Царь сѣлъ на тронѣ въ высокой шапкѣ. Посолъ поклонился ему, а онъ, не снимая шапки, кивнулъ только головою. Но когда посолъ со свитою сѣли, то Царь снялъ шапку. Предъ трономъ стоялъ столъ для царскаго обѣда; по правую, другой для бояръ, а по лѣвую, въ отдаленіи, для свиты; Карлиль сѣлъ весьма обдѣлся, но приставы объяснили ему, что за столомъ по правой рукѣ сѣдали не бояре, а царевичи, которые всегда имѣютъ преимущество предъ послами и боярами. Г. М. Т. хвалитъ кушанье; подавали икру, пироги, супы, вареныхъ и жареныхъ рыбъ. Мяса не было потому, что день сей былъ постный. Пить подавали водку, греческія и пенанскія вина, медъ и пиво. Пить не принуждали, а напоминали только изрѣдка: *пейте за здоровье Царя*. Передъ окончаніемъ стола, Царь подозвалъ къ себѣ Карлиля и выпилъ съ нимъ нѣсколько стакановъ вина за здравіе Карла II и въ память родителя его, мученика Карла I. — Обѣдъ продолжался съ полудня до 9 часовъ вечера. Зала была великолѣпно освѣщена множествомъ восковыхъ свѣчъ. Домой воротилось посольство въ 11 часовъ ночи.

Карлиль просилъ позволенія поклониться Царицѣ, Царевнамъ и Царевичамъ; но ему въ томъ отказали. Когда онъ возразилъ, что Ки. Прозоровскій былъ у Королевы; ему отвѣчали: у насъ такого обычая нѣтъ. Карлиль хотѣлъ говорить съ Царемъ; ему сказали, что на сей предметъ назначена особенная коммиссія. Посолъ явился

дошли до высшей степени. Янъ Казимиръ, государь добрый, проныцательный и мужественный, былъ уже въ невозможности помочь своему государству, терзаемому распрями.

въ Думу и просилъ о возвращеніи Англичанамъ прежнихъ правъ. Бояре отвѣчали, что по нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ, когда деньги очень нужны, этого сдѣлать невозможно, ибо Царь будетъ просить у Карла II три милліона талеровъ въ долгъ. Карлиль возразилъ, что, даровавъ единожды права англійскимъ купцамъ, несправедливо ихъ лишить сего. Бояре отвѣчали, что они лишены сихъ правъ за разные подлоги, и что тѣ лица, которымъ дарованы были преимущества, уже давно умерли; а нынѣшніе не имѣютъ никакихъ правъ на такое требованіе. Къ тому же, ежели имъ даровать сіи преимущества, то обидятся купцы прочихъ державъ. Карлиль сильно противъ сего спорилъ и говорилъ, что англійскихъ купцовъ обижали придворные служители, ибо не всегда принимали всѣ требованные товары, а которые и брали, то деньги за оные нельзя было получить безъ подарковъ. Карлиль также напоминалъ, что въ 1661 г. Король позволилъ присланному отъ Царя собрать въ Англію 3000 войска и старался склонить къ миру воюющія противъ Россіи державы. При семъ также напоминалъ онъ о денежныхъ ссудахъ и помощи войскамъ, оказанныхъ Англіею еще Михаилу Ѳеодоровичу. Думный дворянинъ И. А. Прончищевъ, досадуя на настоятельныя домогательства Карлиля о купцахъ, сказалъ ему: «Мнѣ весьма мудрено кажется, что вы, какъ посолъ Карла II, не хотите говорить о дѣлахъ монарха вашего, а хлопочете весьма некстати о купцахъ, какъ будто ихъ повѣренный. Если Царь сіе узнаетъ, то отошлетъ васъ безъ всякой почести и будетъ жаловаться Англійскому Королю.» Карлиль взбѣсился, вышелъ изъ собранія и написалъ Царю, чтобъ онъ не вѣрилъ извѣстамъ Прончищева, взыскалъ бы съ него за оскорбительныя изреченія противъ Короля сего и собственно противъ него. Царь отослалъ письмо Карлиля въ Думу, чтобы она отвѣчала на оное. Дума оправдала Прончищева, и наконецъ добилась отъ Карлиля, что онъ недавно получилъ дозволеніе отъ Короля быть посредникомъ при мирныхъ переговорахъ Россіи съ Польшею. Бояре охотно приняли это посредничество, но Карлиль присовокупилъ, что къ оному можетъ онъ приступить тогда,

Диссиденты претерпѣвали ужасное гоненіе. Послѣ величайшихъ усилій со стороны Короля, Поляки съ трудомъ составили войско, которое выступя, грозило сокрушить Россію, но едва перешло Днѣпръ, подъ предлогомъ неуплаты

когда все требованія Англійскаго Короля удовлетворятся. Вмѣстѣ съ сямъ Карлиль просилъ отпускну аудіенціи и написалъ Царю письмо, въ которомъ изъяснилъ, что какъ посольство его не имѣло желаемого успѣха, то онъ проситъ позволеніе поклониться еще разъ Царю и скорѣе выѣхать, что послѣдняя его просьба передъ отъѣздомъ будетъ состоять въ томъ, чтобы Царь дозволилъ также выѣхать изъ Россіи всемъ прочимъ подданнымъ англійскимъ, когда они окончатъ дѣла свои и возложенныя на нихъ порученія, и чтобы имъ оказана была скорѣйшая справедливость, что доселѣ *не всегда бывало*. Кроткій Царь, не смотря на такое окончаніе сего письма, принялъ Карлиля, вручилъ ему отвѣтную грамоту, объяснилъ невозможность удовлетворить требованія Короля и, допустивъ къ рукѣ своей, препроводилъ съ честію и прислалъ великолѣпный обѣдъ. На другой день думный дякъ Голосовъ привезъ послу царскіе подарки. Карлиль имѣлъ дерзость отказать ихъ. Голосовъ ужаснулся, потомъ съ ужаснымъ гнѣвомъ билъ себя рукою по брюху и вскричалъ: «Это безпримѣрное оскорбленіе! Государь накажетъ за немовѣрную дерзость твою!» Царь, узнавъ о семъ, собралъ совѣтъ, который опредѣлилъ послать къ Карлилю околыничаго Волинскаго съ вопросомъ, почему не принялъ онъ подарковъ. Вѣроятно посолъ испугался сего вопроса, пбо отвѣчалъ, что подарковъ не принялъ потому, что посольство его было неуспѣшно; но если бы Царю угодно было пожаловать ему личный подарокъ, то онъ приметъ его знакомъ величайшаго благоволенія и прикажетъ сохранять на вѣчныя времена всему роду своему. Царь Алексѣй Михайловичъ по чрезмѣрному снисхожденію послалъ подарокъ послу, но въ то же время отправилъ къ Королю Карлу II съ стряпчимъ Михайломъ Головиннымъ письмо, въ которомъ жаловался на поступки Карлиля. Неизвѣстно, что Король отвѣчалъ Царю Алексѣю Михайловичу, но отъ сего времени видна холодность между обѣими державами. Голландскіе купцы восторжествовали; начали исправлять все военныя надобности нанимать и доставляли къ двору напитки и прочіе принасы.

жалованья, оставило Короля и возвратилось по домамъ. Любомырскій началъ открытую войну съ Казимиромъ; разбилъ его войско и надѣлалъ ему столько хлопотъ, что Король не могъ заняться Малороссіею.

Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Польши, Царь дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ: полки его опять овладѣли Витебскомъ, Динабургомъ и малороссійскими городами на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ новый гетманъ Брюховецкій призналъ себя безусловно подданнымъ Московскаго Царя. Обстоятельства были столь благопріятны Алексѣю Михайловичу, что онъ могъ бы нанести рѣшительный ударъ Польшѣ и возвратитъ себѣ все Литовское Княжество, еслибъ не былъ отвлеченъ въ это время дѣломъ Патріарха Никона, о которомъ мы будемъ скоро говорить.

Впрочемъ Поляки, при чрезвычайномъ разстройствѣ своей земли, вели войну слабо, предлагая неоднократно миръ. Три года длились переговоры и вѣроятно продолжался бы еще долѣе, если бы не ускорило окончаніе ихъ вмѣшательство Турціи въ дѣла Малороссіи, — вмѣшательство, происшедшее отъ безразсуднаго честолюбія Дорошенки. Малороссія раздѣлялась на двѣ части: по лѣвую сторону Днѣпра имѣла она гетманомъ Брюховецкаго и находилась въ подданствѣ Россіи; по правой же сторонѣ завѣдѣла отъ Польши и избрала гетманомъ себѣ чигиринскаго казака Петра Дорошенку. Оба гетмана сіи по обыкновенію были въ непримиримой враждѣ, желая одолѣть другъ друга. Брюховецкій, полагая всю надежду на Россію, угождалъ Московскому Двору, принималъ санъ боярскій, женился на дочери Шереметева и согласился, чтобы на казаковъ была наложена царскими начальниками поголовная подать. Дорошенко имѣлъ пную цѣль: безразсудно мечтая о возможности самобытнаго состоянія Малороссіи въ видѣ государства, независимаго ни отъ

Россіи, ни отъ Польши, онъ взволновалъ сей мечтою умы казаковъ. Мужественный въ бояхъ, съ увлекательнымъ даромъ слова, онъ умѣлъ внушить казакамъ привязанность къ себѣ и имѣлъ сильное на нихъ вліяніе. По намѣреніемъ своимъ обратить Малороссію въ отдѣльное независимое государство онъ естественно вооружилъ противъ себя и Россію и Польшу. Для достиженія своей цѣли онъ обратился къ Султану съ просьбою принять подъ свое покровительство Малороссію. Султанъ хотя и былъ занятъ въ то время войною въ Кандіи, но обѣщалъ прислать войско. Переговоры Дорошенко сдѣлались извѣстными Дворамъ Московскому и Варшавскому. Казимиръ, видя предстоящую войну съ Портою и не имѣя надежды удержать Малороссію, сдѣлалъ примириться съ Царемъ; въ слѣдствіе чего между Россією и Польшею былъ заключенъ договоръ въ Андрусовѣ 30 января 1667 года. Съ нашей стороны уполномоченными были: Аонасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ (*) и дворянинъ Богданъ Павловичъ Нащокинъ. Статьи договора были слѣдующія: 1) прекратить непріязненные дѣйствія на 13 лѣтъ 6 мѣсяцевъ, а между тѣмъ условиться о вѣчномъ мирѣ;

(*) Аонасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ былъ одинъ изъ замѣчательныхъ сановниковъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ управлялъ ливонскими городами, которые по договору, заключенному со Шведами въ Веліесарѣ въ 1658 году, находились во власти Россіи, и оставилъ тамъ по себѣ память благотѣльнаго начальника; онъ исходатайствовалъ у Царя Ливонцамъ особенныя преимущества; былъ употребленъ Государемъ въ важнѣйшихъ дипломатическихъ дѣлахъ, объѣхалъ большую часть Европы и обогатилъ умъ свой полезными свѣдѣніями. Царь, уважая его заслуги, возвелъ его въ боярское званіе, щедро наградилъ и опредѣлилъ начальникомъ Посольскаго Приказа и хранителемъ большой царственной печати. Въ 1672 году А. Л. Ординъ-Нащокинъ сложилъ съ себя бремя государственныхъ дѣлъ и постригся въ монахи.

2) Смоленску и Сѣверскому Княжеству остаться за Россією; 3) Полоцкъ, Витебскъ и города Южной Лифляндіи, занятые русскими войсками, возвратитъ Польшѣ; 4) Малороссію раздѣлить на двѣ части: по лѣвой сторонѣ Днѣпра принадлежать Россіи, а по правой Польшѣ; 5) Кіевъ возвратитъ Польшѣ черезъ два года (*); 6) Запорожцамъ состоять подъ покровительствомъ обѣихъ державъ съ обязанностію оберегать предѣлы ихъ отъ Татаръ и Турокъ.

Прекращеніе войны съ Польшею дало болѣе возможности Царю заняться внутренними дѣлами, требовавшими его вниманія. Изъ нихъ особенно причинило ему много безпокойствъ дѣло Патріарха Никона, о которомъ мы будемъ говорить теперь.

Уже нѣсколько лѣтъ какъ Царь, прежде столь милостивый къ сему пастырю, началъ къ нему охлаждаться вслѣдствіе его неуступчиваго характера. Чрезвычайная довѣренность, коей пользовался Никонъ отъ Монарха, должна была породить зависть въ царедворцахъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ надъ ними даже нѣкоторую власть; крутой его нравъ и взыскательность раздражили ихъ еще болѣе. По отмынной благосклонности, которую Царь прежде ему оказывалъ, Никонъ, охотно удовлетворяя побужденію своего честолюбія, имѣлъ вліяніе въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Царь любилъ его какъ друга и слѣдовалъ его совѣтамъ. Утверждаютъ, что война съ Швеціею, столь невыгодная

(*) По истеченіи двухъ лѣтъ Царь уклонялся отъ возвращенія Кіева, потому что Польша не выполняла нѣкоторыхъ условій Андрусовскаго трактата. Въ 1672 г. заключенъ новый договоръ съ Польшею; по которому постановлено, чтобы Кіевъ остался до времени въ російскомъ владѣніи. Окончательное же утвержденіе сего города за Россією въ 1686 г. послѣдовало въ правленіе Царевны Софіи Алексѣевны.

для Россіи, была предпринята по настоянію Никона, и что вскорѣ послѣ того расположеніе Государя къ нему измѣнилось. Многочисленные враги Патріарха, пользуясь его своеправіемъ, стали тогда еще смѣлѣе дѣйствовать противъ него, дѣлали ему непріятности и раздражали его. Сановники роптали на свое подчиненіе ему и оказывали ему грубое непослушаніе (*). Такимъ образомъ постепенно готовилось паденіе Никона. Ничтожный случай далъ поводъ къ явному у него разрыву съ Царемъ.—1658 года іюня 4-го Грузинскій Царь Теймуразъ былъ угощаемъ при Дворѣ. Патріархъ, обыкновенно приглашаемый на торжественные при Дворѣ обѣды, на этотъ разъ не былъ званъ. Онъ послалъ узнать причину этого. Окопичій Хитровъ, исправлявшій должность стольника придворнаго или гофмаршала, выгналъ палкою посланнаго отъ Никона; Патріархъ требовалъ удовлетворенія и, забывъ приличіе, грозилъ отмстить такимъ же поступкомъ. Царь написалъ ему собственноручное письмо, въ которомъ обѣщалъ рассмотреть это дѣло и съ нимъ переговоры. Никонъ, дождавъ съ недѣлю, разгнѣвался. Іюня 8-го, въ торжественный день, онъ дождалъ въ церковъ выхода царскаго; но Алексѣй Михайловичъ, противъ обыкновенія своего, не пришелъ и велѣлъ ему себя не дожидать. 10-го числа послѣдовало тоже. Тогда Никонъ, принявъ это за явный знакъ неблаговоленія царскаго, поставилъ жезлъ свой въ алтарь и объявилъ всенародно, что онъ оставляетъ патріаршій престолъ. Обстоятельство это привело множество народа въ храмъ, такъ что боялись наруше-

(*) Бояринъ Стрѣшневъ прозвалъ собаку свою Никономъ и выучилъ ее, становясь на заднія лапы, передними остигать по патріарши. Смори Словарь Истор. Преосвященнаго Евгенія. Часть II, стр. 497.

нія общаго спокойствія. Царь, извѣстясь о семъ, послалъ Князя А. Н. Трубецкаго къ Никону, узнать о причинѣ такого поступка. Трубецкой, прибывъ въ храмъ, нашелъ Никона, сидящаго на нижней ступени своего мѣста въ черномъ клобукѣ съ пятами въ рукахъ; онъ отвѣчалъ Трубецкому, что просить только Государя отпустить его въ какойнибудь монастырь. Трубецкой явился во второй разъ отъ Царя и спросилъ не имѣетъ ли онъ какого неудовольствія на Государя. Никонъ отвѣчалъ: никакого, а оставляетъ престолъ свой, ибо ради многихъ грѣховъ его *были здѣсь моры и войны*. Трубецкой пріѣхалъ къ нему въ третій разъ и сказалъ: Государь позволяетъ тебѣ выбрать какой хочешь монастырь. Замѣчательно, что во все это время не выходилъ народъ изъ храма, и когда Никонъ, сѣвъ въ колесницу, отправился на свое подворье, то народъ отпрягъ лошадей и потащилъ ее на себѣ. Мудрено ли, что дѣло это беспокоило Царя?

Три дня послѣ того Никонъ удалился въ Воскресенскій монастырь, позволивъ себѣ выразить досаду свою на Государя. Рѣчи его были доведены до свѣдѣнія Алексѣя Михайловича. Никонъ потомъ написалъ оскорбительное для Царя письмо къ греческимъ патріархамъ; письмо это было перехвачено. Нѣтъ сомнѣнія, что смиреніемъ и кротостію Никонъ могъ бы возвратить себѣ милость Государя, снисходительнаго и добросердечнаго, столь много прежде ему благодѣтельствовавшаго; но Никонъ, напротивъ того, проживая въ Воскресенскомъ монастырѣ, не смирился духомъ, поступалъ высокомерно и торжественно проклиналъ своихъ враговъ. Значеніе и вліяніе его на народъ было сильно; Царь спѣшилъ прекратить сіе непріятное дѣло и приказалъ въ 1654 г. созвать соборъ, которому изложили поступки Никона, съ требованіемъ отрѣшить его отъ патріаршества. Но

соборъ, потому ли что Никонъ имѣлъ много приверженцевъ и устрашалъ упорнымъ своимъ характеромъ, или по другимъ какимъ причинамъ, отвѣчалъ, что безъ восточныхъ патріарховъ онъ не можетъ приступить къ сужденію Никона. Не смотря на это, однако же, Царь препоручилъ всѣ патріаршія дѣла Крушицкому Митрополиту Питириму, который, безъ сомнѣнія по волѣ Алексея Михайловича, пересталъ и въ ектеніяхъ при служеніи поминать Никона. Чтобы скорѣе окончить это непріятное дѣло, Царь приказалъ составить 25 вопросовъ о власти царской, патріаршей и правлахъ, по которымъ патріархъ можетъ быть судимъ и низложенъ; вопросы сіи были отправлены къ Вселепскимъ патріархамъ, которые изъяснили, въ пространномъ отвѣтѣ, что Царь есть глава церкви, что патріархъ долженъ ему повиноваться и можетъ быть судимъ и низложенъ отъ епископовъ и митрополитовъ. Но всѣ сіи мѣры были бесполезны: раздраженный Никонъ не признавалъ себя виновнымъ и не хотѣлъ примѣнять къ себѣ отвѣтовъ восточныхъ патріарховъ. Не предвидя конца сей распри, Царь вынужденъ былъ звать самихъ восточныхъ патріарховъ въ Москву на соборъ. Въ ноябрѣ 1667 г. прибыли двое изъ нихъ—Александрійскій Паисій и Антіохійскій Макарій, и вмѣстѣ всѣхъ патріарховъ, вмѣстѣ съ русскимъ духовенствомъ, открыли соборный судъ надъ Никонѣмъ. Декабря 1-го явился Никонъ въ соборъ, предшествуемый крестомъ, прочиталъ: «*Достойно есть*» и, сотворя отпущекъ, поклонился всѣмъ присутствующимъ по обычаю. Царь, сяди на престолѣ, пригласилъ Никона сѣсть и указалъ ему мѣсто; но Никонъ, считая оное неприличнымъ званію его,—пбо оно было безъ возглавія и подножія,—отвѣчалъ: «*Благочестивый Царю, не вдалъ я твоего намѣренія, мѣстася собою, на чемъ сидѣти, не припасохъ, а которое здѣ наше мѣсто и есть, и*

то занято.» Произнеся сіи слова, сталъ онъ предъ патріархами, а поддіакоу передъ нимъ со крестомъ. Царь всталъ тоже съ своего мѣста, подошелъ къ патріархамъ и началъ говорить всему собору со слезами, что по безчинному отечеству Никона вдовствовала церковь 9 лѣтъ, и что отъ сего своевольнаго поступка произошли мятежи, расколы и многія несчастія. Патріархи, слушая сію рѣчь, сами прослезились и спросили Никона: почему оставилъ онъ патріаршій престолъ. Никонъ отвѣчалъ: «уклонился отъ царскаго гнѣва.» По другимъ же съ дерзостію и подробно выразилъ, почему оставилъ Москву и предавалъ иныхъ проклятію. Послѣ нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, читали его письма къ греческимъ патріархамъ, преисполненныя клеветами на Царя Алексѣя Михайловича. Чтеніе сихъ бумагъ и прочихъ обвиненій продолжалось 12 часовъ. Декабря 5-го числа было второе собраніе. Никонъ прибылъ опять со крестомъ и долженъ былъ слушать выписку изъ законовъ. Декабря 12-го послѣдовалъ окончательный приговоръ. Пларіонъ, Архіепископъ Рязанскій прочелъ ему рѣшеніе собора. Главнѣйшіе пункты состояли въ томъ, что онъ входилъ въ дѣла, достоинству и власти его неприличныя; огорчалъ Царя, покинулъ своевольно патріаршій престолъ, былъ виною многихъ расколовъ и мятежей; жестоко поступалъ съ духовными лицами и проч., а потому лишается онъ званія патріаршаго исылается въ чинъ простаго монаха на заточеніе въ Бѣлозерскій Оерацинтовъ монастырь. По прочтеніи сего сняли съ него камилавку съ херувимомъ, панагію и отправили его по назначенію, однако же съ мѣрами большой осторожности, потому что народъ, бѣльшею частію, былъ очень къ нему привязанъ, и боялся, чтобы по сему случаю не произошло возмущенія.

Царь, лишивъ Никона патріаршаго престола, не питалъ

къ нему ненависти; присылалъ къ нему нерѣдко съѣстные припасы, но онъ не прикасаясь къ нимъ, отдавалъ ихъ въ трапезу. Въ началѣ 1669 года находившійся при немъ дворянинъ Степанъ Наумовъ объявилъ ему, что Царь желаетъ, чтобы онъ далъ благословеніе и прощеніе ему и всему Царскому Дому. Никонъ написалъ въ отвѣтъ, что онъ охотно благословяетъ и даруетъ прощеніе; «а когда я, богомолецъ «вашъ, увижу ваши государскія очи, тогда сосвятымъ молитво-«словіемъ напаче прощу и разрѣшу.» Царь, получа письмо сіе, послалъ Никону 1000 рублей и приказалъ отковать окна и двери у кельи его. Въ каждый праздникъ Царь присылалъ ему рыбъ и папитковъ, коихъ онъ, какъ и прежде, не употреблялъ. Вѣроятно Никонъ полагалъ, что Царь возвратитъ ему свою милость, и что онъ опять будетъ въ Москвѣ; о Царѣ отзывался съ кротостію и смиреніемъ, зная, что представленные къ нему доносятъ Государю о всѣхъ его поступкахъ. Алексею Михайловичу правилась такая перемѣна въ немъ, и онъ прислалъ ему евангеліе, серебряные сосуды и ризы; но Никонъ желалъ не того: онъ мыслилъ только о возвращеніи въ Москву, началъ совершать службу, и даже ставить въ діаконы и священники; заставлялъ себя поминать. Царь, узнавъ о семъ, приказалъ ставленниковъ его сослать; вмѣстѣ съ тѣмъ удалили отъ него многихъ людей, которые по суетвѣрію или празднилюбію жили при немъ. Никонъ этимъ сильно огорчился; увлекаемый досадою и честолюбіемъ, приказалъ воздвигнуть на маломъ островѣ монастырскаго озера крестъ съ надписью: «*Никонъ, Божіею милостію Патріархъ, постави сей крестъ Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за святую церковь на Бяльозерѣ въ тюрьмѣ.*» Сію же надпись приказалъ онъ вырѣзать на всей церковной утвари. Царь однако же и послѣ этого присылалъ ему деньги и подарки.

По низложеніи Никона, патріархомъ былъ назначенъ Архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря Іоасафъ, отличившійся кротостію и миролюбіемъ (*).

Обратимся къ внѣшнимъ дѣламъ государства и Малороссіи. Андрусовскій миръ, столь выгодный для Россіи, не успокоилъ Малороссіи. Казаки, преданные Православному Царю, съ прискорбіемъ видѣли, что онъ отказался отъ Заднѣпровской Украйны и что по заключенному договору Кіевъ долженъ быть возвращенъ Польшѣ. Дорошенко, мечтавшій господствовать надъ всею Малороссіею, возсталъ противъ Андрусовскаго договора и объявилъ Казимиру, что ни онъ, ни казаки не хотятъ принадлежать Польшѣ и прибѣгнувъ къ Алексѣю Михайловичу съ просьбою принять его со всею Малороссіею въ подданство. Царь, какъ союзникъ Польши, совѣтовалъ ему смириться. Дорошенко возсталъ и противъ Россіи, негодую за союзъ ея съ Польшею, и успѣлъ склонить Брюховецкаго на свою сторону коварнымъ обѣщаніемъ признать его гетманомъ всей Малороссіи. Брюховецкій съ радостію воспользовался симъ случаемъ, чтобы избавиться отъ русскихъ воеводъ, назначенныхъ намѣстниками въ малороссійскихъ городахъ, произвелъ бунтъ въ подвластной ему Украйнѣ; но Брюховецкій заплатилъ жизнью за свою измѣну: схваченный по приказанію вѣроломнаго Дорошенки, онъ былъ преданъ въ жертву разъяренной черни, а Дорошенко провозгласилъ себя гетманомъ всей Малороссіи, независимымъ отъ Россіи и Польши. Несчастливая Малороссія

(*) Іоасафъ не долго былъ на патріаршемъ престолѣ и скончался 17 февраля 1672 г. На мѣсто его поставленъ Питиримъ, Митрополитъ Новгородскій. Питиримъ, девятый по счету патріархъ, скончался въ 1674 г., а на мѣсто его избранъ Іоакимъ, Митрополитъ Новгородскій.

дорого заплатила за измѣну Брюховецкаго. Воеводы наши, пришедшіе съ войскомъ, разорили ее. Дорошенко, разбитый Ромодановскимъ, бѣжалъ въ Турцію.

Буйныя головы запорожскія распространили мятежъ на Дону и на Волгѣ, провозгласивъ атаманомъ отчаяннаго казака донскаго Стеньку Разина. Злодѣй этотъ уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ разбойничалъ, ограбилъ окрестности Астрахани, нѣсколько городовъ персидскихъ при Каспійскомъ Морѣ и едва не вооружилъ Шаха на Россію, но былъ разбитъ царскими войсками, смирился и былъ прощенъ. Забывъ милосердіе Государя, Разинъ, начальствуя огромнымъ числомъ мятежниковъ, взявъ приступомъ Царицынъ и Астрахань и взбунтовалъ все Приволжье. Саратовъ сдался Разину; разбойникъ этотъ направился потомъ къ Нижнему, производя ужасныя злодѣянія. Мятежи казацкіе могли быть тѣмъ пагубнѣе, что Султанъ готовился поддержать Дорошенко. Волненія, однако же, прекратились, когда Царь обѣщалъ Малороссіи, что не предастъ ее Полякамъ. Дорошенко союзомъ съ невѣрными возстановилъ противъ себя казаковъ, которые признали своимъ гетманомъ полковника Многогрѣшнаго, предавшаго Россіи. Шайки Разина были уничтожены; онѣ встрѣтили сильную оборону въ Симбирскѣ, подъ начальствомъ Пв. Богд. Милославскаго. Этотъ неуспѣхъ и большія потери во время сраженій ослабили бодрость мятежниковъ; разбитые по частямъ, они разбѣжались, а Разинъ удалился на Донъ, гдѣ казачій атаманъ Корнпло Яковлевъ, преданный Царю, схватилъ этого разбойника и привезъ вмѣстѣ съ братомъ его Фролкою въ Москву. Тамъ были они казнены въ апрѣлѣ 1671 года. Степка живой разсѣченъ и отдавъ псамъ на съѣденіе.

Среди заботъ, коими обремененъ былъ Царь государственными дѣлами, въ семействѣ его произошли большія перемѣ-

ны. Супруга его, Марія Ильинична, послѣ разрѣшенія отъ бремени дочерью, нареченной Евдокією, черезъ недѣлю скончалась 4-го марта 1669 (*). Современные лѣтописцы отзываются съ большою похвалою о Марѣ Ильиничнѣ, и говорятъ, что она была оплакиваема не только супругомъ своимъ, но и вообще всѣми за ея отличныя душевныя качества.

Дѣятельный въ государственномъ управленіи и неослабный въ попеченіи о благѣ своего народа, Царь, въ часы отдохновенія, чтобы развлечься въ одиночествѣ своемъ, ѣздилъ къ думному дворянину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, находя особенное удовольствіе въ бесѣдѣ сего заслуженнаго сановника, соединявшаго умъ здравый съ обширными свѣдѣніями, прибрѣтенными долговременнымъ опытомъ и любовью къ наукамъ. Въ одно изъ сихъ посѣщеній Царь увидѣлъ за столомъ жившую и воспитанную въ домѣ Матвѣева дѣвцу Наталію Кириловну Нарышкину, дочь небогатаго дворянина, которая умомъ и прекрасною наружностью плѣнила его. Царь рѣшился вступить во второй бракъ, который и совершенъ 22 января 1671 (**). Мѣсто посаженаго отца занималъ ближій и старшій бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій, тысяцкаго—Грузинскій Царевичъ Николай Давыдовичъ, а въ спящихъ были Царевичи Касимовскій и Сибирскій. Думный дворянинъ А. С. Матвѣевъ былъ вмѣстѣ съ бояриномъ М. А. Воротынскимъ у свѣтника. Отъ сего брака въ слѣдующемъ 1672 г. мая 30-го родился Петръ, въ послѣдствіи нашъ незабвенный преобразователь.

Между тѣмъ дѣла Малороссіи не переставали озабочивать

(*) Марія Ильинична родилась въ 1625 г. и была четырьмя годами старше своего супруга.

(**) Наталѣ Кириловнѣ было тогда 19 лѣтъ; она была 22 годами моложе Царя.

Царя. Жители сей земли, теряя надежду на присоединеніе къ Россіи, рѣшились скорѣе прибѣгнуть къ покровительству Турецкаго Султана, чѣмъ зависѣть отъ Польши, и въ семь намѣреніи начали сходиться подъ знамена Дорошенки. Магометъ IV, царствовавшій тогда въ Турціи, хотѣлъ воспользоваться сими благопріятными для него обстотельствами, чтобы пріобрѣсть не только Малороссію, но и Польшу, раздираемую безначаліемъ по случаю отреченія отъ престола Казимира (*). Сильная турецкая армія, соединившаяся съ

(*) Наскучивъ междоусобіями Польши, Казимиръ приказалъ собрать сеймъ и объявилъ, что по слабости силъ своихъ желаетъ лучше предупредить всѣхъ, что онъ скоро будетъ неспособенъ царствовать, нежели быть предупрежденнымъ, и пропизнѣлъ любопытную рѣчь. Вотъ она: «Поляки! уже 280 лѣтъ, какъ домъ нашъ управлялъ сею страной. Царствованіе предковъ моихъ миновало, а моему настаетъ конецъ. Отягченный войнами, сеймами и старостію, приведенный въ беспліе постоянными трудами во время 20 лѣтняго царствованія, я, король вашъ и отецъ, возвращаю въ ваши руки то, что міръ болѣе всего уважаетъ — корону. Трономъ я избираю сажень земли, которая соединитъ меня съ моими предками.

«Указывая перстами на гробъ мой, скажите дѣтямъ вашимъ, что я былъ первый въ сраженіи и послѣдній при отступѣ; что я отказался отъ царскаго величія для блага моего отечества и возвратилъ скинтръ тѣмъ, отъ кого его получилъ. Любовь ваша возвела меня на высшую степень, а моя къ вамъ любовь заставляетъ меня сойти съ оной.

«Многіе изъ предшественниковъ моихъ вручали державу свою сыновьямъ и братьямъ; но я возвращаю ее отечеству, котораго былъ покорный сынъ и внимательный отецъ. Отъ сего момента сливаюсь я съ вами, содѣлываюсь изъ государя подданнымъ, изъ короля вашимъ согражданиномъ и оставляю мѣсто свое тому, кого вы признаете достойнымъ. Республика будетъ счастлива въ выборѣ и процвѣтетъ, ежели молитвы мои будутъ услышаны изъ того уединеннаго мѣста, въ которое удалюсь.»

«Мнѣ остается только благодарить Рѣчь Посполитую за все ока-

крымскими Татарами, подъ личнымъ предводительствомъ Султана, вступила въ Польшу, ознаменовавъ свое шествіе опустошеніемъ многимъ городовъ. Каменецъ—Подольскій, считавшійся въ то время неприступною крѣпостью, былъ взятъ Турками. Михаилъ Вишневецкій, уstraшенный успѣхами Магомета IV, согласился на заключеніе тягостнаго и унижительнаго договора (1672), по коему уступилъ ему Каменецъ—Подольскій, Малороссію и обязался платить ежегодную дань.

Около этого времени произошло волненіе въ части Малороссіи, принадлежавшей Россіи; старшины казацкіе вломились ночью къ гетману Многогрѣшному, сковали его и отправили въ Москву съ челобитною, въ которой, обвиняя его въ намѣренія передаться Турецкому Правительству, просили Царя наказать его лишеніемъ жизни какъ измѣнника и клятвопреступника. Полагають, что Многогрѣшный не былъ виноватъ, а сдѣлался невинною жертвою злобы и зависти. Царь Алексѣй Михайловичъ отрѣшилъ его, но не исполнилъ просьбы казаковъ касательно его наказанія, а сослалъ его въ Якутскъ, гдѣ, поселясь съ семействомъ своимъ, онъ исправлялъ службу на ряду съ боярскими дѣтьми.

занныя мнѣ услуги, за совѣты, ревность и усердіе. Ежели противъ моего желанія нѣтъ я несчастіе нымъ не вправится, то прошу нмъ приписать сіе неблагопріятству времени, или жребію, и простить меня такъ, какъ я прощаю всѣхъ огорчившихъ меня. Обращаю ко всѣмъ вамъ мое сердечное прощеніе. Разстояніе можетъ удалить меня отъ республики; но сердце мое пребудетъ всегда съ сею нѣжной матерью и я повелѣваю, чтобы прахъ мой былъ возвращенъ въ оную.» Яну Казимиру назначено было 300,000 флориновъ ежегодной пенсіи. Онъ умеръ въ 1672 въ Парижѣ отъ извѣстія, глубоко его поразившаго, что Турки взяли Каменецъ—Подольскій.

На мѣсто его избравъ въ гетманы Иванъ Самойловичъ Самойловичъ.

Песчастная Заднѣпровская Малороссія, опустошенная непрерывной войною, неоднократно обращалась къ Царю Алексѣю Михайловичу, по совѣту самого Дорошенко, чтобы спасти ее отъ Турокъ и Поляковъ. Царь, негодовавшій сильно на Польшу, за неоднократное нарушеніе Андрусовскаго договора, за явное желаніе ея уклоняться отъ мира, не могъ не принять участія въ положеніи Малороссіи, тѣмъ болѣе, что Король Польскій пожертвовалъ Туркамъ сей землю; усердно желавшею принадлежать Царю, а потому объявилъ въ 1674 году заднѣпровскимъ казакамъ, что онъ согласенъ принять ихъ въ подданство. Они съ восторгомъ присягнули Царю, а Самойловичъ былъ признанъ гетманомъ всей Малороссіи. Утверждая владычество свое за Днѣпромъ, Царь зналъ, что готовить себѣ борьбу съ Султаномъ и съ Польшею, но не страшился оной и принималъ нужныя мѣры, которыхъ исполненіе прервала преждевременная кончина его.

Уже съ давняго времени Царь, въ слѣдствіе причинившейся ему болѣзни, имѣлъ тучность тѣла, означавшую разстройство здоровья. 19 января 1676 г. почувствовалъ онъ себя дурно, но, не смотря на то, во дворцѣ были увеселенія. Черезъ нѣсколько дней болѣзнь его усилилась; онъ приказалъ освободить многихъ заключенныхъ и простилъ казенныхъ недоимокъ на значительную сумму. Примѣтно ослабѣвая, онъ, за три часа до кончины своей, благословилъ старшаго сына своего Теодора на царство, пожелалъ быть соборованнымъ, и вскорѣ послѣ сего священнаго обряда скончался января 29-го числа, въ субботу, въ 7¼ часовъ вечера, 46 лѣтъ отъ рожденія.

Мудрый Царь Алексѣй Михайловичъ пользовался искрен-

нею любовію и преданностію своихъ подданныхъ, и по кончинѣ своей остался предметомъ уваженія и благодарности Россіянъ за мудрое правленіе свое. Строго придерживаясь старыхъ обычаевъ въ образѣ жизни, онъ тщательно старался объ улучшеніи внутренняго устройства. Безпрестанно былъ въ сношеніи съ большей частию Европейскихъ Державъ; принималъ отъ нихъ посланниковъ или посылалъ своихъ, все съ цѣлію пользы для государства, имѣя въ предметѣ или торговые виды, или приглашеніе въ Россію людей, знающихъ въ ратномъ дѣлѣ, или искусныхъ по разнымъ частямъ наукъ. Дѣятельность его по государственнымъ дѣламъ была чрезвычайна; войны, которыя онъ велъ часто съ перемѣннымъ счастіемъ, окончены были успѣшно возвращеніемъ Россіи Смоленска, Кіева и Малороссіи. Получивъ послѣ родителя своего державу безсильную, изнемогавшую отъ ранъ, нанесенныхъ ей самозванцами и виѣшними врагами, безъ всякаго вѣса въ европейской системѣ, онъ оставилъ преемнику своему государство устроенное, даже сильное и съ явнымъ перевѣсомъ надъ древнею соперницею Россіи—Польшею. Онъ положилъ первое основаніе тому могуществу, въ которомъ мы видимъ теперь Россію. Съ его царствованія предѣлы отечества нашего безпрестанно распространялись, внутреннее устройство улучшалось; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала сила и вліяніе Россіи. Онъ во многихъ отношеніяхъ приготовилъ путь сыну своему Петру—нашему Великому Преобразователю.

Алексѣй Михайловичъ былъ воспитанъ въ строгомъ уваженіи къ св. вѣрѣ; приверженность его къ церкви была всегда неизмѣнна; смиреніе и страхъ Божій были его отличительными чертами. Каждую полночь молился онъ въ церкви; часто посѣщалъ разные монастыри, но и путешествія сіи приносили общую пользу, подавая собою примѣръ бла-

гочестія; онъ во время поѣздокъ наблюдалъ собственными глазами быть и нужды поданныхъ своихъ.

Семейство Царя Алексѣя Михайловича было многочисленно: отъ перваго брака имѣлъ онъ 5 сыновей и 8 дочерей, между коими знаменитая Софія Алексѣевна; отъ втораго брака былъ у него одинъ сынъ—Петръ и двѣ дочери.

ГЛАВА V.

ЦАРСТВОВАНИЕ ТЕОДОРА АЛЕКСѢВИЧА.

Вступленіе на престолъ. — Сострадательность Царя. — Вѣнчаніе на царство. — Ссылка А. С. Матѣева. — Послѣдніе годы жизни Никона и его кончина. — Дѣла Малороссіи. — Война съ Турками — Побѣды Ромодановскаго. — Польское посольство въ Москвѣ. — Новый договоръ съ Польшею. — Миръ съ Портою. — Постановленія по внутреннему управленію. — Уничтоженіе мѣстничества — Бракъ Царя. — Вторичный бракъ. — Кончина Царя Теодора.

1676—1682.

По кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича всѣ немедленно присягнули старшему изъ оставшихся по немъ сыновей, юному Теодору Алексѣвичу, бывшему тогда на 15 году отъ рожденія (*). Тѣлосложеніе его было слабое, но духъ

(*) Царь Теодоръ Алексѣвичъ родился 1661 г. мая 30. Въ 1667 г., когда ему было шесть лѣтъ, воспитаніе его поручено было іеромонаху Сѣмену Полоцкому, мужу ученому, который сдѣлался извѣстенъ Алексѣю Михайловичу во время пребыванія Государева въ Полоцкѣ. Дядьками къ Царевичу были опредѣлены бояре: Князь Теодоръ Теодоровичъ Куракинъ и Пванъ Богдановичъ Хитровъ. Воспитательницею при немъ была вдова Анна Петровна Хитрова, пользовавшаяся отличнымъ уваженіемъ и значеніемъ при Дворѣ.

бодрый и дѣятельный; онъ вообще имѣлъ прекрасныя свойства и старался въ правленіи государства и внѣшней политикѣ сообразоваться съ видами мудраго своего родителя. Сострадательное сердце его тотчасъ обратилось къ неимущимъ. Цѣлыя шесть недѣль, говорятъ лѣтописцы, новый Царь угощалъ нищихъ и раздалъ бѣднымъ людямъ 24,000 рублей, по тогдашнему времени огромную сумму.

16-го іюня (1676) происходило вѣнчаніе на царство Теодора по обрядамъ предшественниковъ его; но замѣчательно, что при торжествѣ этомъ, было приказано отъ него боярамъ и окольничимъ *быть безъ мѣстъ*. Такъ умный Теодоръ, при самомъ началѣ своего царствованія, принялъ твердое намѣреніе уничтожить пагубное и нелѣпое мѣстничество.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Теодора послѣдовала ссылка замѣчательнаго лица, одного изъ самыхъ близкихъ къ родителю его сановниковъ — боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, бывшаго руководителемъ сильной партіи Нарышкиныхъ, враждебной Милославскимъ, родственникамъ первой супруги Царя Алексѣя Михайловича. По свидѣтельству многихъ писателей, особенно иностранныхъ, современныхъ симъ событіямъ, Нарышкиными составленъ былъ актъ, по которому Царь Алексѣй Михайловичъ оставлялъ престолъ младшему сыну Петру (рожденному отъ Нарышкиной), потому что старшіе оба по слабости тѣлесныхъ и даже душевныхъ силъ не способны были царствовать. А. С. Матвѣевъ, занимавъ важное государственное мѣсто начальника Посольскаго Приказа, имѣлъ обширную власть и большое значеніе по особенному къ нему расположенію Алексѣя Михайловича, и слѣдственно могъ надѣяться, что планъ его удастся; онъ же Матвѣевъ по оному назначался правителемъ государства во время малолѣтства Петра. Планъ не выпол-

нился; но ссылка А. С. Матвѣева подтверждается мнѣніемъ помянутыхъ писателей, согласныхъ въ томъ, что со стороны Нарышкиныхъ, подъ руководствомъ А. С. Матвѣева, была сдѣлана попытка передать престолъ Петру Алексѣевичу мимо Θεодора, и что вѣроятно это обстоятельство было главною причиною вражды Милославскихъ противъ Нарышкиныхъ. Причины ссылки Матвѣева не были официально объявлены, по щекотливости дѣла, какъ полагать надобно. Матвѣевъ въ своихъ письмахъ (*) обвиняетъ боярина Ивана Богдановича Милославскаго (**) съ приверженцами его, которые, завидуя его значенію, обнесли его передъ юнымъ Царемъ и убѣдили его сослать; къ сему присовокупляетъ Матвѣевъ, что враги его всклепали на него разныя неправды и даже обвиняли въ чародѣйствѣ. Оставляя въ сторонѣ чародѣйство, которое и тогда въ глазахъ такихъ людей, какъ умный Царь Θεодоръ и П. Б. Милославскій, почиталось суевѣріемъ и глупостію, видно изъ послѣдствій, что въ дѣлѣ этомъ были если не обвиненія, то подозрѣнія важныя, ибо на дорогѣ А. С. Матвѣевъ, ѣхавшій водою, былъ остановленъ въ Лайшевѣ, тамъ обыскавъ, потомъ перевезенъ въ Казань, гдѣ подвергся вторичнымъ допросамъ, а послѣ того, черезъ два года, сосланъ въ Пустозерскъ; огромное его имѣніе взято въ казну. Слѣдователи искали на баркахъ, на которыхъ ѣхалъ Матвѣевъ, оружія, пороху и проч. Самъ

(*) Смотри Исторію о невинномъ заточеніи боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева.»

(**) Бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій былъ человекъ обширнаго ума и большихъ способностей; Царь Алексѣй Михайловичъ поручалъ ему разныя должности: онъ былъ воеводою въ Архангельскѣ, разбилъ Стеньку Разина при Симбарскѣ и отнялъ у него Астрахань; былъ употребляемъ въ сношеніяхъ съ иностранными посланн.

онъ говоритъ, что у него было только двѣ пушки и нѣсколько пистолетовъ. Тѣ же иностранные писатели, находившіеся тогда въ Москвѣ, говорятъ, что не задолго до ссылки Матвѣева былъ открытъ заговоръ, и многіе были преданы пыткамъ, сосланы въ Сибирь. Наконецъ представляется самое простое размышленіе противъ Матвѣева; вѣроятіи, чтобы умный, добросердечный и вмѣстѣ твердый Осодоръ Алексѣевичъ, питавшій къ родителю своему нескрещенную любовь и уваженіе, рѣшился любимца и друга его сослать, подвергнуть объекамъ, допросамъ для того только, чтобы удовлетворить злобѣ Милославскихъ противъ Нарышкиныхъ?

Ныне полагаютъ, что въ заговорѣ этомъ былъ подозрѣваемъ и низложенный Патріархъ Никонъ, потому что въ это время онъ былъ отвезенъ въ Бѣлозерскій большой Кариловъ монастырь. Имущество и бумаги его были запечатаны; приближенные его сосланы и надзоръ за нимъ сдѣлался гораздо строже прежняго. Въ Кирпильевскій монастырь прибыли даже слѣдователи, которые прочли Никону 300 обвинительныхъ пунктовъ и, отобравъ отъ него отвѣты, оставили его подъ крѣпкимъ карауломъ. Вскорѣ потомъ явился опять слѣдователи и отобрали у него папагію и двѣ печати.

Мы обратили особенное вниманіе на причины ссылки Матвѣева, руководителя партіи Нарышкиныхъ, потому что вражда послѣднихъ съ Милославскими имѣла пагубныя слѣдствія для Государства, какъ увидимъ въ правленіи Царевны Софіи Алексѣевны.

Упомянувъ о знаменитомъ изгнанникѣ Никонѣ, пережившемъ Царя Алексѣя Михайловича, мы опишемъ подробности жизни сего пастыря при Царѣ Осодорѣ и его кончину.

Проживая въ Отрапонтномъ монастырѣ, Никонъ получилъ извѣстіе, что Алексѣй Михайловичъ скончался. Онъ сказалъ окружающимъ его: *«воля Господня да будетъ*

аще бо здѣ съ нами прощенія не получи, но въ страшное пришествіе Господне судитися имамы.» Изъ Оерапонтава монастыря Никонъ былъ переведенъ въ Кариловскій монастырь, гдѣ здоровье его примѣтно разстроилось: у него начались сильныя головныя боли, которыя приписывалъ онъ угарнымъ келіямъ. Однажды Царь Феодоръ, посѣтивъ Воскресенскій монастырь, въ которомъ Никонъ во время своего патріаршества долго жилъ, нашелъ, что многія зданія не были еще приведены къ окончанію, поручилъ это дѣло ближнему своему человѣку Лихареву, и спросилъ у архимандрита, не желаетъ ли братія имѣть здѣсь опять Никона? Всѣ изъявили согласіе и подали за общими руками челобитную. Царь Феодоръ, возвратясь въ Москву, въ разговорѣ съ патріархомъ, изъяснилъ желаніе дать свободу Никону и водворить его въ Воскресенскомъ монастырь. Іоакимъ отвѣчалъ, что это невозможно, ибо онъ удаленъ по опредѣленію вселенскихъ патріарховъ, а потому и не можетъ быть возвращенъ безъ ихъ согласія. Царь однакоже, все твердо желая возвратить свободу Никону, пригласилъ Іоакима въ чертоги свои и упрасивалъ его вмѣстѣ съ теткою своею Царевною Приною Михайловною. Вѣроятно Патріархъ опасался, чтобы Никонъ, возвратясь въ Москву, не взялъ прежнюю силу, и рѣшительно отказался, сказавъ, что онъ не можетъ дать согласія. Царю это очень было прискорбно: онъ написалъ къ Никону утѣшительную грамоту, и отправилъ ее къ нему съ прежними его собесѣдниками, освобожденными изъ заточенія. Вскорѣ послѣ сего Никонъ очень занемогъ, принялъ схиму и елеосвященіе. Получа облегченіе, онъ написалъ письмо въ Воскресенскій монастырь, въ коемъ, посылая братіи благословеніе и прося у нихъ прощенія, присовокупилъ, что хотя и была царская воля возвратить его къ нимъ въ обитель, но она не приведена до

сихъ поръ въ исполненіе, « а я, » говоритъ онъ, « между тѣмъ вставать не могу, лежу во гробѣ. » Архимандритъ показалъ это письмо Царю; Ѳеодоръ Алексѣевичъ предложилъ оное собору, который опредѣлилъ дать Никону свободу. Царь съ извѣстіемъ самъ отправилъ въ Кирилловскій монастырь дьяка Ивана Чепелева и приказалъ ему привезти Никона въ Воскресенскій монастырь. Хотя Никонъ былъ уже очень нездоровъ, но отправился немедленно въ путь водою. Прибывъ въ монастырь Толгской Богородицы, что въ 7-ми верстахъ отъ Ярославля, онъ остановился тутъ въ надеждѣ укрѣпиться отдохновеніемъ, но на другой день, 17-го августа 1681 г. окончилъ жизнь свою на 76 году отъ рожденія. По приказанію Царя, тѣло его привезено въ Воскресенскій монастырь и предано тамъ землѣ. Царь присутствовалъ при погребеніи со всемъ дворомъ и духовенствомъ кромѣ патріарха. Въ послѣдствіи, по просьбѣ Ѳеодора Алексѣевича, вселенскіе патріархи даровали Никону прощеніе и дозволили его поминать какъ патріарха.

Обратимся къ дѣламъ Малороссіи, по поводу коей возникъ у насъ споръ съ Польшею и Портою. Малороссія вся, кромѣ Чигирина, находилась уже подъ владычествомъ Царя Алексѣя Михайловича, признавая гетманомъ Самойловича. Однако же Царь Алексѣй не успѣлъ окончательно утвердить за собой заднѣпровскую оной часть. Дорошенко засѣлъ въ Чигиринѣ, призывая къ себѣ на помощь Турокъ и Татаръ; Янъ Собѣскій, Король Польскій, требовалъ, на основаніи Андрусовскаго мира, возвращенія Кіева, считалъ владычество Царя за Днѣпромъ нарушеніемъ мира и грозилъ войною; но опаснѣйшій противникъ Ѳеодора былъ Турецкій Султанъ, который, по послѣднему договору съ Польшею, признавалъ заднѣпровскую часть Малороссіи ему принадлежащею. Ѳеодоръ, слабый тѣломъ, но твердый духомъ, не

страшился противниковъ снхъ и готовился къ упорной борьбѣ, съ твердымъ намѣреніемъ защищать Малороссію, старое достояніе Россіи, возвращенное его родителемъ.

Благоразумный Θεодоръ хотѣлъ сперва уничтожить безпокойнаго Дорошенку, который, не смотря на претерпѣнія имъ неудачи, не переставалъ волновать Малороссію съ намѣреніемъ быть въ ней независимымъ обладателемъ. Царь послалъ къ Чигирину, гдѣ засѣлъ Дорошенко, многочисленное войско подъ начальствомъ Ромодановскаго, соединившагося съ Самойловичемъ. Снъ два военачальника убѣждала его сдаться безъ сопротивленія, обѣщая ему полную свободу. Дорошенко, не получая помощи ни отъ Султана, который ему тоже не довѣрялъ, ни отъ Польши, потерялъ надежду успѣть въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, и согласился на предложенія, сдѣланныя ему русскими полководцами. 1676 г., сентября 19, онъ положилъ оружіе, отдалъ Самойловичу всѣ знаки гетманскаго достоинства и присягнулъ въ вѣрности съ своими подданными Московскому Царю (*).

Янъ Собѣскій, назначалъ безпрестанно новыхъ гетмановъ въ задѣпровскую часть Украйны, требуя, чтобы Россія не вмѣшивалась въ ея дѣла; но получивъ въ отвѣтъ, что Польша уступкою Малороссіи Султану Турецкому лишила себя права спорить о сей землѣ, прекратилъ свои требованія, ожидая какой конецъ будетъ имѣть война Россіи съ Турками.

Султанъ выслалъ подъ начальствомъ Ибрагима Пашы многочисленное войско, состоявшее изъ 60,000 Турокъ и 4000 крымскихъ Татаръ; Ибрагимъ Паша напалъ всеми силами своими на Чигиринъ и взорвалъ часть стѣнъ сей

(*) Дорошенко былъ впоследствии отправленъ съ семействомъ своимъ въ Москву и кончилъ жизнь свою въ неизвестности

крѣпости; но осажденные отражали его мужественно, съ значительнымъ для него урономъ. Ромодановскій съ Самойловичемъ подошли на помощь къ Чигирину, разбили наголову Ибрагима-Пашу (1677). Онъ лишился въ сей битвѣ большаго числа людей, пушекъ, всего обоза и бѣжалъ за Днѣпръ. Султанъ былъ такъ раздраженъ симъ извѣстіемъ, что приказалъ умертвить Ибрагима-Пашу и многихъ находившихся при немъ второстепенныхъ турецкихъ военачальниковъ.

Въ слѣдующемъ 1678 г. Султанъ выслалъ войско еще многочисленнѣе. Князь Ромодановскій опять его разбилъ и обратилъ въ бѣгство, но имѣлъ оплошность не преслѣдовать непріятеля, полагая его въ такомъ разстройствѣ, что онъ ничего предпринять не можетъ. Турки же между тѣмъ, собравъ разсѣянное свое войско, напали на Чигиринъ, овладѣли имъ и разорили его. Неустрашимый Ромодановскій вновь напалъ на нихъ и, послѣ жестокаго сраженія 19-го августа 1678 года, обратилъ ихъ въ бѣгство, при чемъ непріятель лишился двухъ третей своей арміи и лагеря. Ромодановскій, однако же, за оплошность, слѣдствіемъ коей было взятіе Турками Чигирина, былъ смѣненъ; на мѣсто его назначенъ Князь Черкасскій.

Во время сей кровавой войны, ознаменованной блестящими побѣдами царскихъ войскъ, несчастная заднѣпровская часть Малороссіи была совершенно Турками опустошена.

Должно замѣтить, что предъ вторымъ Чигиринскимъ походомъ было отдано строгое приказаніе не считаться мѣстничествомъ; такимъ образомъ Царь Осодоръ готовился нанести вскорѣ послѣдній ударъ этому пагубному предразсудку. Въ указѣ по сему случаю между прочимъ сказано, что кто сему повелѣнію не будетъ повиноваться, тому быть: *въ наказаньи, разореньи и въ ссылкѣ безъ всякаго милосердія и пощады.*

Оеодоръ, по природному милосердію, не преминулъ принять попеченія объ увѣчныхъ и равенныхъ въ семь походѣ. Первымъ изъ Россіянъ прибавлено земельного и денежнаго оклада, да на леченіе ранъ выдано по 4 рубли человѣку, а послѣднимъ сверхъ упомянутой прибавки по 3 рубли на леченіе. Иностраннымъ штабъ и оберъ-офицерамъ, которыхъ уже тогда находилось много въ русскомъ войскѣ, выдано, смотря по ранамъ, отъ 10 до 15 рублей на леченіе, да по куску сукна и паръ соболей. Имена убитыхъ въ сраженіи приказано написать въ вѣчные *Синодики* и поминать незабвенно.

Варшавскій Дворъ, вопреки договорамъ, не оказалъ намъ помощи въ войнѣ противъ Турокъ и думалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы съ угрозами требовать возвращенія городовъ, завоеванныхъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

По поводу несогласій съ Варшавскимъ Дворомъ прибыло въ Москву въ май 1678 г. великолѣпное польское посольство; главными лицами онаго были: Гінязь Михайло Чарторыйскій и Графъ Янъ Сапѣга. При посольствѣ однихъ слугъ находилось 300 человѣкъ и отрядъ тѣлохранителей. Пріемъ былъ сдѣланъ тоже пышный. По обѣимъ сторонамъ улицъ, по которымъ оно ѣхало, стояло царское войско, со множествомъ музыкантовъ. Современный ипостраппый лѣтописецъ (*), передавшій намъ сіи подробности, удивляется богатой одеждѣ начальниковъ, войскъ и особенно государевымъ дворянамъ, въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ выѣхавшимъ къ нимъ на встрѣчу; они были въ плащахъ, опушенныхъ собольимъ

(*) Подробности сіи взяты изъ сочиненія, изданнаго въ 1689 г. подъ заглавіемъ *Legatio Polonolituania in Moscoviam*. Авторъ онаго, Богеменъ Таниеръ, былъ при семъ посольствѣ казначеемъ и дворецкимъ.

мѣхомъ, украшенныхъ, какъ и шапки ихъ, жемчугомъ и во многихъ мѣстахъ вышитыхъ серебромъ и золотомъ. За послами была прислана великолѣпная царская карета, сдѣланная по заказу во Франціи (*). Царь, какъ пишутъ лѣтописцы, былъ такъ доволенъ послами, что изъ особеннаго благоволенія дозволилъ имъ прогуливаться по городу. Обѣдъ, присланный посольству, состоялъ изъ 200 блюдъ (**).

Бояре имѣли съ польскими послами 23 засѣданія, въ слѣдствіе которыхъ заключенъ договоръ 3-го августа 1678 г. Главныя статьи онаго были: 1) перемиріе на 13 лѣтъ; 2) возвращеніе Полякамъ Невеля, Себежа и Велижа (завоеванныхъ послѣ Андрусовекаго договора); 3) выдача 200,000 р. Полякамъ при заключеніи трактата и 4) прекращеніе возникшихъ недоразумѣній и продолженіе дружественныхъ и торговыхъ сношеній.

Султанъ, послѣ двухъ неудачныхъ походовъ въ Малоросію, довольствовался тѣмъ, что тревожилъ насъ, подстрекая Крымскаго Хана дѣлать къ намъ сильныя набѣги, такъ что

(*) Употребленіе каретъ при Дворѣ Царскомъ введено при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; въ его время построены и Колымажный Дворъ. По большей части, однако же, въ то время Царь, бояре и всѣ чиновные ѣзжали верхомъ.

(**) Тотъ же Таннеръ, описывая обѣдъ, не хвалитъ кушанья, приготовленнаго, какъ онъ говоритъ, только изъ одной рыбы и постнаго масла; изъ бѣлужины было надѣлано, съ пособіемъ муки, множество гусей, куръ, индѣекъ и утокъ. По срединѣ стола возвышались сдѣланныя изъ тѣста, — башни, колокольни, пирамиды и двуглавые орлы.

Между любопытными подробностями Таннера о Москвѣ должно упомянуть о встрѣчѣ его съ Царемъ, ѣхавшимъ на загородную прогулку: впереди бѣжали два скорохода и приказывали всѣмъ встрѣчнымъ сторониться. Встрѣчный долженъ былъ упасть лицомъ къ землѣ и оставаться въ этомъ положеніи, пока Царь проѣдетъ.

Татары подходили къ самому Кіеву; но мужественная оборона царскихъ войскъ уничтожила покушеніе ихъ овладѣть сими городомъ; потомъ храбрый Сѣрко разбилъ ихъ наголову, преслѣдовалъ и вторгнулся въ ихъ владѣнія. Неудачи сіи заставили Султана думать о мирѣ съ Россією, тѣмъ болѣе, что онъ намѣревался воевать съ Австрією, надѣясь найти тамъ болѣе добычи. Начались переговоры, въ слѣдствіе коихъ 3-го января 1681 г. заключенъ миръ въ Бахчисараѣ, по коему Султанъ отказался отъ задѣпровекіи Украйны съ условіемъ, чтобы ни Россія ни Турція не возобновляли разрушенныхъ тамъ городовъ, исключая Кіева, Трпполя, Василькова и Стаека, уступленныхъ Россіи, которая также удержала за собою и Запорожье. Такимъ образомъ Царь Оеодоръ Алексѣевичъ, одержавъ блистательныя побѣды надъ Турками и Татарами, имѣлъ славу окончить войну за Молороссію, продолжавшуюся 27 лѣтъ.

Въ кратковременное царствованіе свое онъ совершилъ болѣе нежели отъ юныхъ лѣтъ его и слабаго тѣлосложенія ожидать можно было; правленіе его ознаменовано мудрыми учрежденіями и вообще улучшеніемъ внутренняго управленія. Онъ издалъ законы для опредѣленія права собственности, которое до него было не вполне объяснено, и съ точностію опредѣлялъ случаи перехода земель и помѣстьевъ отъ одного владѣльца къ другому; заботился о просвѣщеніи духовенства, о народной правдивости и для образованія подданныхъ своихъ учредить первое въ Россіи училище—Славяно-Греко-Латинскую Академію.

Но дѣло великой важности, совершенное имъ по совѣту Князя В. В. Голицына (*), о которомъ тицетно помышляли

(*) Любимца Царевны Софій Алексѣевны, имѣвшаго въ ея правленіе большое значеніе.

родитель и дѣдъ его, было уничтоженіе мѣстничества, сего права людей родословныхъ, при занятіи должностей считаться заслугами или значительностію мѣстъ, занимаемыхъ предками. Право сіе было источникомъ величайшаго зла для Россіи: по господствовавшему предразсудку два лица не могли служить въ равныхъ званіяхъ, если предки одного, хотя бы то было и за сто лѣтъ, стояли одною степеню выше предковъ другаго; сыну или внуку боярина не прилично было находиться подъ начальствомъ сына или внука окольного; въ противномъ случаѣ навлекалъ опъ на себя и дому своему безчестіе. Для разбора сихъ родословныхъ отношеній существовало въ Москвѣ особое вѣдомство подъ именемъ *Разряда*. Къ сожалѣнію дѣла сего рода почитались столь важными, что обыкновенно самъ Царь съ боярами по разряднымъ книгамъ рѣшалъ споръ указомъ: правыхъ оправдывалъ, а виновныхъ наказывалъ выговоромъ, заключеніемъ въ тюрьму, денежною пенею, или тѣлесно, а иногда приказывалъ спорщика выдать обиженному головою, т. е. заставлялъ у него просить прощенія съ унижительными обрядами. Наибольшій вредъ отъ сего происходилъ въ военное время, потому что при выборѣ военачальниковъ должно было руководствоваться не личными достоинствами, а родословными правами. Случалось, что воеводы не хотѣли вести войско, когда непріятель уже былъ въ предѣлахъ государства, отъ чего многія сраженія и даже походы имѣли гибельный конецъ.

Царь Осодоръ принялъ твердое намѣреніе искоренить это зло наперекоръ общественному закоренѣлому мнѣнію. Случай къ тому представился по поводу необходимости дать лучшее устройство войску для отпора новому сильному врагу—Туркамъ. По заключеніи мира съ Портою, Царь приказалъ составить Думу изъ выбранныхъ военныхъ людей,

подъ предѣдательствомъ Князя Василья Васильевича Голицына, извѣстнаго по обширному уму и образованности своей, приказавъ придумать лучшее устройство войску для обороны государства отъ враговъ, оказывающихъ много искусства и хитрости въ военномъ дѣлѣ. Дума признала нужнымъ раздѣлить полки на роты; вмѣсто сотенныхъ головъ назначить ротмистровъ и поручиковъ и быть имъ безъ мѣсть, т. е. безъ всякихъ споровъ относительно родословныхъ правъ. Выборные люди, составивъ на семъ основаніи списки ротмистровъ и поручиковъ, били челомъ Царю въ томъ, что, не помѣтивъ въ сихъ спискахъ малолѣтнихъ Трубецкихъ, Одоевскихъ, Кураковыхъ, Репныхъ, Ромодановскихъ и другихъ знатныхъ фамилій, они опасаются отъ нихъ за сіе говеній, но что для пользы государственной необходимо уничтожить совершенно мѣстничество какъ въ полкахъ, такъ и въ посольскихъ дѣлахъ и во всякихъ службахъ. Оеодоръ только того и ждалъ: приказалъ собрать въ царскихъ чертогахъ 12 января 1682 г. торжественный соборъ изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей; Князь В. В. Голицынъ прочиталъ имъ, по волѣ Государя, челобитную выборныхъ людей; послѣ чего Царь, объяснивъ имъ зло, происходившее отъ мѣстничества, требовалъ совѣта.

Созванные лица единогласно изъяснили мнѣніе свое о необходимости уничтожить столь пагубный предразсудокъ. Царь тотчасъ приказалъ принести къ себѣ разрядныя книги, которыя въ тотъ же день по повелѣнію его были сожжены въ стѣнахъ передней государственной палаты. Патріархъ и всѣ присутствовавшія тутъ особы не трогались съ мѣста, пока разрядныя книги совершенно не сгорѣли. Въ утѣшеніе же дворянскихъ фамилій Царь позволилъ составить *Родословную книгу* единственно для того, чтобы сохранить память о предкахъ. Соборъ постановилъ всѣмъ чинамъ быть безъ

мѣсть и служить тамъ, гдѣ Царь укажетъ, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія въ случаѣ ослушанія.

Уничтоженіе мѣстничества будетъ вѣчнымъ памятникомъ твердаго и непоколебимаго характера Царя Θεодора, такъ какъ оно было однимъ изъ главныхъ средствъ къ возвышенію и могуществу Россіи. Нельзя не сожалѣть, что мудрый сей Государь, по кратковременности царствованія своего, продолжавшагося 6 лѣтъ, не могъ воспользоваться плодами дѣйствій, которыми государство было ему обязано.

Θеодоръ вступалъ два раза въ супружество: въ первый— съ Агапіею Семеновною Грушецкой, 18-го іюля 1680 года, но жизнь Царьцы не долго продолжалась; въ слѣдующемъ году іюля 11-го родила она Царевича, нареченнаго Іліею, въ память Іліи Даниловича Милославскаго; младенецъ сей скончался черезъ три дня, а 21-го іюля того же года скончалась и сама Царица.

Семь мѣсяцевъ послѣ сей потери, Царь вступилъ во второй бракъ съ дѣвицею Марѳею Матвѣевною Апраксихой (15 февраля 1682 г.) вопреки совѣтамъ врачей, ибо въ это время здоровье его чрезвычайно ослабѣвало, такъ что вѣнчаніе по сей причинѣ было совершено не въ соборной церкви, а въ дворцовой. Вторая супруга Царя была одарена обширнымъ умомъ, отличной твердостью духа и пользовалась уваженіемъ всего народа. Царь не долго пользовался счастіемъ втораго супружества; черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ бракосочетанія, къ общей, искренней горести всѣхъ своихъ подданныхъ, онъ окончилъ полезную жизнь свою 27-го апрѣля 1682 года, имѣя только 21 годъ отъ рожденія. Тѣло его предано землѣ въ Архангельскомъ соборѣ. Супруга пережила его 33-мя годами.

Θеодоръ Алексѣевичъ получилъ рачительное воспитаніе по тогдашнему времени и имѣлъ большую охоту къ наукамъ;

зналъ хорошо латинскій и другіе иностранныя языки, математику, любилъ поэзію и музыку. Со времени царствованія Алексѣя Михайловича, при Дворѣ давали разныя драматическія представленія, заимствоваанныя изъ Священнаго Писанія. При Царѣ Θεодорѣ, представленія сіи тоже продолжались, ибо Царевна Софія Алексѣевна любила литературу, покровительствовала Сумеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева, которые, въ угожденіе ей, сочиняли стихи и комедіи. Θεодоръ не любилъ пышности, ни въ убранствѣ комнатъ, ни въ платьѣ; по онъ первый изъ Русскихъ надѣлъ польское платье, а по его примѣру и всѣ придворные. Тогда многіе еще брили головы и носили аракинны; онъ отмѣнилъ сей обычай и началъ носить длинные волосы.

Лѣтописцы говорятъ, что кончина первой супруги Θεодора глубоко его опечалила и сильно подѣйствовала на его душевныя и тѣлесныя силы; что съ тѣхъ поръ онъ склонился ко всему духовному болѣе чѣмъ бы слѣдовало Монарху; весьма часто пѣвалъ самъ на клиросѣ, и исправлялъ должность регента. Находясь при погребеніи Никона, приказалъ для сего случая сшить всему духовенству новыя ризы изъ богатыхъ тканей, и, идя за гробомъ, *пѣлъ самъ съ своими клирики стихеру шестаго гласа.*

ГЛАВА VI.

ПРАВЛЕНІЕ СОФІИ АЛЕКСѢВНЫ.

Разномысліе партій — Избраніе на царство Петра Алексѣевича. — Бунтъ стрѣлецкій — Смерть Матѣева, Нарышкиныхъ и проч. — Правленіе Софіи Алексѣвны омъстъ съ Иоанномъ и Петромъ. — Старообрядцы. — Воспитаніе и занятія Петра Алексѣевича. — Потѣшныя. — Казнь Князя Хованскаго и стрѣльцовъ. — Стрѣльцы лезютъ съ повинною въ Троицкій монастырь. — Внѣшнія сношенія. — Славный миръ съ Польшею. — Походы въ Крымъ. — Бракъ Петра Алексѣевича — Явная ссора Петра съ Софіей Алексѣвной — Шакловитый. — Паденіе Софіи Алексѣвны и Голицына. — Иоаннъ отказывается отъ престола въ пользу брата своего Петра.

1682—1689.

Еще съ послѣднихъ годовъ царствованія Алексѣя Михайловича составились при Дворѣ двѣ сильныя партіи: Милославскихъ — по родству ихъ съ первой супругой Алексѣя Михайловича и Нарышкиныхъ — родственниковъ второй его супруги, Натальи Кириловны. Можетъ быть вражда, возникшая между сими партіями, какъ мы упоминали, происходила отъ попытки Нарышкиныхъ передать престолъ послѣ Алексѣя Михайловича младшему его сыну Петру мимо Θεодора; по обстоятельству это остается безъ доказательствъ. Между тѣмъ съ кончиною Θεодора Алексѣевича раздраженіе

двухъ партій между собою дошло до высшей степени. Милославскіе, руководимые Царевной Софіей Алексѣевной, требовали, чтобы послѣ Θεодора вступилъ на престолъ старшій по немъ братъ Іоаннъ Алексѣевичъ; они знали, что въ такомъ случаѣ кормило правленія будетъ въ рукахъ Царевны Софіи и ихъ самихъ; Нарышкины же, которыхъ партія была сильнѣе, хотѣли, чтобы, по слабости тѣлесныхъ и душевныхъ силъ Іоанна, царствовалъ меньшей его братъ—Петръ, подававшій уже большія надежды, а на время его малолѣтства (ему было тогда 10 лѣтъ) управляла бы дѣлами государства родительница его, Царица Наталья Кириловна съ бояриномъ Артемонамъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, пользовавшимся любовью народа.

При такомъ разномысліи царедворцевъ, Іоаннъ не былъ провозглашенъ Царемъ. Знатнѣйшее духовенство, военные и гражданскіе сановники собрались во дворцѣ, приносили прощаніе умному и добродѣтельному Θεодору и подходили для цѣлованія рукъ къ царевичамъ Іоанну и Петру. Патріархъ, для прекращенія общаго недоумѣнія на счетъ преемника престола, предложилъ избрать добровольно въ Государя одного изъ двухъ царственныхъ братьевъ. Партія Нарышкиныхъ превозмогла: Петръ провозглашенъ Царемъ. Добрый и великодушный Іоаннъ уступилъ охотно свое право меньшему брату. До совершеннолѣтія Петра, Наталья Кириловна назначена правительницею. Патріархъ, духовенство и всѣ чины принесли поздравленіе Петру и жалованы отъ него къ рукѣ. Всѣ присягнули юному Государю въ Москвѣ и въ Россіи.

Но правленіе это продолжалось только три недѣли: разномысліе возникло, вражда партій Милославскихъ усилилась. Царевна Софія Алексѣевна съ досадою видѣла брата своего Іоанна лишенаго престола и, вмѣстѣ съ Милославскими, злобствовала на Наталью Кириловну и Нарышкиныхъ. Для

сверженія своихъ противниковъ, она воспользовалась неудовольствіями стрѣльцовъ противъ начальниковъ своихъ и возбудила сіи буйныя шайки къ мятежу.

Стрѣльцы, за двадцѣ до кончины Θεодора Алексѣевича, послали съ избраннымъ человѣкомъ жалобу на имя Царя, въ которой изъяснили, что начальники ихъ заставляютъ ихъ работать при постройкѣ домовъ своихъ не только въ будни, но и въ самые торжественные праздники, присовокупляя, что у нихъ удерживаютъ часть заслуженнаго ими жалованья. Думный дьякъ Языкокъ, получивъ сію просьбу, отдалъ ее Князю Ю. А. Долгорукову, съ которымъ завѣдывалъ Стрѣлецкимъ Приказомъ, и сказалъ: «прошеніе подано пьянымъ стрѣльцомъ; онъ противъ васъ и многихъ другихъ начальниковъ произноситъ разныя хулы.»—«Если онъ дѣйствительно былъ пьянъ и говорилъ такія рѣчи,» отвѣчалъ Долгорукій, «то высѣчь его хорошенько для примѣра другимъ.» На другой день подателю просьбы объявили этотъ приговоръ именемъ Государя. Стрѣлецъ, раздѣтый уже для полученія наказанія, закричалъ окружающимъ товарищамъ: «просьбу подалъ я съ общаго согласія, а вы меня выдаете.» Стрѣльцы бросились къ нему, освободили его силою и увели съ собой. Ночью собрались они для совѣщанія, которое уже обратилось въ возмущеніе, и положили настоять во что бы то ни стало, чтобы девять изъ ихъ подполковниковъ, наиболѣе по ихъ мнѣнію виновные, были имъ отданы.

27-го апрѣля, когда они готовились дѣйствовать, обнаружено было о кончинѣ Царя Θεодора Алексѣевича и всѣмъ имъ велѣно присягнуть Петру Алексѣевичу; они это исполнили. На другой день, 28 апрѣля, когда происходили похороны Царя Θεодора, стрѣльцы были покойны, но 29 апрѣля собрались они толпами передъ дворцемъ и требовали отъ новаго Царя головъ девяти подполковниковъ, недоплаченна-

го жалованья и заработанных денег. Правительство, не припавъ пужныхъ мѣръ для укрощенія сихъ мятежниковъ, имѣло слабость приказать *выдать* обвиненныхъ *головою*. Подполковники были наказаны и отрѣшены, послѣ чего стрѣльцы принесли Царю благодареніе за оказанное имъ правосудіе, а наказанные подполковники должны были отдать по принадлежности удержанные ими деньги, которыхъ пришлось съ пиаго до 2000 червонныхъ. Подполковники предвидя, что данная стрѣльцамъ воля будетъ имѣть пагубнѣйшія послѣдствія, удалились изъ Москвы и тѣмъ спасли себя.

Окончивъ дѣлежъ денегъ между собой, стрѣльцы начали кричать, что новый Царь избранъ незаконно; не хотѣли вѣрить, что Іоаннъ Алексѣевичъ по причинѣ тѣлесныхъ недуговъ, чувствуя себя неспособнымъ къ царствованію, отказался добровольно отъ престола; они утверждали, что причиною сему—государственные измѣнники Нарышкины, братъ и отецъ Царицы Натальи Кириловны, кричали, что они скорѣе лишатся головъ своихъ, чѣмъ останутся подъ управленіемъ Нарышкиныхъ или А. С. Матвѣева.

Бояринъ сей, которому передъ тѣмъ были возвращены его званія и имѣнія, ѣхалъ изъ ссылки въ Москву и находился уже близъ оной, но услышавъ о происходившемъ волненіи, не рѣшился вѣхать въ столицу и остановился въ предмѣстіи. Царица Наталья Кириловна отправила за нимъ карету, въ которой онъ и прибылъ въ Москву въ свой домъ 11-го мая, гдѣ былъ встрѣченъ новымъ Царемъ съ родительницею его и многими знатными сановниками. Матвѣевъ не одобрялъ слабости правительства въ разсужденіи стрѣльцовъ, будучи увѣренъ, что дозволенное самоуправство будетъ имѣть гибельныя слѣдствія.

Между тѣмъ послались у стрѣльцовъ разные слухи, которые умножали волненіе между ними, напримѣръ, что главнѣй-

шихъ изъ нихъ за мятежъ приказано отыскать и казнить, другихъ сослать; что Иванъ Нарышкинъ позволяетъ себѣ великія дерзости, что въ досадѣ на Іоанна Алексѣевича хотѣлъ погубить его и т. п.

Мая 15-го предъ полуднемъ, всѣ стрѣльцы съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ, музыкою, имѣя впереди двѣ большія пушки, пошли въ Кремль и тамъ закричали бывшимъ во дворцѣ въ караулѣ своимъ товарищамъ: «*къ ружью, къ ружью! Иванъ Нарышкинъ хотѣлъ задавить Царевича Іоанна Алексѣевича.*» Стрѣльцы заперли ворота въ Кремль и запретили впускъ и выходъ. Буйство стрѣльцовъ все усиливалось; они разбили много каретъ, а запряженнымъ въ нихъ лошадямъ переломали ноги; потомъ, собравшись толпой, требовали, чтобъ имъ показали Іоанна Алексѣевича. Желаніе ихъ исполнили: Царевна Софія Алексѣевна вмѣстѣ съ Царицею Марѳою Матвѣевою вывели Царевича предъ мятежниками.

Увидѣвъ его, они закричали: «ты нашъ Царь! смерть всѣмъ измѣнникамъ!» Потомъ кричали: «выдайте намъ измѣнниковъ Нарышкиныхъ; должно искоренить совершенно ихъ родъ. Пусть Царица Наталья Кириловна идетъ въ монастырь. Мы собственною кровью защитимъ нашего Царя Іоанна Алексѣевича и Царевича Петра Алексѣевича.»

На крикъ сей вышли Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и бояринъ Князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій. Они дружески обратились къ стрѣльцамъ, спрашивая чего они хотятъ и увѣряя, что всѣ ихъ желанія будутъ удовлетворены. Но мятежники въ бѣшенствѣ закричали: «вы измѣнники!» и схвативъ ихъ, сбросили съ лѣстницы къ находившимся тамъ стрѣльцамъ, которые приняли ихъ на копья, бердыши и умертвили. Одежду ихъ разорвали на мелкія части, а обнаженные ихъ трупы оттащили на базаръ и тамъ бросили.

Возвратясь, стрѣльцы начали требовать, чтобы имъ выдали другихъ измѣнниковъ и составили списокъ, въ которомъ было показано 46 человекъ, опредѣленныхъ ими на смерть; онъ начинался съ Нарышкиныхъ и Матвѣева.

Видя, что къ нимъ не приводятъ тѣхъ, коихъ они требуютъ, стрѣльцы бросились во внутреннія комнаты дворца, гдѣ, встрѣтивъ Аѳанасія Нарышкина, схватили его за волосы и кинули съ лѣстницы: онъ испыталъ участь Матвѣева и Долгорукова.

Злодѣйства свои сопровождали они крикомъ: *«да здравствуетъ нашъ Царь Іоаннъ Алексѣевичъ и Царевичъ Петръ Алексѣевичъ! Смерть измѣнникамъ!»* Требовали, чтобы непременно имъ выдали Ивана Нарышкина; но вмѣсто него сдѣлался жертвой сынъ уважаемаго самими ими боярина Петра Михайловича Салтыкова, Петръ Петровичъ, потому что они нашли его спрятавшимся въ церкви, гдѣ не могли разсмотрѣть лица его. Увидя свою ошибку, они приказали отнести тѣло Салтыкова къ больному отцу его и извиниться передъ нимъ. Старецъ Салтыковъ, увидя трупъ сына своего, съ твердостію христіанина сказалъ: *«это Божія воля!»* и приказалъ угостить убійцъ пивомъ и водкою. Въ этотъ же день умертвили они еще боярина Князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго и Князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, отца убитаго въ тотъ же день Князя Михаила Юрьевича.

Половина стрѣльцовъ осталась на ночь въ Кремлѣ; другіе помѣстились при городскихъ воротахъ, а остальные пошли по городу отыскивать означенныхъ въ списокѣ измѣнниковъ, вламывались въ ихъ дома, искали ихъ по сосѣднимъ дворамъ, но къ вещамъ не прикасались и ничего съ собой не уносили.

Съ разсвѣтомъ дня, 16-го мая, стрѣльцы опять собрались

въ Кремль; нѣкоторые изъ самыхъ дерзкихъ пошли во внутреннiе покои некая Нарышкиныхъ, но никого изъ нихъ тамъ не встрѣтили. Между тѣмъ привели взятыхъ въ собственныхъ домахъ боярина Ивана Максимовича Языкова и нѣкоторыхъ другихъ, подвергнувъ ихъ тоже мучительной смерти. Когда выводили на крыльцо обреченнаго на смерть, то приподнимали его и, показывая народу, спрашивали: *«любѣ ли онъ вамъ?»* Тогда били во все барабаны и звонили въ колокола до приказанiя тащить убитнаго на базаръ. Тѣ изъ вопрошаемыхъ, которые изъ жалости молчали или на лицѣ выражали свои чувства, были жестоко биты и даже до смерти.

По усиленной просьбѣ Царицы Натальи Кириловны спасли отъ смерти ея родителя, но съ условiемъ, чтобы онъ постригся въ монахи и тотчасъ отправили его на Бѣлоозеро въ Кириловъ монастырь.

17-го мая, къ великой радости своей, нашли они доктора Гадена, котораго обвиняли въ колдовствѣ и въ томъ, что онъ уморилъ Царя Θεодора Алексѣевича. Софiя Алексѣевна и Царица Марѣа Матвѣевна убѣдительно просили за него, увѣряя, что онъ все лекарства прежде самъ отвѣдывалъ. *«Нѣтъ,»* отвѣчали стрѣльцы *«у него нашли круглые сушеные раки и змѣи; ими производилъ онъ колдовство.»* Потомъ начали кричать съ неистовствомъ: *«Мы знаемъ, что Иванъ Кириловичъ у васъ спрятанъ, выдайте намъ его и мы будемъ совершенно удовлетворены; не станемъ никого болѣе убивать и разойдемся спокойно по домамъ, но съ условiемъ, что все прошедшее простите.»*

Стрѣльцамъ обѣщали исполнить совершенно ихъ требованiе, если они даруютъ жизнь доктору и Ивану Нарышкину. Но стрѣльцы о томъ и слышать не хотѣли, говоря: *«мы*

знаемъ, что Иванъ Кириловичъ у васъ спрятанъ, выдайте намъ его добромъ; иначе мы сами его найдемъ, тогда, можетъ быть, будетъ и хуже.»

Царица Марѳа Матвѣевна съ Царевною Софіею Алексѣевою и Патріархъ съ образомъ Божіей Матери, а за ними Царица Наталья Кириловна съ братомъ своимъ Иваномъ Кириловичемъ, вышли къ стрѣльцамъ, пали всѣ (кроме Патріарха) предъ ними на колѣна и стали умолять ихъ.

Ничто не могло тронуть злодѣевъ; одинъ изъ стрѣльцовъ вырвалъ изъ объятій сестры Ивана Кириловича и повлекъ его вмѣстѣ съ докторомъ Гаденомъ внизъ. Тамъ несчастные подвергнулись медленной, лютой смерти: Ивана Нарышкина раздѣли и жестоко мучили: онъ пребылъ безмолвенъ; потомъ повлекли его на базаръ и тамъ разсѣкли его на части; руки, ноги и голова его были воткнуты на копыя. Доктора Гадена повлекли на базаръ и лишили его жизни. Сямъ окончилось 17-е число около полудня.

Стрѣльцы, возвратясь ко дворцу, кричали: *«Теперь мы веселы, дай Богъ доброе здоровье Царю, пусть онъ управится съ остальными. Мы готовы умереть за него, за обнихъ Государынь и за всѣхъ Царевенъ.»*

На крикъ этотъ вышелъ Іоаннъ Алексѣевичъ; пораженный неистовствами стрѣльцовъ, онъ просилъ уволить его отъ царствованія, говорилъ, что по причинѣ своихъ болѣзненныхъ припадковъ онъ не надѣется прожить долго и охотно уступаетъ престолъ брату своему. Стрѣльцы закричали: *«Дай Богъ здравствовать Царевичу Петру Алексѣевичу!»* Іоаннъ Алексѣевичъ просилъ ихъ позволить Царицѣ Натальѣ Кириловнѣ остаться во дворцѣ, а не жить по опредѣленію ихъ въ монастырѣ; они охотно согласились. Вечеромъ 17-го числа объявлено было, что каждый можетъ взять тѣло своего ближняго и предать его землѣ.

Однако мятежники, ободренные успѣхомъ своимъ, не удовольствовались убійствами и, находясь подъ вліяніемъ честолюбивой Софіи Алексѣевны, поручили ей правленіе государствомъ съ тѣмъ, чтобы Іоаннъ царствовалъ вмѣстѣ съ Петромъ. Никто не могъ оказать сопротивленія буйной толпѣ, готовой вновь обогрѣться кровію невинныхъ жертвъ. Для прекращенія раздоровъ и волненія, оба брата Іоаннъ и Петръ были посвящены на царство Патриархомъ 15-го іюня 1682 года, но правленіе и власть принадлежали Софіи (*). Въ знакъ своей признательности къ стрѣльцамъ и дабы еще болѣе выиграть ихъ расположеніе, она назначила начальникомъ ихъ любимаго ими Князя Ивана Хованскаго.

Неудерживаемые въ своемъ буйствѣ, стрѣльцы воздвигнули на одной изъ Московскихъ площадей четырехугольный столбъ, на которомъ были вырѣзаны имена погребшихъ отъ нихъ, съ означеніемъ ихъ мнимыхъ преступленій. Вмѣсто прежняго наименованія *стрѣльцовъ* приняли они названіе *надворной пѣхоты*. Дерзость свою простерли до того, что назначили лазутчиковъ для примотра за происходившимъ во дворцѣ и въ самыхъ комнатахъ Царей.

Удача сихъ мятежей имѣла вліяніе и на старовѣровъ, распространившихся въ Москвѣ; у нихъ было много последователей между стрѣльцами, и они воспользовались слабо-

(*) Вотъ титулъ царскій, употребляемый по внутреннему управленію: *Божією милостію Великіе Государи, Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и Великая Государыня Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы*; а по вѣшнимъ сношеніямъ съ иностранными Державами упоминали только однихъ Царей. На медаляхъ и монетахъ съ одной стороны изображались оба Царя, а съ другой одна Царевна въ парфирѣ, коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ.

стію правительства. Однажды окруживъ Успенскій храмъ, когда Патріархъ Іоакимъ совершалъ служеніе, они потребовали торжественнаго пренія о вѣрѣ. Софія Алексѣевна, зная что старовѣры имѣли на своей сторонѣ многихъ стрѣльцовъ и опасаясь новаго мятежа, не имѣя средствъ силою обуздать мятежниковъ, рѣшилась явно доказать нелѣпость лжеученія старообрядцевъ, приняла отъ нихъ челобитную и повелѣла Патріарху ее разсмотрѣть. По сему случаю созванъ былъ соборъ изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ подъ предѣдательствомъ самой Софіи Алексѣевны. Начальники старовѣровъ были туда призваны. Духовныя лица разсмотрѣли каждый пунктъ и безъ труда опровергли всѣ ихъ ясныя и неоспоримыя доказательства. Одинъ изъ ересіарховъ, Никита Пустосвятъ, видя сколь ученіе его было слабо, до того озлобился на ревностнаго защитника православія Аѳанасія Епископа Холмогорскаго, что бросился на него и едва не задушилъ его. Неистовство сіе и справедливыя укоризны образумили многихъ изъ стрѣльцовъ, убѣдившихся въ безразсудности Никиты; они сами переловили многихъ изъ его сообщниковъ, а онъ былъ повѣшенъ.

Петръ Алексѣевичъ, по молодости своихъ лѣтъ, не могъ принимать участія въ дѣлахъ, да къ тому же и Царевна Софія Алексѣевна старалась его отъ оныхъ удалять. Онъ обыкновенно жилъ съ Царицею матерью своею близъ Москвы въ селѣ Преображенскомъ (*). Въ числѣ наставниковъ его былъ

(*) Первое распоряженіе касательно воспитанія Петра Алексѣевича было сдѣлано на пятомъ году его возраста братомъ Царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ, избравшимъ къ нему въ учителя Челобитнаго Приказа дьяка Никиту Моисеевича Зотова. Царь Θεодоръ приказалъ духовнику и учителю своему Симеону Полоцкому освидѣтельствовать его въ правильномъ разумѣніи писанія и чтенія и въ прочемъ до должности учителя касающемся, и по одобреніи опредѣ-

знаменитый Лефортъ, вступившій въ русскую службу еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; Тиммерманъ преподавалъ ему геометрію и фортификацію. Петръ понималъ съ большою быстротою; любознание его было чрезвычайно: онъ безпрестанно спрашивалъ бояръ и находившихся въ русской службѣ иностранныхъ офицеровъ о разныхъ предметахъ до наукъ касающихся. Любимая забава его состояла въ военныхъ экзерциціяхъ. Наталья Кириловна, еще во время Θεодора Алексѣевича имѣла многочисленный штатъ, такъ что однихъ стольниковъ считалось при ней 102. Дѣти сихъ придворныхъ были первые, съ которыми Петръ упражнялся въ военномъ искусствѣ, ихъ называли *потѣшными*, потому что они набраны были для увеселенія его и раздѣляли съ нимъ дѣтскія игры. Изъ потѣшныхъ сихъ Лефортъ сформировалъ роту, обмундированную и обученную по-европейски, и былъ ея начальникомъ. Офицерами въ ней были тоже иностранцы. Самъ Петръ, желая подать собою примѣръ дисциплины, началъ въ ней службу барабанщикомъ. Софія Алексѣевна, весь Дворъ и стрѣльцы присутствовали иногда при экзерциціяхъ потѣшныхъ и забавлялись сими увеселеніями юного Царя, не предвидя, что потѣшная рота была началомъ уничтоженія стрѣльцовъ. Число потѣшныхъ все увеличивалось и въ послѣдствіи Петръ составилъ изъ нихъ два гвардейскіе полка: Преображенскій и Семеновскій. Любимцами его были иностранцы, товарищи по сей ротѣ; они безъ

лили его къ Царевичу учителемъ. Зотовъ не имѣлъ большихъ познаній и не зналъ иностранныхъ языковъ, но зналъ основательно отечественный, имѣлъ свѣдѣнія въ исторіи, особенно руссiйской, и, при хорошихъ свойствахъ души, былъ чрезвычайно усерденъ въ обученіи Царевича; онъ преподавалъ ему уроки и въ Законѣ Божіемъ. По другимъ же частямъ образованія были употреблены иностранцы.

сомнѣнія старались его отклонять отъ нѣкоторыхъ невѣжественныхъ обычаевъ и предразсудковъ, тогда въ Россіи существовавшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили ему первыя понятія о художествахъ, о правленіи и военной дисциплинѣ образованныхъ народовъ. То, что въ глазахъ Софіи должно было вредить Петру въ народномъ мнѣніи и давало ей надежду устроить его со временемъ отъ престола—было приготовленіемъ къ его величію и его славѣ. Ни Софія Алексѣевна, ни прозорливый ея любимецъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, не могли предвидѣть сихъ послѣдствій. Надѣясь на недолговѣчность Іоаннову, они думали только о склоненіи его къ браку, отъ котораго могъ произойти наслѣдникъ, и слѣдственно для нихъ возможность—продолжать правленіе государствомъ. Іоаннъ, вынужденный своей сестрою, сочетался бракомъ 9-го января 1684 года съ Параскевіею Теодоровною Салтыковой, славившеюся красотою необыкновенной.

Между тѣмъ Царевна Софія раскаявалась въ предоставленной излишней свободы стрѣльцамъ, которые не довѣряли и ей, окруживъ ее своими лазутчиками. Она знала, что дерзость ихъ имѣла опору въ начальникъ ихъ Князь Хованскомъ; онъ хотя и былъ обязанъ ей своимъ значеніемъ, но, гордясь привязанностію къ себѣ стрѣльцовъ, не очень дорожилъ ея покровительствомъ, и, какъ носилась молва, думалъ, даже овладѣть верховною властію.

Дворъ тогда имѣлъ пребываніе въ Коломнѣ. Однажды у воротъ дворца пайдено объявленіе, въ которомъ было изъяснено, что Хованскій, его сынъ и стрѣльцы составили заговоръ для убіенія Царей, ихъ семейства, бояръ и Патріарха. Дворъ, для безопасности своей, равно какъ и Софія Алексѣевна, удалилась въ Троицкій монастырь, давъ приказаніе собрать сколько возможно было вооруженныхъ людей.

Повсюду были посланы гонцы для призванія вѣрныхъ престолу сановниковъ и войска. Софія Алексѣевна, уже сама опасавшаяся стрѣльцовъ, рѣшилась нанести имъ рѣшительный ударъ: послала за Хованскимъ подъ предлогомъ совѣщанія о важномъ дѣлѣ. Онъ давно уже не являлся ко двору, и зная, что имѣетъ сильныхъ враговъ, не удалялся отъ своихъ стрѣльцовъ; но въ этомъ случаѣ не осмѣлился послушаться и явнымъ сопротивленіемъ дать поводъ къ совершенному обвиненію себя. Едва отѣхалъ онъ 20 верстъ отъ Москвы, какъ его схватили; сынъ его былъ взятъ въ имѣніи своемъ близъ столицы; ихъ привезли въ Троицкій монастырь. Софія Алексѣевна, виновница возвышенія Хованскаго, произнесла ему, не наряжая суда, смертный приговоръ. Онъ и сынъ его были обезглавлены 17-го сентября 1683 г. Нѣкоторые изъ мятежныхъ стрѣльцовъ, приставленные для надзора за дворомъ, были также казнены.

Стрѣльцы, узнавъ, что Хованскіе схвачены, собрались вооруженные, начали бить въ набатъ и взяли изъ арсенала пушки, порохъ и все оружіе, тамъ находившееся, намѣреваясь для расправы идти въ Троицкій монастырь. Зиновьевъ, посланный отъ Царей къ Патріарху съ письмомъ, едва не былъ ими убитъ. Они заставили прочесть въ слухъ это письмо, и узнавъ, что Хованскій казненъ, вскричали: «пойдемъ, умертвимъ бояръ!» Они грозили ужасною местию за своего начальника; но когда узнали, что дворъ принялъ для защиты своей нужныя мѣры и не только не страшится ихъ, но даже требуетъ къ себѣ главнѣйшихъ изъ мятежныхъ стрѣльцовъ,—они пришли въ уныніе и наконецъ въ отчаяніе. Передъ тѣмъ, нетерпѣливо желавшіе отмстить за смерть любимаго ими начальника—они вдругъ обрекли сами себя на смерть; покинули оружіе, пошли повергнуться въ раскаяніи къ престолу Божію и со слезами пріобщились святыхъ

таинъ. Простясь съ семействами своими, они отправились въ Троицкій монастырь съ повинною, признавая себя достойными наказанія. Самы понесли для казни своей орудія: веревки, плахи, топоры. Приближеніе ихъ къ монастырю возвѣстилось рыданіями, воплями раскаянія. Большая часть главныхъ бунтовщиковъ были казнены.

Усмиривъ стрѣльцовъ, Софія Алексѣевна занялась государственными дѣлами по внутреннему управленію и по вѣшнимъ сношеніямъ. Въ полезныхъ постановленіяхъ своихъ для общественнаго благоустройства, она явила умъ свѣтлый и обширный; помощникомъ ей былъ любимецъ ея Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, государственный человѣкъ съ отличными дарованіями и свѣдѣніями. Вліяніе Россіи при Софѣ Алексѣевнѣ въ государства имѣло уже значеніе.

Римскій Императоръ Леопольдъ, Польша и Венеціанская Республика были въ войнѣ съ Портою. Хотя Янъ Собѣскій разбилъ Турокъ у стѣнъ Вѣны и вытѣснилъ ихъ изъ владѣній Императора, но война перешла на берега Дуная и вся тяжесть ея лежала на Польшѣ. Силы Османской Порты еще были очень опасны; помянутыя три союзныя Державы хотѣли нанести ей рѣшительный ударъ; для сего желали они подкрѣпить себя помощію Русскаго Двора, котораго содѣйствіе могло быть имъ тѣмъ полезнѣе, что Польша, бывъ покойна со стороны Россіи, могла обратить все свои силы противъ Турокъ. Переговоры между Россіею и Польшею продолжались около двухъ лѣтъ. Голицынъ нарочно медлилъ, выказывая притворное равнодушіе, чтобы желаемый Польшею съ нами союзъ заключить на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, т. е. чтобы Польша окончательно припала за Россіею Кіевъ и земли, на которыя изъявляла прязанія въ силу Андрусовскаго перемирія. Некусныя дѣйствія Голицына имѣли полный успѣхъ. Долго Янъ Собѣскій не соглашался на требо-

ванія Московскаго Двора, лаская себя склонить его на свою сторону; но наконецъ долженъ былъ уступить необходимости: 26-го апрѣля 1686 года заключенъ въ Москвѣ миръ съ Польшею, по которому Цари признаны обладателями Смоленска, Дорогобужа, Краснаго, Рославля, городовъ сѣверскихъ, всей Малороссіи по лѣвому берегу Днѣпра и Кіева; Польша позволила свободное исповѣданіе своимъ подданнымъ, принадлежавшимъ къ Греко-Россійской вѣрѣ, а Греко-Россійскому духовенству дозволено ѣздить въ Кіевъ для посвященія отъ тамошняго Митрополита. Миръ этотъ, заключеніемъ котораго Россія обязана Князю В. В. Голицыну, утвердилъ окончательно перевѣсъ Россіи надъ Польшею; Король Янъ Собѣскій, подтверждая его въ Львовѣ, не могъ удержаться отъ слезъ.

Въ силу одной статьи этого договора, Россія заключила союзъ оборонительный и наступательный съ Дворами Вѣнскимъ, Польскимъ и Республикою Венеціанскою противъ Турокъ, въ чемъ состояла вся обязанность, принятая Россіею. Софія Алексѣевна, помышлявшая и о пріобрѣтеніи своему правленію блеска побѣдъ, приказала, въ исполненіе упомятой статьи, приготовить противъ крымскихъ Татаръ огромное войско, состоявшее изъ 200,000 человекъ. Главное начальство надъ онымъ поручено Князю В. В. Голицыну (1687).

Онъ дошелъ съ своею арміею на разстояніе 15 верстъ отъ Перекопа; на пути разбилъ нѣсколько татарскихъ отрядовъ, взялъ у нихъ пушки, знамена и плѣнныхъ. Татары же, опустошивъ сіи земли, ушли на полуостровъ. Голицынъ хотѣлъ проникнуть и туда, но совершенный недостатокъ въ фуражѣ былъ главнымъ къ тому препятствіемъ, ибо большая часть его войска состояла изъ конныхъ казаковъ. Въ

память сего похода, впрочемъ неудачнаго, была выбита медаль; предводитель и войско щедро награждены.

Въ слѣдующемъ 1688 году, Голицынъ опять выступилъ противъ Татаръ, хотя Петръ Алексѣевичъ весьма тому противился. Впрочемъ походъ былъ небезполезенъ: онъ воспрепятствовалъ Татарамъ сдѣлать преднамѣреваемый ими набѣгъ на Украйну. Голицынъ, встрѣтя ихъ, далъ сраженіе кровопролитное, но нерѣшительное для обѣихъ сторонъ. Онъ опять былъ щедро награжденъ, а негодованіе Петра на него за походы эти усиливалось.

Между тѣмъ приверженцы Петра Алексѣевича давали ему чувствовать о необходимости вступить въ бракъ, чтобы имѣть надежду упрочить наслѣдіе престола въ потомствѣ своемъ. Слѣдуя сему совѣту, онъ сочетался бракомъ 27-го января 1689 года съ Евдокіей Осодоровной Лопухиной, дочерью окольного Оедора Алексѣевича Лопухина, бракъ не благополучный по несходству образа мыслей и характера супруговъ. Отъ сего брака черезъ годъ (19-го февраля 1690 г.) родился Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Тогда Петру было 17 лѣтъ. Онъ чувствовалъ свое великое назначеніе и, зная свои права, съ досадою видѣлъ, что, не смотря на его многократныя требованія, честолюбивая Софія Алексѣевна не хочетъ сложить съ себя правленія государствомъ. Одинъ изъ двухъ соперниковъ долженъ былъ уступить другому: по праву и по достоинству — торжество въ сей борьбѣ принадлежало Петру. Неудача крымскихъ походовъ была поводомъ къ совершенному между ними разрыву; сверхъ того Царевна вооружила брата своего противъ себя тщеславіемъ, присвоивая себѣ всѣ наружные знаки власти. Петръ требовалъ наконецъ, чтобы она не являлась народу въ торжественные дни. Тутъ Царевна рѣшилась употребить преступную мѣру, чтобы упрочить за собою власть.

Шакловитый, опредѣленный ею начальникомъ Стрѣleckаго Приказа, взялся убить Петра. Злодѣйскій умыселъ былъ открытъ двумя сообщниками Шакловитаго, которые въ раскаяніи во всемъ признались. Царица Наталья Кириловна, отвезла сына своего въ Троицкій монастырь, куда за Петромъ послѣдовали всѣ вѣрные долгу и присягѣ. Послали за войскомъ въ города; стрѣleckій полкъ Сухарева, вѣрный Петру, первый явился на защиту его.

Шакловитый, не зная, что злоумышленіе его открыто, пришелъ въ село Преображенское; но не найдя тамъ Петра, догадался, что намѣреніе его уже сдѣлалось извѣстнымъ. Софія Алексѣевна, узнавъ тоже, что братъ ея Царь Петръ Алексѣевичъ выѣхалъ изъ села Преображенскаго, гдѣ обыкновенно жилъ, и находится въ Троицкомъ монастырѣ, выразила, какъ и другіе, свой ужасъ противъ преступнаго замысла. Зная, что она въ подозрѣніи, обратилась къ Патріарху, жаловалась на несправедливыя обвиненія, увѣряя въ своей невинности и убѣдила его ѣхать къ брату Петру Алексѣвичу, чтобы успокоить его и вывести изъ заблужденія. Тронутой ея просьбами, Патріархъ обѣщалъ свое посредничество и отправился въ Троицкій монастырь. Но тамъ удостовѣрился неоспоримыми доказательствами, что виновницею заговора была Софія Алексѣевна, а Шакловитый избранъ ею для его исполненія. Патріархъ остался въ Троицкомъ монастырѣ и не послалъ къ ней даже отвѣта. Устрашенная Софія поѣхала сама къ брату для оправданія себя, но на дорогѣ получила приказаніе возвратиться въ Москву. Всѣми оставленная и видя невозможность смягчить брата, она пыталась уйти въ Польшу, но и въ этомъ не имѣла успѣха. Ее взяли 7-го сентября 1689 г. и отвезли въ Новодевичій монастырь, гдѣ она провела остальные дни своей жизни.

Такимъ образомъ окончила свое политическое поприще умная, но честовлюбивая и коварная Софія Алексѣевна. Семилѣтнее правленіе ея, въ теченіе котораго она оказала великія услуги государству, свидѣтельствуетъ о глубокомъ умѣ и способностяхъ ея: она приняла мѣры для введенія лучшаго порядка въ судопроизводствѣ, вообще по внутреннему управленію и для народнаго образованія, любила просвѣщеніе и занималась словесностію; не зная иноземныхъ языковъ, приказывала переводить для себя иностранныя книги; занималась театромъ: по повелѣнію ея были переведены нѣкоторыя изъ Мольеровыхъ комедій и игры въ присутствіи ея. Самъ Петръ отдавалъ справедливость еяуму и отзывался, что, безъ чрезмѣрнаго честолюбія ея, онъ могъ бы найти въ ней полезную помощницу въ трудахъ своихъ.

Вмѣстѣ съ заключеніемъ Царевны Софіи послѣдовало паденіе любимца ея Князя Василья Васильевича Голицына. Онъ сопровождалъ ее въ Троицкій монастырь для примиренія съ братомъ ея, Царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и на пути взять подъ стражу. Онъ неминуемо подвергся бы смертной казни, еслибъ за него не просилъ родственникъ его, Князь Борисъ Алексѣвичъ Голицынъ, бывшій наставникомъ и любимцемъ Петра.

Весьма жаль, что Князь Василій Васильевичъ былъ на сторонѣ Царевны Софіи и имѣлъ участіе въ ея злоумышленіяхъ; при способностяхъ своихъ, обширномъ и дѣльномъ умѣ, онъ могъ бы быть дѣятельнымъ помощникомъ великому нашему Преобразователю и полезнымъ для государства, которому уже оказалъ столько важныхъ заслугъ. Еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ онъ служилъ съ отличіемъ; потомъ, по его совѣту и подъ его руководствомъ, при Θεодорѣ Алексѣевичѣ уничтожено мѣстничество. Онъ по своему времени имѣлъ образованіе необыкновенное: зналъ нѣмецкій,

греческій и латинскій языки, а на послѣднемъ даже свободно говорилъ. Любя науки и вообще просвѣщеніе, онъ приглашалъ въ Россію образованныхъ иностранцевъ и покровительствовалъ имъ.

Конецъ сего государственнаго мужа былъ плачевный: послѣ того величія, до котораго достигъ онъ при Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, онъ былъ лишенъ боярскаго званія, всего имѣнія (*) и сосланъ съ женою и дѣтьми въ городъ Яренскъ, потомъ въ Пустозерскій острогъ и наконецъ въ Пинегу, гдѣ скончался 13-го марта 1713 года, имѣя около 80 лѣтъ отъ роду.

Шакловитый и его соучастники получили достойную казнь.

Злоумышленіе Софіи Алексѣевны возбудило сильное негодованіе противъ нея въ Іоаннѣ Алексѣевичѣ. Онъ предоставилъ правленіе государствомъ брату своему. Съ этого времени Петръ сдѣлался самодержавнымъ и носилъ одинъ званіе Царя, но сохранялъ неизмѣнное уваженіе къ Іоанну и даже, можетъ быть изъ приличія, совѣтовался съ нимъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Впрочемъ, добродушный Іоаннъ, отказавшись отъ престола, который занималъ не принимая участія въ правленіи, отказался въ самомъ дѣлѣ только отъ титула и прожилъ мирно до 1696 года.

(*) Изъ движимости у него найдено въ сундукѣ, спрятанномъ въ погребѣ, 100 тысячъ червонныхъ и 400 пудовъ серебряной посуды.

ГЛАВА VII.

ЕДИНОДЕРЖАВІЕ ПЕТРА.

Его страсть къ военному искусству. — Начало флота. — Осада и взятіе Азова. — Янсенъ. — Заговоръ Циклера. — Неустрашимость Царя. — Онъ отправляетъ посланниковъ въ разныя иностранныя земли и самъ находится въ свитѣ. — Пребываніе Царя въ Ригѣ. — Онъ пріѣзжаетъ въ Голландію; изучаетъ тамъ построеніе судовъ, потомъ отправляется въ Англію и Германію. — Новый стрѣлецкій бунтъ. — Возвращеніе Царя въ Москву. — Казнь стрѣльцовъ. — Уничтоженіе стрѣleckаго войска. — Внутреннія преобразованія.

1688 — 1700.

Петръ принялъ единодержавіе на 18-мъ году отъ рожденія (1688). Страстный къ военному искусству, онъ не переставалъ упражняться съ своими потѣшными. Страсть эта проявилась въ немъ съ самыхъ младенческихъ лѣтъ; слѣдующій анекдотъ служить тому доказательствомъ. На третьемъ году его возраста, въ день тезоименитства его, одинъ купецъ поднесъ ему маленькую саблю; Царевичъ смотрѣлъ на всѣ другіе подарки равнодушно, но саблю принялъ съ такою радостію, что велѣлъ купцу приподнять себя, поцѣловалъ его въ голову, спросилъ о имени и прозваніи и сказалъ, что будетъ его помнить; Царя же родителя своего (это происходило при Алексѣѣ Михайловичѣ) просилъ пожаловать купца

и себя опоясать тою саблею. Царь, въ удовольствіе ему, пожаловалъ купца гостемъ, а саблею, по прочтеніи духовникомъ молитвы, его опоясалъ. Потомъ уже не могли съ него снять этой сабли и онъ верѣдко засыпалъ съ нею.

Лефорть, его любимецъ, возбуждалъ еще болѣе въ немъ склонность къ военному искусству, самъ любя оное страстно и имѣя по сей части свѣдѣнія, ибо до пріѣзда своего въ Россію служилъ во Франціи въ королевской гвардіи, а потомъ въ Голландіи. Вскорѣ экзерциціи потѣшныхъ были недостаточны для Петра: онъ приказалъ выстроить крѣпостцу, чтобы упражняться въ оборонѣ и нападеніи на оную. Занятіе это было однимъ изъ любимѣйшихъ для него; но случай представилъ ему другое, для него вовсе новое — мореходство, обратившееся наконецъ въ страсть. Осматривая въ селѣ Измайловскомъ хранившіяся тамъ старыя вещи, онъ нашелъ шлюбку. Обративъ на нее свое вниманіе, онъ спросилъ у находившагося съ нимъ его фортификаціоннаго учителя Тиммермана, почему шлюбка эта была построена иначе, чѣмъ видѣныя имъ до того времени. Тиммерманъ объяснилъ, что шлюбка эта была авглійская для плаванія на парусахъ. Любопытство Петра сильно возбуждилось; онъ пожелалъ видѣть ее ходъ. Старожилы ему сказали о Брандтѣ, призванномъ въ Россію изъ Голландіи еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ для построенія судовъ, назначаемыхъ для плаванія по Каспійскому Морю. Послали искать Брандта, нашли его и привели къ Царю. Брандтъ, забытый жилъ въ уединеніи, потому что постройка сихъ судовъ давно прекратилась; лишенный сего занятія, онъ сдѣлался столяромъ. Съ радостію принялся онъ за прежнее ремесло: починилъ шлюбку, поставилъ на нее мачту съ парусами и въ присутствіи Монарха поѣхалъ въ ней по Яузѣ. Петръ тотчасъ послѣдовалъ его примѣру, но вскорѣ, наску-

чивъ плаваніемъ по маленькой рѣчкѣ, приказалъ перенести плюбку на прудъ. Потомъ уже захотѣлъ ѣхать по большому пространству воды и на большемъ судѣ. Усильными просьбами убѣдилъ онъ родительницу свою переѣхать съ Дворомъ въ Переяславль-Залѣсскій. Тамъ, по его приказанію, построили маленькую флотилію и спустили ее на озеро Клешино, гдѣ Петръ упражнялся на ней нѣсколько лѣтъ въ плаваніи. Лефортъ былъ назначенъ адмираломъ этой флотиліи. Наконецъ, по кончинѣ Царицы Натальи Кириловны (1694), которая всегда беспокоилась, видя поѣздки сына своего по водѣ, онъ поѣхалъ въ Архангельскъ и на купеческихъ судахъ ѣздилъ по Бѣлому Морю въ бурное время, подвергая жизнь свою опасности. Должно замѣтить, что Петръ до 14-го года своей жизни чувствовалъ необыкновенный страхъ при видѣ воды, но великій во всемъ, онъ умѣлъ побѣдить самого себя, превозмогъ свою врожденную боязнь и потомъ удивлялъ своимъ безстрашіемъ на водѣ (*).

(*) Истребленіемъ отвращенія къ водѣ Петръ обязанъ дядькѣ своему, Князю Борису Алексѣевичу Голицыну. Вотъ какъ рассказываетъ о семъ Голицовъ въ *Дѣлніяхъ Петра Великаго*: «Царевичъ «Петръ, имѣя только 5 лѣтъ отъ роду, былъ испуганъ однажды «сонный вошедшею водою въ карету родительницы его, Царицы «Натальи Кириловны во время набожнаго ея путешествія съ августѣйшимъ младенцемъ. Сильное впечатлѣніе, оставшееся отъ испуга, до такой степени въ немъ вкоренилось, что на 14-мъ году «возраста не могъ онъ видѣть равнодушно рѣку, озеро, даже «прудъ. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, занимавшій при «немъ мѣсто дядки, желая истребить въ Государѣ страхъ, непри- «личный высокому сану его, прогуливаясь вмѣстѣ съ нимъ, напра- «вилъ путь къ берегамъ Истры. Увидя рѣку, Монархъ остановилъ «коня своего: «*Куда завезъ ты меня?*» спросилъ онъ Князя. «— «Къ рѣкѣ,» отвѣчалъ Голицынъ; «ты видишь, Государь, какъ утоми- «лись лошади, запыхались люди. Лошадямъ нужно отдохнуть, прохла-

По договору 1686 года Россія обязалась помогать Польскому Королю Яну Собѣсскому въ войнѣ его съ Турками. Безполезные два крымскіе похода Голицына не отвлекли турецкихъ силъ отъ Польши, а потому Король Польскій неотступно просилъ объ исполненіи московскаго договора. Петръ охотно согласился, желая испытать въ бояхъ образуемый имъ на европейскій манеръ войска и имѣя наиболѣе въ виду достигнуть плаванія по Черному Морю. Опъ вознамѣрился осадить Азовъ, и для сего велѣлъ построить въ Воронежѣ флотъ, который оттуда по Дону могъ выйти въ Черное Мо-

«даться, а людямъ вымыться. Родитель твой часто сіе дѣлалъ и въ сей рѣчкѣ самъ купался.» Потомъ, не дождавшись отвѣта, переѣхалъ оную; между тѣмъ какъ вся свита, по данному предварительному приказу, раздѣлась въ мигъ и очутилась въ водѣ. Сначала Монархъ досадовалъ, но когда Князь, съ другаго берега, началъ приглашать его къ себѣ, не желая обпаружить робости своей, Петръ сдѣлалъ надъ собою нѣкоторое насиліе, осмѣлился вѣхаться въ рѣку, переправился черезъ оную и отъ сего переѣзда онуютиль уже въ себѣ нѣкое удовольствіе.»

Князь Борисъ Алексѣевичъ, какъ дядька Петра Великаго, и по достоинствамъ своимъ заслуживаетъ вниманія. Онъ родился 20 іюля 1641 года. Въ 1689 г. по проискамъ Нарышкиныхъ, увѣрившихъ юнаго Монарха, будто Князь Борисъ Алексѣевичъ былъ за одно съ своимъ родственникомъ, Княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ, любимцемъ Царевны Софіи Алексѣевны, опъ былъ сосланъ, но ссылка его не долго продолжалась. Петръ возвратилъ его въ Москву, встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями и пожаловалъ бояриномъ. Находясь судьей Казанскаго Приказа, Голицынъ 30 лѣтъ завѣдывалъ Казанскою и Астраханскою губерніями, а во время перваго путешествія Петра Великаго засѣдалъ въ Совѣтѣ, управлявшемъ государствомъ. Въ 1713 г. онъ постригся въ монахи за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины своей, послѣдовавшей 18 октября того же года. Князь Борисъ Алексѣевичъ имѣлъ хорошее образованіе; зналъ греческій и латинскій языки.

ре (1695). Но, потерпѣливо желая начать военныя дѣйствія, онъ не дождался окончанія постройки кораблей, и поспѣшность эта была причиною неудачи похода. Петръ составилъ двѣ арміи: одна во 100 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Шереметева, пошла вдоль Днѣпра и безъ труда овладѣла турецкими крѣпостцами на Лиманѣ. Другая, гораздо многочисленнѣе, въ коей находились два гвардейскіе полка и стрѣльцы, была отправлена для осажденія Азова и поручена Шепну; при ней находился самъ Царь въ званіи капитана Преображенскаго полка. Армія сія овладѣла двумя башнями, защищавшими переходъ черезъ Донъ; въ нихъ взяты пушки, порохъ и съѣстные припасы. По неимѣнію кораблей, можно было напасть на Азовъ только землею, а крѣпость между тѣмъ была моремъ снабжаема припасами и войскомъ. Въ русской арміи оказался недостатокъ въ провіантѣ; единственный хорошій инженеръ былъ въ ней пѣкто Яковъ Ясенъ; по какому-то неудовольствію этотъ иностранецъ перешелъ къ непріятелю, заколовъ наши пушки, и сдѣлался искуснымъ защитникомъ крѣпости, которую сперва осаждалъ. Русскіе выпущены были съ осады съ большою потерей людей и оставили въ двухъ взятыхъ башняхъ 3 т. человѣкъ для блокированія Азова во время зимы.

Петръ выписалъ изъ-за границы инженеровъ и канонировъ. Кончина Іоанна Алексѣевича, послѣдовавшая въ 1696 г., сократила расходы по двору: Петръ употребилъ деньги эти для потребностей военныхъ. Армія Шепна въ сей годъ (1696) опять осадилъ Азовъ, а самъ Царь съ Лефортомъ отправились на вновь сооруженномъ въ Воронежѣ флотѣ, состоявшемъ изъ двухъ линійныхъ кораблей и 30 другихъ военныхъ судовъ.

Осада сія была первая у Русскихъ правильная и даже съ искусствомъ веденая. Флотъ Турецкій не смѣлъ ничего пред-

принять. Крымскій султанъ Нурадинъ съ многочисленнымъ войскомъ дѣлалъ нападенія на русскій лагерь, чтобы подать помощь Азовскому гарнизону, но каждый разъ былъ разбиваемъ, съ большимъ для него урономъ. Между тѣмъ все было готово къ приступу, какъ крѣпостной комендантъ началъ переговоры о сдачѣ. Жители и гарнизонъ получили позволеніе выйти и вывести съ собою что могли, но съ условіемъ непременно выдать инженеръ Ясена (1696). Петръ приказалъ возстановить укрѣпленія; иностраннымъ инженерамъ поручено устроить портъ; русскія суда появились на Азовскомъ Морѣ и навели страхъ на Турокъ.

Наша армія, возвратясь, имѣла торжественный входъ въ Москву; Петръ хотѣлъ почтить тѣмъ заслуги воиновъ. Измѣнникъ Ясень находился въ числѣ трофеевъ; онъ былъ въ турецкомъ платьѣ и чалмѣ и стоялъ на телѣгѣ, запряженной четырьмя негодными лошадьми; надъ нимъ была поставлена висѣлица, къ которой онъ былъ прикованъ, имѣя на шеѣ петлю; по сторонамъ стояли два палача, лежали кнуты, петли и проч., а на головѣ его была изображена луна турецкая, а на груди надпись: *«злѣднѣи этотъ четырекратною перемѣною закона измѣнилъ Богу и всему народу.»* Ясень былъ повѣшенъ. Родомъ Нѣмецъ, онъ дослужился въ русской службѣ до чина гвардіи капитана; родился въ римско-католическомъ законѣ, потомъ перешелъ въ протестантскій; въ Россіи принялъ греко-россійскую вѣру; перешедъ къ Туркамъ въ Азовѣ, сдѣлался мусульманомъ.

Достигнувъ плаванія по Черному Морю, Петръ основалъ гавань Тагаврогъ, гдѣ заложилъ нѣсколько кораблей. Для облегченія доставки корабельныхъ лѣсовъ и для развитія промышленности, приказалъ вырыть каналъ отъ Пловли до Камышенки для соединенія Дона съ Волгою. Порта съ опасеніемъ видѣла Русскихъ, обладающихъ Азовскимъ Моремъ,

не хотѣла въ то же время допустить ихъ до владычества берегомъ Чернаго Моря и дѣлала сильныя вооруженія; Петръ съ своей стороны принималъ дѣятельныя мѣры: приказалъ постропть въ Воронежѣ до 60 военныхъ судовъ, между которыми много линейныхъ кораблей и фрегатовъ; подтвердилъ наступательный союзъ съ Австріею и Венеціею и склонилъ Польшу дѣйствовать согласно съ его видами. Въ это время знаменитый Собѣскій окончилъ жизнь свою и Польша, по обыкновенію своему, была раздираема партіями. Версальскій Дворъ старался объ избраніи въ Короли Польскіе Французскаго Принца Контти, чего желала и Порта, надѣявшаяся чрезъ то, по союзу своему съ Франціею, возстановить Польшу противъ Россіи; но Петръ разрушилъ эти планы, приказавъ объявить сейму, что онъ противится избранію Принца Контти и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ сильный корпусъ подъ начальствомъ Князя Григорія Ромодановскаго на Литовскую границу для поддержанія партіи, хотѣвшей выбрать въ Короли Польскіе Курфюрста Саксонскаго Августа II. Дѣйствія Петра имѣли полный успѣхъ: Августъ утвердился въ Польшѣ и обѣщалъ дѣйствовать по прежнему противъ Турціи.

Внѣшнія дѣла не отвлекали Царя отъ главной цѣли: образованія своего народа. Обращая свое вниманіе на сей важный предметъ, Петръ не довольствовался тѣмъ, что выписывалъ иностранцевъ по разнымъ частямъ наукъ и художествъ; онъ хотѣлъ самъ видѣть и изучить образованныя земли, чтобы пріобрѣтенными имъ самимъ свѣдѣніями способствовать къ исполненію великаго своего плана. На сей конецъ вознамѣрился онъ совершить путешествіе въ заграничныя земли и выбралъ для сопутствованія себѣ молодыхъ людей изъ знатнѣйшихъ фамилій. По существовавшимъ тогда предразсудкамъ и давнему предубѣжденію противъ иностранцевъ, намѣреніе Царя не нравилось многимъ изъ этихъ

молодыхъ людей, особенно ихъ родителямъ; но воля Петра, видѣвшаго тутъ несомнѣнную пользу, была непоколебима. Отъѣздъ его былъ остановленъ на время неожиданнымъ случаемъ: окольный Соковинъ, думный дворянинъ Циклеръ и стольникъ Пушкинъ составили заговоръ съ тѣмъ, чтобы умертвить Петра, и произвести перемѣну въ правительствѣ. Къ счастью двое изъ заговорщиковъ открыли Петру объ ужасномъ противъ него умыслѣ. Онъ далъ приказаніе офицеру съ отрядомъ солдатъ прійти въ 11 часовъ въ домъ заговорщиковъ, намѣреваясь самъ туда пріѣхать и ихъ при себѣ захватить; но, забывъ о назначенномъ часѣ, пріѣхалъ туда получасомъ прежде въ сопровожденіи одного только денщика. Не найдя солдатъ у дома, онъ полагалъ, что они уже внутри онаго: вошелъ туда и увидѣлъ заговорщиковъ пирующихъ. Удивляясь, что не является еще офицеръ съ отрядомъ, онъ скрылъ свое недоумѣніе; являя свойственную ему неустранимость и присутствіе духа, сказалъ заговорщикамъ, что ѣхавъ мимо, увидѣлъ домъ освѣщенный не по обыкновенному и, предполагая, что они веселятся, вошелъ къ нимъ выпить. Они выпили за его здоровье; Царь отвѣчалъ каждому. Спустя нѣсколько времени одинъ изъ заговорщиковъ тихо сказалъ: «пора!»—«Нѣтъ еще,» отвѣчалъ другой. Петръ, услышавъ сіи слова, гнѣвно всталъ съ своего мѣста. «Если тебѣ не пора совершить злодѣяніе,» вскричалъ онъ хозяину, «то мнѣ пора наказать тебя!» Заговорщики были поражены страхомъ. Царь приказалъ денщику и самимъ имъ помочь ему перевязать ихъ. Между тѣмъ явился офицеръ съ солдатами; злоумышленники пали къ ногамъ Царя и признались въ своемъ злодѣйскомъ намѣреніи. Они были жестоко наказаны.

Хотя спокойствіе еще не было совершенно водворено и присутствіе Царя было нужно въ государствѣ, но, нетерпѣ-

ливо желая видѣть образованія европейскія государства, онъ рѣшился отправиться за границу. Послами были назначены Лефортъ, Головинъ и Возницынъ. При нихъ находилась свита изъ 200 человекъ и въ числѣ оной самъ Петръ подъ именемъ урядника Преображенскаго полка Петра Михайлова. Петръ и Лефортъ были только въ такъ называемомъ нѣмецкомъ платьѣ; всѣ прочіе, составлявшіе сіе посольство, сохраняли еще русскую одежду. На собольихъ ихъ шапкахъ блестѣли жемчуги и брилліанты.

Въ отсутствіе свое Царь поручилъ бразды Правленія совету бояръ подъ предѣдательствомъ Князя Осодора Юрьевича Ромодановскаго, давъ ему титулъ Кесаря. Для охраненія Москвы оставлены тамъ два гвардейскіе полка съ корпусомъ Гордона; сему генералу поручено было главное начальство надъ всѣми войсками въ столицѣ.

Посольство это отправилось предъ наступленіемъ весны 1697 г. Имѣя намѣреніе ѣхать черезъ Ливонію, тогда принадлежавшую Швеціи, Петръ сообщилъ о томъ Гинперу Кропу, шведскому министру въ Москвѣ; но предосторожность сія не отвратила непріятностей, ожидавшихъ тамъ Петра. Въ силу старыхъ договоровъ, между Россією и Швецією заключенныхъ, послы обоюдныхъ державъ должны были быть принимаемы съ почестію на границѣ, везены на счетъ двора, получать квартиры, столъ и фуражъ для лошадей. Напротивъ того, послы русскіе были встрѣчены на границѣ простымъ дворяниномъ, посланнымъ болѣе для того, чтобы присматривать за Русскими, чѣмъ оказывать посламъ уваженіе и удовлетворять потребностямъ ихъ. Грубый этотъ человекъ даже не взялъ на себя труда скрыть данное ему порученіе. Претерпѣвая всѣ непріятности, которымъ подвергаются самые незначачіе путешественники, Петръ и послы ласкали себя надеждою, что имъ окажутъ болѣе вниманія въ Ригѣ; по

тамъ имъ даже воспретили въѣздъ въ городъ; посольство принуждено было помѣститься въ дурномъ домикѣ предмѣстїя; явилась стража и окружила домъ: предмѣстїе наполнилось войскомъ; въ городѣ число солдатъ было удвоено, на укрѣпленїяхъ были поставлены пикеты; разъѣзжали патрули, какъ будто бы непрїятель былъ у стѣнъ города. Рижскій губернаторъ Графъ Дальбергъ и не посѣтилъ посольства.

Между тѣмъ необходимо было сдѣлать разныя покупки и при наступающей веснѣ оставить сани, чтобы купить лѣтнія повозки; для закупокъ сихъ надобно было идти въ городъ. Губернаторъ не позволилъ болѣе шести человѣкамъ въ одно время туда входить и съ тѣмъ, чтобы не оставаться тамъ болѣе двухъ часовъ, и не приближаться къ укрѣпленїямъ. Для точнаго исполненїя сего приказанїя были приставлены фузелеры къ Русскимъ, приходившимъ въ городъ. Царь далъ знать о своемъ присутствїи, но за нимъ присмотръ былъ еще строже.

Онъ желалъ осмотрѣть укрѣпленїя города, хотя поверхностно; чтобы имѣть предлогъ для сего, онъ изъявилъ намѣренїе видѣть голландскїе корабли, въ портѣ стоявшїе, и навѣять одинъ изъ нихъ; но на дорогѣ ведущей туда, для всѣхъ другихъ свободной, поставили пикеты, которые не пускали Русскихъ, грозя выстрѣлами. Такъ какъ не было другой дороги къ кораблямъ, то наконецъ имъ позволили; но на слѣдующій день Дальбергъ приказалъ сказать Лефорту, что если кто изъ посольства его нарушитъ данныя имъ приказанїя, то онъ прикажетъ по немъ стрѣлять. Царь перѣхалъ въ шлюбкѣ черезъ Двину съ большимъ трудомъ, потому что она была покрыта льдомъ, и прибылъ въ Митаву, гдѣ выждалъ свое посольство, остававшееся еще въ Ригѣ для закупки экипажей.

Герцогъ Курляндскій привѣлъ Царя съ должною почестью;

въ Кенигсбергъ Курфирстъ Бранденбургскій тоже, выказавъ всю пышность своего Двора. Петръ съ большимъ вниманіемъ осматривалъ все любопытное; въ Пруссіи особенно вникалъ онъ въ военную часть, славившуюся по своему устройству; потомъ поѣхалъ въ Голландію, опередивъ свое посольство. Во время этого путешествія, однажды за обѣдомъ, разгорячась противъ друга своего Лефорта, онъ обнажилъ шпагу; но тотчасъ придя въ себя, просилъ у него прощенья. Такъ пылкій Петръ умѣлъ укрощать самого себя и сознать себя виновнымъ!

Любознание его получило сильную пищу въ Голландіи при видѣ этого промышленнаго и образованнаго народа. Любопытство его пожирало все достойное вниманія: плотины, ограждающія неизменную почву отъ яростныхъ волнъ морскихъ, каналы, многочисленныя фабрики, гавани, наполненныя кораблями, приходящими изъ отдаленнѣйшихъ странъ міра по необозримому пространству морей, богатство трудолюбиваго народа, вообще внутреннее благоустройство сей земли. Онъ рѣшился остаться съ Голландіи на продолжительное время, чтобы пріобрѣсть необходимыя ему свѣдѣнія, и полюбить жителей ея болѣе другихъ народовъ.

Для усовершенствованія себя въ кораблестроеніи, онъ отправился изъ Амстердама въ Заандамъ, одну изъ главнѣйшихъ верфей Голландіи, содѣлавшуюся знаменитою его пребываніемъ. Пріѣхавъ туда съ десятию дворянами своей свиты, въ числѣ коихъ былъ и любимецъ его Меншиковъ, Царь записался тамъ плотникомъ подъ именемъ Петра Михайлова, и въ одеждѣ простаго работника самъ починавалъ себѣ платье и заштопывалъ чулки. Тутъ съ находившимися при немъ молодыми русскими занимался онъ изученіемъ кораблестроенія съ такимъ успѣхомъ, что черезъ двѣ недѣли заслужилъ званіе мастера; самъ работалъ съ топоромъ въ рукѣ

при постройкѣ корабля, названнаго «Петръ и Павелъ», который по изготовленіи былъ отправленъ въ Архангельскъ. Въ то же самое время какъ плотникъ Петръ Михайловъ изучалъ построение судовъ, онъ отправилъ приказаніе своей украинской арміи быть въ готовности къ выступленію въ походъ для поддержанія выгодъ Августа, Курфирста Саксонскаго, противъ партіи Принца де Конти, по поводу избирания новаго Короля Польскаго. Изъ Заандама Петръ поѣхалъ въ Гагу, гдѣ имѣлъ свиданіе, приватное, безъ всякаго этикета, съ Королемъ Англійскимъ, Статудеромъ Соединенныхъ Штатовъ Вильгельмомъ III, глубокимъ политикомъ и искуснымъ, но несчастнымъ полководцемъ. Въ видѣ простаго зрителя присутствовалъ Царь при аудіенціи своихъ пословъ (1697). Церемонія сія была тѣмъ великолѣпнѣе, что большая часть уполномоченныхъ отъ европейскихъ державъ находилась тогда въ Ризвикѣ (*) для переговоровъ о мирѣ и была при сей аудіенціи. Этотъ случай доставлялъ Царю возможность изучать выгоды и политику иностранныхъ державъ и ознакомиться съ представителями разныхъ націй. Въ это время получилъ онъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Шейнымъ надъ Турками, которые, соединяясь съ Татарами Ногайскими, Крымскими и Кубанскими, пытались взять обратно Азовъ.

Въ Голландіи Царь не только пріобрѣлъ основательное познаніе о построеніи судовъ, но и у знаменитѣйшихъ тамъ профессоровъ учился физикѣ и другимъ наукамъ и особенно прилежалъ къ хирургіи и анатоміи. Оттуда поѣхалъ онъ въ Англію на яхтѣ Короля Англійскаго въ сопровожденіи трехъ военныхъ кораблей (1698).

(*) Ризвикъ, деревня съ замкомъ, близъ Гаги, извѣстна по заключенному въ ней мирному договору 1697 г. между Англіею, Франціею, Испаніею, Голландіею и Германіею.

Съ Вильгельмомъ, Королемъ Англійскимъ, имѣлъ онъ нѣсколько свиданій; осматривалъ въ Англіи разныя фабрики и мастерскія и старался изучить работы собственнымъ опытомъ, трудами рукъ своихъ; наиболѣе же проводилъ время въ лондонскомъ адмиралтействѣ, обращая вниманіе на постройку кораблей. Изъ Англіи отправилъ онъ въ Россію множество художниковъ и работниковъ, оружія, инструментовъ, мануфактурныхъ произведеній.

Петръ посѣтилъ потомъ Германію, миновалъ Францію, на которую имѣлъ неудовольствіе за домогательства ея, вопреки выгодамъ Россіи, возвести на престолъ Польскій Французскаго Принца Конти.

Въ Вѣнѣ Петръ былъ припятъ Императоромъ съ величайшимъ радушіемъ. Царь убѣждалъ его продолжать турецкую войну. Леопольдъ I, хотя и желалъ ее прекратить, но даль слово не приступать къ отдѣльному миру безъ вѣдома союзниковъ своихъ. Другая цѣль Петра въ Вѣнѣ состояла въ томъ, чтобы пригласить въ русскую службу опытныхъ военныхъ людей, на что Императоръ охотно согласился.

Петръ намѣревался ѣхать въ Италію (*), чтобы видѣть тамъ сокровища художественныхъ произведеній и особенно

(*) Нѣкоторые иностранные писатели и даже Левенъ, одинъ изъ добросовѣстныхъ между ними, рассказываютъ, что, во время путешествія Графа Бориса Петровича Шереметева, нѣсколько молодыхъ дворянъ находились въ свитѣ его для изученія наукъ и художествъ; что отвращеніе Русскихъ тогда отъ всего иностраннаго было такъ велико, что одинъ изъ этихъ молодыхъ людей по пріѣздѣ въ Италію не хотѣлъ выходить изъ комнаты, и по возвращеніи въ Россію хвасталъ тѣмъ, что ничего не видѣлъ. Нельзя вполнѣ вѣрить этому разсказу, но полагать можно, что наши бы тогда молодые люди, которые бы охотно такъ поступали, еслибъ не страшились Царя, требовавшаго всегда строгаго отчета. Можно вообразить, какого труда ему стоило бороться съ такими предрасудками!

Венецію, славившуюся флотомъ своимъ и процвѣтающими фабриками, но непріятныя извѣстія, полученныя изъ Россіи воспрепятствовали въ томъ. Четыре Стрѣleckихъ полка, въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, находившіеся на границахъ Литовскихъ подъ начальствомъ Князя Михаила Ромодановскаго, взбунтовались, отрѣшили своихъ начальниковъ, избрали себѣ новыхъ и пошли къ Москвѣ. Усилія Ромодановскаго удержать ихъ въ повиновеніи были бесполезны; онъ поспѣшилъ послать гонца въ Москву, чтобы предупредить о ихъ шествіи. Семейство Царя удалилось въ Троицкій монастырь. Шейнъ и Гордонъ (*) съ 8 тысячами войска, въ чи-

(*) Патрикъ, въ Россіи Петръ Пвановичъ Гордонъ, родомъ Шотландецъ, родился 31 мая 1605 г.; былъ католическаго вѣроисповѣданія, паходился въ службахъ: шведской, прусской и два раза въ польской. Имѣвъ случай познакомиться съ російскимъ посланникомъ въ Польшѣ Замятой Федоровичемъ Леонтьевымъ, получилъ отъ него предложеніе вступить въ русскую службу и въ оную принять майоромъ въ 1661 г. при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ 1666 г. пожалованъ полковникомъ и посланъ отъ Царя въ Лондонъ съ порученіемъ къ Англійскому Двору; былъ употребленъ къ усмиренію казаковъ; находился въ походѣ противъ Турокъ; употребленъ при защитѣ противъ нихъ Чигиринъ, столицы Запорожскихъ казаковъ; получивъ повелѣніе оставить Чигиринъ, вышелъ послѣдній и зажегъ своей рукою пороховой магазинъ, отъ взорванія котораго погибло болѣе 4000 Турокъ, за что пожалованъ генералъ-майоромъ (1678). При правленіи Софіи Алексѣевны пожалованъ генералъ-лейтенантомъ. Нѣсколько разъ просилъ объ увольненіи его изъ русской службы, о чемъ домогался и Англійскій Король Іаковъ II; но въ слѣдствіе настояній Гордона по сему предмету, Князь В. В. Голицынъ такъ разсердился, что разжаловалъ его въ прапорщики. Англійскій Король, зная его и покровительствуя ему, хотѣлъ назначить его своимъ министромъ при Дворѣ Россійскомъ, въ чемъ однако отказано. Потомъ онъ былъ прощенъ и прежній чинъ ему возвращенъ. За первый походъ крымскій при Голицынѣ пожалованъ

слѣ коего находились два гвардейскіе полка, встрѣтили мятежниковъ въ 40 верстахъ отъ Москвы и уговаривали ихъ придти въ повиновеніе, обѣщая прощеніе отъ Царя. Увѣщанія ихъ остались бесполезными. Желая, сколь возможно, употребить мягкія средства, начальники сіи приказали сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ холостыми зарядами. Не увидя между собой ни убитыхъ, ни раненыхъ, они приняли этотъ великодушный поступокъ за чудо, посланное отъ Провидѣнія, имъ покровительствующаго, и упорство ихъ усилилось. Тогда Шеинъ и Гордонъ приказали стрѣлять настоящими зарядами. Стрѣльцы, приведенные въ безпорядокъ, не въ силахъ были противиться, положили оружіе и просили помилованія.

При возвращеніи Царя въ Москву назначенъ былъ надъ ними розыскъ, и они въ допросахъ, въ присутствіи Государя, открыли, что къ безпорядкамъ были возбуждаемы Царевной Софіей Алексѣевной, внушавшей имъ, что вѣра православная потрясена иностранцами; что должно поддержать ее силою; что собственное ихъ благосостояніе подвергается гибели неизбѣжной; что они должны извлечь Царевну изъ заключенія и до возраста Царевича Алексѣя Петровича поручить ей правленіе государствомъ; что потому они стрѣльцы и поклялись, призвавъ ее правительницею, убить Царя на возвратномъ его пути въ Москву, и съ нимъ истребить всѣхъ иностранцевъ, особенно Лефорта и бояръ съ нимъ находившихся въ согласіи. Утверждаютъ, что Софія Алексѣевна, строго содержимая въ монастырѣ, успѣла обмануть бдитель-

опъ генераль-аншефомъ. Потомъ, при единодержавіи Петра, пользовался особенною его милостію и исправлялъ къ совершенному удовольствію Монарха дѣланныя ему важныя порученія. Гордонъ скончался 9 декабря 1699 г. Царь присутствовалъ при его кончинѣ и, проливая слезы, закрылъ ему глаза своими руками.

пость стражей посредствомъ одной старухи, приходившей къ ней за полученіемъ милостыни, и что Царевна однажды дала ей хлѣбъ, въ которомъ находилось письмо къ стрѣльцамъ, которое старуха и доставила имъ.

За розыскомъ послѣдовали казни; нѣкоторые изъ стрѣльцовъ повѣшены были передъ кельею Софіи Алексѣевны. Тѣ даже, которые не имѣли участія въ мятежѣ, были высланы въ Азовъ, Астрахань и другіе города, такъ что въ столицѣ не оставалось ни одного стрѣльца. Царь въ справедливомъ гнѣвѣ противъ сестры своей хотѣлъ казнить ее, о чемъ открылся Лефорту. «Она неоднократно посягала на мою жизнь,» сказалъ Царь.—«Пускай такъ,» отвѣчалъ Лефортъ, котораго совѣты всегда клонились къ смягченію Петра, «но Вы, Государь, не должны ее лишать жизни, если не предпочитаете мщеніе славы вашей. Туркамъ и варварамъ,» присо-вокупилъ Лефортъ, «свойственно обогрять руки свои кровію родныхъ, но Государь—христіанинъ долженъ имѣть другія чувства.» Монархъ былъ всегда внимателенъ къ добросовѣстнымъ совѣтамъ; онъ смягчился въ гнѣвѣ, обнялъ Лефорта и сказалъ: «прощаю ее!» Потомъ съ нимъ же поѣхалъ къ Царевнѣ, чтобы въ присутствіи друга своего уличить ее въ дознанныхъ злоумышленіяхъ. Умная и коварная Софія Алексѣевна, обливаясь слезами, такъ сильно и краснорѣчиво защищалась, что исторгла слезы у Царя, который вышедъ сказалъ Лефорту: «Какъ она умна! Жаль, что сердце ея такъ злобно!»

По приказанію Царя, Софія Алексѣевна была пострижена подъ именемъ Сусанны въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ и скончалась 1704 г. іюля 3-го на 47 году отъ рожденія. Старшая сестра ея, Марѳа Алексѣевна, замѣшанная въ семь же дѣлъ, была пострижена подъ именемъ Маргариты, а Царица Евдокія Теодоровна, явно прогивившаяся преобразова-

ніямъ и нововведеніямъ своего супруга и пристрастная къ людямъ, державшимся старыхъ предразсудковъ, была заключена въ Суздальскій монастырь и пострижена подъ именемъ Елены.

Уничтожая стрѣльцовъ, Царь принималъ дѣятельныя мѣры для сформированія регулярныхъ войскъ по нѣмецкому образцу, такъ что въ 1699 году было уже 29 регулярныхъ полковъ. Съ 1704 года введены рекрутскіе наборы, не исключая и монастырскихъ для того отчинъ. Солдаты получали отъ казны все необходимое, и обязаны были служить отечеству до послѣднихъ силъ своихъ. Въ солдаты поступали, кромѣ сдаточныхъ крестьянъ, безпомѣстные дворяне и дѣти боярскіе, церковные служители, вольноотпущенные, большею частію не по собственной волѣ, а по царскому указу. Государственные доходы были при Петрѣ значительно умножены, безъ чего нельзя было бы содержать вновь образуемыхъ имъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; установленъ лучший порядокъ при сборѣ поземельныхъ податей и таможенныхъ пошлинъ; казнѣ предоставлено исключительное право винокуренія, рыбныхъ ловель, соляной продажи; введена гербовая бумага, платежъ съ купчихъ записей, крѣпостей и разныхъ судебныхъ актовъ, пошлины съ торговыхъ бань, постоянныхъ дворовъ, сборы съ мостовъ, перевозовъ и проч., что большею частію прежде было отдаваемо на откупъ.

Не было ни одной отрасли государственнаго управленія, на которую бы Царь не обратилъ особеннаго попеченія; торговля при немъ оживилась; купечеству даны права; положено основаніе многимъ фабрикамъ и заводамъ. Въ Москвѣ основана школа навигагорская; появились первыя русскія газеты; напечатаны многія учебныя книги, какъ то: математическія и историческія. Въ Москвѣ для вновь учрежденной типографіи, Государь самъ образовалъ вынѣшній граждан-

скій шрифтъ по образцу латинскому. Ежегодно молодые дворяне посылались за границу для пріобрѣтенія свѣдѣній, полезныхъ для государства, и по возвращеніи были испытываемы самимъ Царемъ.

Улучшая внутреннее устройство государства, Петръ хотѣлъ сблизить Русскихъ даже и по наружному виду съ просвѣщенными народами Европы. По возвращеніи его изъ-за границы въ село Преображенское, объявляли пріѣзжавшимъ для представленія Государю, что видѣть Царя можно не иначе, какъ съ бритой бородой. Шейнъ первый отвергъ старый предразсудокъ и обрилъ бороду. Многіе сановники послѣдовали его примѣру, но другіе сильно упорствовали. Изъятія были также дѣлаемы въ послѣдствіи престарѣлымъ и заслуженнымъ особамъ. Въ 1705 году приказано во всѣхъ городахъ царедворцамъ, служивымъ, купцамъ и посадскимъ брить бороды и усы; нехотѣвшіе же исполнить сего приказанія, платили ежегодную пошлину отъ 30 до 100 руб.; съ крестьянъ взимали при вѣздѣ въ городъ по 2 деньги съ человѣка.

Въ 1700 году отдано приказаніе и на счетъ одежды, чтобы всѣ сословія, исключая духовенство и крестьянъ, носили венгерскіе кафтаны, которые черезъ годъ были замѣнены нѣмецкими; ослушники платили пошлину. Въ гостиныхъ рядахъ строго запрещено продавать русскую одежду.

Петръ съ негодованіемъ видѣлъ затворническую жизнь женщинъ, зная, что обращеніе съ ними смягчаетъ нравы и даетъ развитіе нравственнымъ способностямъ. По его повелѣнію женщины начали показываться въ обществахъ и принимать участіе въ удовольствіяхъ свѣта. Для этой цѣли назначалъ онъ во дворцѣ такъ называемыя ассамблеи, или посѣщалъ любимцевъ своихъ, требуя, чтобы гости пріѣзжали съ своими женами и дочерьми въ нѣмецкихъ или француз-

скихъ платьяхъ. Русскіе дичились новыхъ обычаевъ, не любили и удалялись отъ нихъ, потому было предписано указами съѣзжаться и принимать участіе въ увеселеніяхъ Двора, которыя происходили часто; одна болѣзнь только могла извинить непріѣхавшаго.

Петръ запретилъ обычай сочетать бракомъ мужчину и дѣвицу, незнавшихъ другъ друга, которые прежде соединялись супружествомъ по одному расчету родителей. Въ 1702 году былъ изданъ указъ, коимъ повелѣно было непременно совершать браки съ согласія жениха и невѣсты, для чего за шесть недѣль быть сватовству дабы женихъ имѣлъ время познакомиться съ невѣстой.

Для возбужденія соревнованія къ заслугамъ въ подданныхъ своихъ, Царь по примѣру иностранныхъ Державъ учредилъ для награды орденъ Св. Андрея Первозваннаго и первымъ кавалеромъ онаго пожаловалъ (10 марта 1699 г.) Теодора Алексѣевича Головина, въ послѣдствіи генераль-адмирала, фельдмаршала и Римской Имперіи Графа (*). Головинъ въ званіи генераль-адмирала замѣнилъ Лефорта, скончавшагося 4-го марта 1699 г. Лефортъ былъ другъ Царя и достоинъ признательности Русскихъ за оказанныя услуги и за внушеніе Царю многихъ полезныхъ для государства плановъ. Пріѣхавъ въ Россію очень молодымъ, онъ не имѣлъ тогда еще обширныхъ свѣдѣній, но пріобрѣлъ ихъ долго-временною опытностію и наблюдательностію. По дѣятельному и прозорливому уму своему, онъ былъ способенъ ко всѣмъ занятіямъ и вполне оправдалъ возлагаемыя на него обязанности: начальствовалъ войсками, флотомъ, занимался

(*) Графъ Теодоръ Алексѣевичъ Головинъ скончался 2-го августа 1706 года. Онъ первый изъ Русскихъ получилъ въ 1702 году отъ Римскаго Императора графское достоинство.

по внутреннему управленію государства и употреблялся по дипломатическимъ сношеніямъ. Къ способностямъ своимъ онъ присоединялъ рѣдкое безкорыстіе: по кончинѣ его, семейство его не имѣло изъ чего заказать себѣ траурнаго платья. Петръ обезпечилъ участь оставшихся послѣ него вдовы и сына его, а покойнаго похоронилъ съ большою пышностію.
